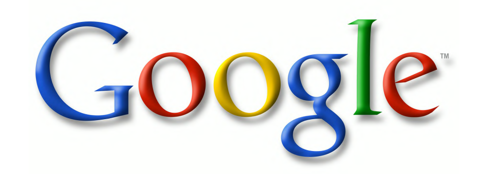
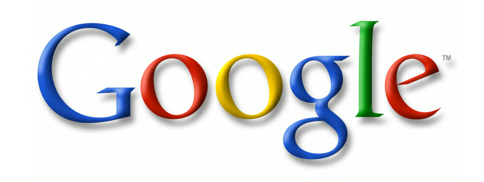

Google

Iz istorii brachnykh diel v tsarskom semie...

Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ

въ царской семьѣ

московскаго періода.

Дм. Цвѣтаева.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ).
на Страстномъ бульварѣ.
1884.

Дозволено цензурой. Москва 28 августа 1884 года.

– 568 ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗЪ ИСТОРІИ БРАЧНЫХЪ ДѢЛЪ

ВЪ ЦАРСКОЙ СЕМЬѢ МОСКОВСКАГО ПЕРІОДА.

Въ семейномъ устройствѣ князья удѣльно-вѣчеваго періода не чувствовали особенныхъ стѣсненій. Сами они женились и сыновей женили на нашихъ княжнахъ, боярышняхъ, или греческихъ царевнахъ и на дочеряхъ польско-литовскихъ и другихъ королей; дочерей выдавали за князей, бояръ и принцевъ. Ко времени укрѣпленія московской централизаціи дѣло измѣнилось. Самостоятельные удѣльные князья отжили свой вѣкъ; полунезависимые бояре стали въ положеніе слугъ; прежнее юридическое понятіе „по рабѣ холопъ" захватывало все большій и большій районъ. Изъ иноземныхъ принцевъ и принцессъ, съ паденіемъ Византіи, остались одни иновѣрные, вступать въ бракъ съ которыми въ Москвѣ считалось крайне опаснымъ для достоинства и чистоты православія и неудобнымъ въ смыслѣ народномъ; допускали такой бракъ лишь подъ условіемъ обращенія чужаго лица въ православную вѣру, чего конечно достигнуть было весьма трудно. Въ свою очередь, на Западѣ не настолько знали и уважали Русь чтобы по доброй волѣ ѣхать сюда за невѣстами или посылать своихъ принцевъ и принцессъ. Татарское иго рѣзко отдѣлило Русь отъ Запада, обособило ее: Московія казалась тамъ какою-то отдаленною варварскою страной.

Измѣненіе обстоятельствъ тяжелѣе всего отразилось
судьбѣ московскихъ княженъ. Для нихъ выходъ заму
остался возможнымъ только за подданныхъ Московскаго
сударя; но великіе московскіе князья нашли что выдава
своихъ дочерей за подданныхъ или, какъ тогда начали
зывать, за „холоповъ" значитъ унижать себя; велики
князьямъ подражали ихъ кровные родственники, князья
ного съ ними московскаго корня: и имъ также не хотѣло
равняться съ „холопами". И напрасно Писемскій, посолъ
сватъ Грознаго, съ необычайною настойчивостью увѣря
Англійскую королеву Елизавету что „государи наши даю
свои дочери за государей и государскихъ дѣтей", въ п
твержденіе чего сослался на примѣръ Елены, дочери Ива
III, выданной въ 1495 году за Польскаго короля Алексан
ра; * примѣръ Елены Ивановны лишь печальный отголосо
предшествовавшей исторіи, который не только не повтор
ся, но еще повелъ къ разрыву Россіи съ Польшей. Д
ри московскаго терема запирались все крѣпче, оберегали
все ревнивѣе.

Софія Палеологъ была послѣднею великою княгиней в
тою изъ иноземныхъ принцессъ. По необходимости бе
за себя подданныхъ, большею частью дѣвицъ незнатн
дворянства, московскіе государи какъ бы утѣшались мы
слію что тѣмъ они возвышаютъ этихъ лицъ до себя. Но
теорія удовлетворяла не всѣхъ; прочность ея постоянно
рализовалась мнѣніемъ что для государей приличнѣе же
изъ царствующихъ въ Европѣ родовъ, и это парализо
ніе сказывалось иногда даже въ крайне уродливой фор
Отправляя Писемскаго въ Англію въ качествѣ своего сва
первый же Московскій царь, на возможный вопросъ: ка
жениться ему при живой женѣ? наказалъ ему держать так
отвѣтъ: „государь нашъ по многимъ государствамъ по
малъ о томъ чтобъ ему, государю великому, по себѣ
искати невѣсту, да тотъ случай не надъ: и государь взя
за себя въ своемъ государствѣ боярскую дочь, а не по
бѣ; а будетъ королевнина племянница дородна и того ве

* Списокъ тайнаго посольства Ѳедора Писемскаго о сватовс
царя Ивана Васильевича и княжны Маріи Гастингсъ, въ *Сборни
Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, XXXVIII,
также въ *Сѣверномъ Архивѣ*, 1824, IV, 315.

каго дѣла достойна, и государь нашъ царь и великій князь, свою оставя, сговоритъ за королевнину племянницу.“ *

Сознаніе важности браковъ между лицами Московскаго царствующаго дома съ членами западно-европейскихъ государскихъ домовъ вызвало цѣлый рядъ попытокъ къ ихъ устройству; но и эти попытки, когда онѣ принимали серіозный характеръ, производились не на обѣихъ половинахъ Западной Европы, а по преимуществу на одной, протестантской. Какъ ни худо смотрѣли вообще у насъ на католиковъ, послѣ реформаціи кредитъ ихъ палъ еще ниже. По общности вражды къ католическому міру и различнымъ практическимъ разчетамъ, Русскіе, едва научась различать католиковъ отъ протестантовъ, отдали предпочтеніе послѣднимъ, мало-по-малу предоставляя имъ то что̀ въ былую пору отдавали однимъ „латинянамъ“. ** Протестантамъ была предоставлена сравнительно бо̀льшая свобода вѣры: первая лютеранская церковь въ Москвѣ явилась около половины XVI вѣка, костелъ же лишь въ концѣ XVII. Поворачивая на новый путь и выходя изъ своего замкнутаго состоянія, Москва, постоянно раздражаемая религіозными и политическими обидами и притязаніями Польши и происками Австріи и папства, тѣснѣе сближалась съ сѣверною половиной Западной Европы, то-есть съ протестантскою, нежели съ южною, католическою. Протестантскія государства были податливѣе и живѣе, и съ ними заводились у насъ многозначительныя связи: торговыя, культурныя, политическія. И если наше стремленіе завладѣть Ливоніей и удержать Лапландію приводило къ частымъ столкновеніямъ и здѣсь, то эти же вопросы по преимуществу служили внѣшнимъ ближайшимъ поводомъ къ брачнымъ сношеніямъ, а Данія и Англія выставляли главный контингентъ подходящихъ для брака лицъ.

Несмотря на желаніе и стараніе нашихъ государей, изо всѣхъ этихъ брачныхъ сношеній увѣнчалось успѣхомъ только одно, да и то какъ бы случайно; остальныя лишь открыли

* Память послу дворянину и намѣстнику Шацкому Өедору Ондрѣевичю Писемскому, *Сборникъ* И. Р. И. О. XXXVIII, 6.

** См. объ этомъ наши статьи: „Положеніе протестантовъ въ Россіи до Петра Великаго“, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1883, IX — X; „Протестантство въ Россіи въ правленіе Софьи“, *Русскій Вѣстникъ*, 1883, XI.

сокровенныя тайны Московскаго дворца и всю глубину тогда ней розни между Россіей и Западомъ. Чтò при другихъ, (дѣе благопріятныхъ условіяхъ должно бы устроиваться са: собою, безъ особенныхъ затрудненій, то потребовало тоі съ нашей стороны самыхъ хитрыхъ подходовъ дипломат различныхъ политическихъ махинацій, а иногда и непомѣ ныхъ напряженій въ области богословской науки. И одна домовитая Москва руководясь своимъ религіознымъ чу ствомъ и политическимъ смысломъ ни разу не поступила здѣсь своими прямыми интересами; въ нѣкоторыхъ случаяі когда личныя стремленія правителей уходили слишкомъ д леко отъ общаго настроенія народной массы, роковой пр градой являлись посторонніе обстоятельства. Тутъ на всеі лежитъ ничѣмъ неизгладимый отпечатокъ тогдашней, чис московской эпохи.

Прослѣдить этотъ интересный рядъ попытокъ къ устро ству браковъ между членами нашего Московско-царскаго протестантскихъ королевскихъ домовъ и составляетъ зада настоящаго труда.

I.

Бракъ Маріи Владиміровны съ Магнусом Датскимъ.

Первое и вмѣстѣ съ тѣмъ приведшее къ цѣли брачное дѣ случилось при Іоаннѣ Грозномъ, во время его долголѣтн Ливонской войны и на почвѣ чисто политическихъ ливо скихъ интересовъ

При покореніи Ливоніи, Ивану Васильевичу, кромѣ мѣс ныхъ жителей, пришлось вести счеты съ Польшей, Даніей Швеціей, державами въ то время первостепенными. Не н дѣясь на успѣхъ, онъ задумалъ подчинить Ливонію пока в правахъ вассальныхъ, и съ этою цѣлью предложилъ спер Фюрстенбергу, а затѣмъ Кетлеру титулъ ливонскаго корол Они отказались, и Таубе и Крузе, агенты Іоанна, обратили къ Магнусу, юному владѣтелю Эзеля, выставляя въ самых радужныхъ краскахъ всѣ выгоды вассальнаго подчинені Предложеніе агентовъ пало на добрую почву.

Положеніе Магнуса было не завидно. Получивъ въ наслѣ ство отъ отца, Датскаго короля Христіана III, Шлезвигскс герцогство, онъ сталъ въ двусмысленное отношеніе къ своем

старшему брату, королю Фридриху II, который счелъ болѣе удобнымъ взять эти земли себѣ, а герцогу въ замѣнъ ихъ купить часть отдаленной Ливоніи, епископство Эзельское и Пильтенъ, куда Магнусъ и направился (1560 года) вмѣстѣ съ датскою дружиной и щедрыми обѣщаніями рыцарству, если оно пожелаетъ подчиниться ему. Открытымъ и уступчивымъ характеромъ, щедростью, доходившею часто до расточительности, юношескимъ пыломъ и склонностію къ веселымъ пирамъ Магнусъ дѣйствительно понравился привыкшимъ къ шумной жизни ливонскимъ дворянамъ; вскорѣ ему удалось присоединить Зонненбургъ и купить обширное епископство Ревельское. Но затѣмъ счастіе ему измѣнило. Своими успѣхами онъ вызвалъ энергическое противодѣйствіе со стороны своихъ соперниковъ, и они то тамъ, то сямъ начали вредить ему. Шведы даже оттерли его отъ богатаго Ревеля; а король Фридрихъ, не видя выгодъ въ содѣйствіи брату, не только почти совсѣмъ покинулъ его на произволъ судьбы, но и задумалъ еще захватить самый Эзель въ свои руки. Борьба съ соперниками и роскошная жизнь требовали между тѣмъ отъ Магнуса непосильныхъ расходовъ. Съ цѣлію поправиться, онъ посватался за сестру Польскаго короля Анну, въ послѣдствіи жену Стефана Баторія, и въ приданое просилъ всю Ливонію, но въ отвѣтъ отъ Сигизмунда-Августа получилъ лишь ѣдкій отвѣтъ подумать прежде о томъ куда привести свою будущую супругу... И въ самомъ дѣлѣ, безпомощность и безсиліе Магнуса достигли того что и съ русской стороны съ нимъ вздумали войти въ сношенія только послѣ неладицы съ Кеттлеромъ. Молодой герцогъ обрадовался предложенію Ивана Васильевича, какъ нечаянной дорогой находкѣ. Ему казалось что зависимость отъ Московскаго царя дастъ ему необходимую внѣшнюю поддержку и быть-можетъ всю Ливонію въ руки. Чтобъ ускорить интересные переговоры, Магнусъ самъ, не снесясь напередъ съ братомъ, поспѣшно отправился (въ мартѣ 1570 года) въ Москву въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты, имѣвшей назначеніе прикрыть его безсиліе; его не остановили даже достигшіе до него слухи о производимой Грознымъ расправѣ съ Новгородомъ *.

* A. Richter's, *Geschichte der dem Russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen*, Riga, 1857, I; Sonntag's, *König Magnus* въ Grave's *Caritas*, Riga, 1831; K. H. von Busse, *Herzog Magnus, König von Livland*, Leipzig, 1871.

Въ Москвѣ хотя и правили кровавыя поминки по н
родскомъ погромѣ, но встрѣтили Магнуса со всѣмъ
томъ, свойственнымъ гостепріимной русской столицѣ, въ
вый разъ видѣвшей въ своихъ стѣнахъ такого высокаг
стя. Грозный царь прикинулся что онъ строгъ тольк
своимъ, а къ чужестранцамъ милостивъ. Ливонскіе лѣт
цы разказываютъ какъ онъ ради своего дорогаго гостя
пустилъ изъ плѣна нѣсколько тысячъ дерптскихъ граж
одарилъ всю свиту Магнуса—совѣтниковъ, дворянъ, слу
задалъ ей богатый пиръ, на которомъ прямо заявилъ
„теперь онъ любитъ Нѣмцевъ всѣмъ своимъ сердцем
Въ то же время предупредительно выслушана была пр
вѣдь любимаго магнусовскаго придворнаго проповѣдни
царь, противъ обыкновенія, даже мягко отозвался о Лю
и лютеранствѣ **. Самъ герцогъ въ одномъ изъ торжест
ныхъ собраній провозглашенъ былъ королемъ Ливоніи,
залогъ будущаго королевства данъ ему Оберпаленъ; за
ковно религіозными и гражданскими законами Ливоніи
скимъ царемъ признана полная неприкосновенность, в
самое время какъ въ Западной Европѣ шли самыя оже
ченныя религіозныя войны. Въ виду того Магнусу сове
не тяжело было присягнуть Русскому царю, и онъ то
ственно признялъ его своимъ сюзереномъ. Разошедшійся
милости царь промолвилъ, впрочемъ, уже не въ торжест
номъ собраніи, что онъ не довольствуется однимъ высок
званіемъ верховнаго господина надъ новымъ Ливонскимъ
ролемъ, но желаетъ быть еще его и родственникомъ: вмѣ
съ ливонскою короной онъ совершенно неожиданно пре
жилъ ему руку своей двоюродной племянницы. ***

Предъ пріѣздомъ Магнуса въ Москву Грозный лиш
жизни своего двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича,
зя Старицкаго, обвинивъ его въ различныхъ измѣнническ
замыслахъ. Отъ несчастнаго остались двѣ дочери—Евфи
и Марья Владиміровны, едва ли, какъ дѣти ненависти

---

* *Scriptores Rerum Livonicarum*, II, Russow, Bl. 70 a u b.; Henn Bl. 51 b.

** Oderborn's *Joan Basilidis Leben*, Görlitz, 1596. 46.

*** *Historica Russiae Monumenta*, I, № CLI. Schreiben des Her Ulrich an d. Kais. Maximilian II, von 24 Sep temb. 1571, у Карамз IX, пр. 335, и въ *Mittheilungen aus d. Gebiete d. Gesch. Liv-Ehst- Kurland's*, Riga, 1845, III, 124.

брата, пользовавшіяся расположеніемъ дяди, и въ свою очередь едва ли любившія дядю, жестокаго убійцу ихъ отца. Иванъ Васильевичъ держалъ ихъ въ черномъ тѣлѣ, въ неизвѣстности; люди, даже очень близкіе къ нему, напримѣръ Таубе и Крузе, считали ихъ убитыми вмѣстѣ съ ихъ отцомъ и матерью. * Очень вѣроятно что царю думалось иногда объ ихъ судьбѣ; нечаянный пріѣздъ холостаго принца натолкнулъ его на счастливую мысль, выдать за этого заѣзжаго гостя старшую изъ сиротъ, Евфимію Владиміровну. Ивану Васильевичу не было нужды ни до новаго, уже извѣстнаго намъ, укоренившагося обычая, ни до того что современные ему русскіе архіереи въ своихъ вѣроисповѣданіяхъ клятвенно обязывались не дозволять браковъ православныхъ Русскихъ съ западными иновѣрцами. ** Нѣтъ сомнѣнія, ему казалось что при помощи этого брака ему удастся какъ избавиться отъ части неприятной ему тягости, такъ и крѣпче прибрать къ своимъ рукамъ Магнуса и Ливонію, гдѣ положеніе Русскихъ становилось не совсѣмъ удобнымъ. Могла ли дочь Владиміра Андреевича содѣйствовать своему нелюбимому дядѣ? Но не въ томъ вопросъ: не въ обычаѣ Грознаго было разбирать средства для дѣйствія. Съ другой стороны, и жениху также было не до разбора невѣстъ: какую ни предложилъ бы ему царь, онъ, чтобы не оскорбить Грознаго, едва ли нашелъ бы возможнымъ отказаться. Позаботиться же о согласіи невѣсты, никому, кажется, не приходило и въ голову.

Надъ брачными переговорами царила непроницаемая тайна; по крайней мѣрѣ ничѣмъ иначе нельзя объяснить незнанія о нихъ Таубе и Крузе, которые и послѣ того преспокойно продолжали думать что ни Евфиміи Владиміровны, ни ея сестры уже давно нѣтъ на свѣтѣ. Приданое обѣщано было богатое: кромѣ другихъ маловажныхъ вещей пять бочекъ золота. *** Все сложилось съ чрезвычайною быстротой и неожиданностію. Но самые сборы къ свадьбѣ еще далеко не были кончены, а съ ливонскими дѣлами медлить было тоже нельзя, и потому бракосочетаніе отложили до болѣе

---

* *Sendschreiben an Gotthard Kettler von I. Taube und El. Kruse*, 1572, въ G. Ewers, *Beiträge z. Kenntniss Russland*, Dorp. 1816, I, 168.

** *Акт. Археогр. Эксп.* I, 162; Соловьевъ, *Ист. Россіи* VII, 90; Неволинъ, *Ист. росс. гражд. зак.*, I, 273—274.

*** Oderborn, 39; *Mittheil.* III, 124.

благопріятнаго времени. Эта отсрочка, едва не разстр(
всего дѣла, привела къ непредвидѣннымъ послѣдствіямъ.

Съ освобожденными ливонскими плѣнными и русск
войскомъ только что произведенный и единственный
исторіи ливонскій король (кромѣ Магнуса никто больш
носилъ этого титула) отправился въ обратный путь,
имѣвъ, кажется, случая видѣть свою невѣсту. Провозглаı
ное имъ объединеніе всѣхъ орденскихъ земель подъ св
королевскою властью, какъ вѣрнѣйшее средство для стр
освободиться ото всѣхъ терзавшихъ ее невзгодъ, полу
сочувственный откликъ, но неудачная осада Ревеля пол(
ла преграду его успѣхамъ, и онъ отступилъ къ Оберпал
Данія и Швеція заключили между собою союзъ; приста
вые къ Магнусу, Таубе и Крузе передались Польшѣ. С
Магнусъ, опасаясь что все это Грозный можетъ объясн
не въ его пользу, боясь подозрѣній и мести, послѣш
убраться на Эзель. Отошла къ отцамъ и его невѣста, Е
мія Владиміровна.

Тутъ, казалось, и конецъ дружественнымъ отношені
между царемъ и королемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конецъ
тѣянной исторіи брака. Разумѣется, такъ бы и случил
еслибы взаимные интересы не тянули болѣе другъ къ др
главныхъ дѣятелей въ этой исторіи. Нужда въ обоюд
помощи, напротивъ, значительно у нихъ усилилась.

Союзомъ со Швеціей Фридрихъ показалъ своему бр
чего тотъ можетъ ждать отъ него. Ревельцы въ свою оче
оскорбляютъ Грознаго. День снятія осады (16 марта 1
года) ими положено праздновать каждый годъ какъ д
освобожденія отъ „московскаго тирана“ и тѣмъ, вмѣстѣ
горькимъ сознаніемъ тяжести потерь, возбуждается въ Г
номъ чувство злобы, личная месть. И вотъ, вмѣсто т
чтобы разрывать связи, вассальный король спѣшитъ оп
даться предъ царемъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ отвѣт
царь рѣшается продолжать разыгрывать роль великодушн
шаго изъ людей и посылаетъ Магнусу любезное письмо,
которомъ, успокоивая его, проситъ возвратиться въ Обер
ленъ и обязательно предлагаетъ ему на прежнихъ услові
руку Марьи Владиміровны, младшей сестры умершей нев
ты. Магнусъ тотчасъ же соглашается; свое согласіе на эт
бракъ шлетъ въ Москву и король Фридрихъ. *

* *Mittheil.* III, 124; Büsching's *Magazin für die neue Historie*, H.
1773, VII, 303—304.

Одно препятствіе лежало еще на пути къ совершенію бракосочетанія—война со Швеціей, но и она благодаря не замедлившемуся перемирію (весной 1573 года) вскорѣ прекратилась. На возвратномъ пути изъ Ливоніи, гдѣ Иванъ Васильевичъ провелъ послѣднюю зиму, онъ остановился въ Новгородѣ чтобы послѣ военныхъ трудовъ найти покой и веселье.

Когда такимъ образомъ препятствія устранились, свадьбу, не откладывая далѣе, назначили въ Новгородѣ на 12 апрѣля 1573 года. Свидѣтелями ея пришлось быть многимъ. Кромѣ возвращавшагося съ Грознымъ войска, Магнусъ прибылъ со свитой до 200 дворянъ и немалымъ числомъ дамъ; съ невѣстой пріѣхали царевичъ Иванъ Ивановичъ и много московскихъ бояръ и боярынь. * Въ первый разъ Русскіе и Нѣмцы встрѣтились такъ близко.

Марья Владиміровна была очень миловидная дѣвочка; ей считали всего около 13 лѣтъ, а Магнусу 23 года. Спустя шесть мѣсяцевъ братъ послѣдняго писалъ Мекленбургскому герцогу что она чистое дитя: достаточно яблока и немного сахару чтобъ она оставалась спокойною. ** Впрочемъ, бракъ въ такіе годы у насъ не былъ рѣдкостью. Стоглавымъ соборомъ (1551 года) запрещалось выдавать замужъ лишь моложе двѣнадцати лѣтъ; *** у западныхъ же путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, передается что имъ часто встрѣчались молодыя женщины которыя, преспокойно играя на улицѣ съ другими дѣтьми, ничѣмъ не отличались отъ своихъ маленькихъ сверстницъ, кромѣ развѣ особаго способа заплетать косу.

При наступившемъ, по обычаю, изготовленіи „свадебнаго разряда“ или „чина“, отъ составителей его потребовалось самодѣятельности значительно болѣе чѣмъ при другихъ подобныхъ случаяхъ. Особаго чина для свадебъ княженъ съ иновѣрными принцами Москва еще не имѣла случая выработать; къ тому жь, теперь устраивалась свадьба съ лицомъ протестантскаго вѣроисповѣданія, то-есть съ такимъ „еретикомъ“ за котораго до сихъ поръ еще совсѣмъ не приходилось выдавать нашихъ княженъ. Гдѣ дѣло касалось религіи

---

* Dr. Vheling's *Sendung nach Nowgorod im J. 1572*, въ F. G. v. Bunge's *Archiv*, I; F. Nyenstädt's *Livland. Chronik*, въ *Monum. liv. antiqu.* II, 76.

** *Mittheil.* III, 124; VIII, 266—267.

*** *Стоглавъ*, гл. XVIII.

составители „разряда“ ввели нѣкоторыя новости, во вс
же остальномъ послѣдовали прежнимъ образцамъ, хот
здѣсь не миновали отступленій. Выбрали тысяцкаго, друж
свахъ и т. п.; невѣстѣ назначили посаженаго отца и п
женую мать, но не видно чтобы назначали ихъ для жен
не замѣтно также „держальщиковъ ширинокъ“, „мыльник
и нѣкоторыхъ другихъ; за то видимъ новую должность
дящихъ бояръ и боярынь“. Бо́льшая часть должностей и
мыя почетныя были замѣщены Русскими.

Согласно „разряду“, въ назначенный день всѣ свадебн
собрались „на царскомъ дворѣ“. Невѣсту, богато раз
тую, окруженную ея многочисленными „чинами“, торж
венно ввели въ ту комнату гдѣ стояло приготовленное
нея и жениха „чертожное мѣсто“. На послѣднемъ ле
одинъ подлѣ другаго два сорока соболей, третій сорокъ „
хивальный“ держалъ стоявшій подлѣ дьякъ. Тотчасъ од
сорокъ принялъ дьякъ Пушкинъ, и на освобожденное м
свахи посадили невѣсту. Рядомъ съ нею сѣлъ вошедшій
нихъ. Другой сорокъ принятъ Яровымъ. Всѣ присутст
щіе размѣстились гдѣ кому слѣдовало. Началось обруче
Обручалъ и смѣнялъ кольца у невѣсты новгородскій
щенникъ Дмитріевской церкви, у жениха—его придвор
пасторъ. По окончаніи обряда княгиня Мстиславская, чт
окончательно приготовить невѣсту къ вѣнчанію, разче
ей голову, „смачивая гребень въ чарѣ съ виномъ“, на
на нее кику; взявъ у дьяка „осыпало“, вѣроятно съ
лемъ, символомъ любви, осыпала имъ вмѣстѣ жениха и
вѣсту и въ заключеніе опахнула ихъ третьимъ сорок
соболей. Когда все было готово, открылся свадебный поѣ

Поѣздъ направился на Пробойную улицу что̀ на Славн
къ Дмитріевской церкви. Женихъ ѣхалъ на конѣ; нев
везли въ саняхъ, вмѣстѣ съ нею сидѣли свахи, около нея
лились „оберегатели пути“—четыре князя и до 30 боярс
дѣтей, обязанностью коихъ было наблюдать чтобы никт
перешелъ пути между невѣстой и женихомъ. Много прид
ли пышности почетные „поѣзжане“, 26 князей и боя
15 королевскихъ дворянъ, приставшіе къ поѣзду у кры
гдѣ должны были дожидаться выхода и встрѣтить вино
ковъ торжества. Кромѣ большихъ чиновъ, виднѣлось мн
ство малыхъ. Изъ послѣднихъ кто несъ фонари, кто св
короваи, сткляницу, подножія, сголовья, осыпало и т. д. О

изъ фонарей отличался такою величиной что его несли два человѣка. Свѣчи были трехъ сортовъ: одна большая, ее несли двое, другія поменьше, горѣли въ фонаряхъ; третьи, „обручальныя“, небольшія. Короваи тоже раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ; большой коровай несли четыре человѣка.

Предъ церковнымъ входомъ брачной четѣ постлали большой красный коверъ,—честь пріятно поразившая иностранцевъ, по незнанію русскихъ обычаевъ, принявшихъ это за знакъ особеннаго уваженія къ Магнусу; другой коверъ и два сорока соболей были разостланы на паперти и въ церкви. По нимъ православная невѣста торжественно вошла въ самую церковь, а женихъ на паперть,—далѣе идти ему не дозволили: вѣнчальный обрядъ надъ нимъ, какъ протестантомъ, долженъ былъ совершиться здѣсь. На лѣвой сторонѣ отъ княжны виднѣлись чины съ короваемъ, свѣчами и фонаремъ, съ тѣми же принадлежностями стояли и близь жениха. Какъ расположились остальные присутствующіе и были ли впущены въ церковь протестанты—неизвѣстно. Вообще, послѣднимъ изъ предосторожности чтобъ отъ нихъ, какъ „нечистыхъ“, „нехристей“ не осквернился православный храмъ, входъ въ наши церкви строго воспрещался и ни откуда не видно чтобъ и на этотъ разъ сдѣлано было исключеніе, хотя бы то для нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Наконецъ, наступилъ и вѣнчальный обрядъ, давно ожидаемый и по нѣкоторымъ частностямъ единственный въ нашей исторіи. О предшествовавшемъ ему бракосочетаніи Елены Ивановны съ Александромъ Польскимъ нашъ лѣтописецъ отмѣтилъ: „Въ лѣто 7003... февраля въ 15... вѣнчаша ихъ въ Станиславѣ въ римскаго закона церкви бискупъ (епископъ) Виленскій по-латински, а великаго князя попъ Ѳома по греческому закону единъ“ *. Какъ бы въ подражаніе этой формѣ бракосочетанія, но еще съ большею долей рѣзкости теперь устроили такъ что въ то время какъ мѣстный священникъ вѣнчалъ въ церкви княжну по православному чиноположенію, на паперти, гдѣ продолжалъ стоять принцъ, его придворный пасторъ совершалъ надъ нимъ лютеранскій обрядъ. Въ такомъ именно видѣ совершился первый бракъ нашей русской православной княжны съ протестантскимъ прин-

* *Полн. Сборн. Русск. Лѣт.* IV, 165; VIII 229; *Русскій Зритель* 1828, ч. 2, №№ V—VI: Поѣздка Елены Ивановны въ Вильну.

цемъ, бракъ, послужившій основаніемъ для подобныхъ п
дующихъ. Петръ I и Ѳеофанъ Прокоповичъ ссылались
него какъ на законное историческое основаніе. Своею
гинальною формой далеко превосходя своихъ предшес
никовъ, онъ рѣзко отличается и отъ послѣдующихъ. Въ
подобный бракъ нашей княжны, состоявшійся во вре
Петра Великаго, былъ совершенъ однимъ православнымъ
ховнымъ лицомъ и притомъ въ православной церкви.

По окончаніи вѣнчанія, когда новобрачные выходили
храма на улицу, ихъ, по русскому обычаю, осыпали.

Отъ церкви поѣздъ въ прежнемъ порядкѣ направилс
государеву дворцу. Здѣсь открылся пиръ на славу. Пирс
вмѣстѣ всѣ—и Русскіе, и иностранцы, но первые си
выше послѣднихъ. Изъ русскихъ боярынь „большое мѣ
занимала жена окрещенаго татарскаго царевича Мих
Камбуловича, а противъ нея сидѣлъ князь Иванъ Ѳедоро
Мстиславскій. Русскія забавы, начавшіяся послѣ обѣда,
шались вмѣстѣ съ иноземными. Гости разбушевались
представленіяхъ, плясках и пр. они, по словамъ одного
ливонскихъ лѣтописцевъ, дошли до такихъ безобразій ка
не испорченнымъ глазамъ и ушамъ нельзя ни видѣть
слышать. На общей радости развеселился и царь И
Васильевичъ. Не гораздый въ пляскѣ, но большой охот
до пѣнія, онъ собралъ маленькихъ послушниковъ и за
съ ними символъ Аѳанасія Великаго. Пѣлъ онъ бы
наизусть, и маленькіе товарищи не могли поспѣть за
по книгѣ. Это его сердило, и когда они сбивались и о
вали онъ до крови билъ ихъ тяжелымъ посохомъ, котор
регентовалъ. Нѣмецкіе ученые, случившіеся тутъ, видно
принимали участія въ увеселеніяхъ. Между ними и од
русскимъ игуменомъ, хорошимъ начетчикомъ, завязался
ный религіозный споръ, причемъ игуменъ выказалъ желѣз
неуступчивость, чѣмъ очень не понравился иноземцамъ;
лосокъ этого неудовольствія слышенъ и въ насмѣшкахъ
нимъ ливонскаго лѣтописца.

На ночь молодыхъ отвели въ опочивальню, приготовлен
въ одномъ деревянномъ домѣ. Въ прихожей помѣсти
нѣсколько знатныхъ пожилыхъ женщинъ. Около дома ѣз

---

* *Полн. Собр. Зак.* VI № 3.814; *Полн. Собр. Пост. и Рас*
Вѣд. Прав. Испов., 1, № 151.

двое сильныхъ дворецкихъ, на обязанности коихъ лежало охранять покой новобрачныхъ. По утру царь надѣлилъ молодыхъ богатыми мѣховыми шубами. Пированье продолжалось нѣсколько дней *.

Свадьбу сыграли; наступило время разчета. Магнусъ мечталъ о богатомъ приданомъ. Онъ надѣялся что получитъ обѣщанныя царемъ бочки золота, всѣ завоеванныя Русскими земли и будетъ жить со своею молодою женой въ довольствѣ, припѣваючи. Но недавнія измѣны Таубе, Крузе, Фаренсбаха и другихъ иноземцевъ научили Грознаго осторожности. Прежній обычай хвалиться своимъ необычайнымъ довѣріемъ къ иностранцамъ онъ уже оставилъ; Фелингу, послу Мекленбургскаго герцога, онъ сказалъ около этого времени: „Нѣмцы мнѣ извѣрились“. Неудивительно послѣ того что онъ задумалъ попридержать, постѣснить Магнуса, и на его требованіе отвѣтилъ ему чтобъ онъ, пока не докажетъ своей вѣрности, довольствовался даннымъ ему раньше Оберпаленомъ и Каркусомъ.

Новобрачная чета поселилась въ этихъ своихъ владѣніяхъ. Въ одномъ Оберпаленѣ принадлежало ей до тысячи крестьянъ; жить бы еще можно было, пожалуй, не особенно бѣдно, еслибы чета была по-практичнѣе; жена была не хозяйка и совершенное дитя, а супругъ—довѣрчивый, до расточительности щедрый юноша. Вскорѣ онъ раздарилъ своимъ придворнымъ почти всѣхъ крестьянъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на бѣдность, взаимныя отношенія супруговъ были добрыя. Марья Владиміровна вполнѣ подчинилась вліянію своего мужа. Оставивъ въ покоѣ ея религіозныя убѣжденія, онъ преобразовалъ лишь ея внѣшность, такъ что въ изящности манеръ она потомъ не уступала ливонскимъ дамамъ. У нихъ родилась (1580) дочь Евдокія, крещеніе которой, по словамъ Флетчера **, совершено по обряду православному.

* Гл. Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, Историческія и церемоніальныя дѣла 1578 года, св. 1, № 1; *Вивліоѳика*, XIII, 97—103; Сахарова, *Сказанія Русскаго народа*, С.-Пб. 1849, II, 65—66; Nyenstädt, s. 76; Henning, Bl. 55 a u b; Russow, Bl. 82 b; D. P. a Bucchau, *Moscoviae ortus et progressus*, Gubenae, 1679, 222—224 (русск. перев. Бухау, составленный Барсовымъ, печатается въ *Чт. Имп. М. О. Ист. и Др. Россійскихъ*). Всѣ эти документы настолько неполны и отрывочны что пользоваться ими возможно только при свесеніи ихъ съ извѣстіями о другихъ княжескихъ свадьбахъ той эпохи.

** Флетчеръ *О Государствѣ Русскомъ*, Лондонъ, 1591.

Родство съ Грознымъ не принесло Магнусу того чего добивался: основать самостоятельное Ливонское королев подъ номинальною зависимостью отъ московскаго царя ем удалось. И хотя счастіе ему потомъ нѣсколько разъ улыба онъ, когда былъ въ союзѣ съ Грознымъ, иногда возвыш на такую высоту что, казалось, былъ уже близокъ цѣли; но это повидимому случалось только затѣмъ чт тѣмъ быстрѣе и сильнѣе низвергать его внизъ. Число говъ его увеличилось; враги московскаго царя превратил въ его собственныхъ. Братъ Фридрихъ взялъ у него Эз Шведы обрѣзывали его съ сѣвера, Поляки съ юга, и ко Баторій началъ одолѣвать наши войска, онъ, чтобы спа остатки своихъ владѣній, измѣнилъ Іоанну (не даромъ ааяъ прежде не довѣрялъ ему вполнѣ), поспѣшивъ даться новому сюзерену. Это мало ему помогло. Стѣсн его во всемъ, Поляки обнаружили свои хитрыя притяз и на его послѣдній укромный уголокъ, отдаленный Пи тенъ. Политическая его роль была доведена до ничтожес Онъ перестаетъ употреблять даже свой почетный тит ливонскаго короля. Огорченія свели его въ могилу ран времени. Онъ умеръ 18 марта 1583 года, 42 лѣтъ отъ р и былъ похороненъ въ дворцовой Пильтенской киркѣ. Т его потомъ * перевезли въ Данію.

Не осталась на мѣстѣ и его супруга. Щедрыми обѣщані сначала убѣдилъ (1583 года) ее переселиться въ свои владѣ Баторій, потомъ заманилъ (1586 года) ее въ Россію Борис

* По лѣтописи Руссова (Russow, Bl. 184 a), въ слѣдующемъ году, а по пильтенскимъ церковнымъ книгамъ (Kalmeier, *Wo ist zog Magnus begraben? Das Inland*, 1837, № 25, s. 414—418), 5 ап 1662 года.

** Вслѣдъ за Горсеемъ (Записки о Московіи XVI вѣка, *Биб Чтен.* 1865, № 6, стр. 8—11) въ нашей исторической наукѣ (Ко маровъ, *Русская исторія*, 1880, I, 580) до сихъ поръ держится мн будто она съ ея согласія была похищена тайно отъ коменд крѣпости. Дѣло, какъ показываютъ офиціальные документы (*Лѣт. Общ. И. и Др. Росс.* 1837, VIII, 392—393), обошлось проще, всякихъ романическихъ похищеній: наше правительство, заручив тайнымъ согласіемъ Марьи Владиміровны, обратилось къ Польс правительству о добровольномъ ея отпускѣ въ Россію, а послѣд давно тяготившееся непріятною для него обузой, съ полною го ностію исполнило эту давно желанную просьбу.

и ни тотъ, ни другой не исполнили своихъ обѣщаній: Баторій отправилъ ее въ Рижскую крѣпость, Борисъ—въ монастырь. Лишившись дочери, она подъ именемъ инокини Мареы долго еще влачила здѣсь свою несчастную жизнь, хотя съ точностію и не извѣстенъ годъ ея смерти *. Въ послѣдній разъ упоминается о ней въ 1609 и 1611 годахъ ** — во время осады Троицкой Лавры Поляками и разграбленія московскаго Новодѣвичьяго монастыря казаками Заруцкаго. Казаки до-нага ограбили ее вмѣстѣ съ другою подобною инокиней, дочерью Бориса, Ксеніей, и обѣихъ ихъ подвергли поруганію... Гробница ея и ея дочери находится въ Успенскомъ соборѣ Троице-Сергіевой Лавры ***.

Тяжело было житье нашихъ княженъ въ теремахъ, но все же трудно сравнивать его съ судьбой кн. Марьи Владиміровны. Первый бракъ между нашею православно-русскою княжной съ нѣмецко-протестантскимъ принцемъ какъ-будто и устроился только затѣмъ чтобы подвергнуть эту чету самымъ тяжкимъ невзгодамъ.

II.

Сватовство Грознаго за Марію Гастингсъ. †

Еще прежде чѣмъ родилась Марья Владиміровна, Иванъ Васильевичъ задумалъ поискать себѣ невѣсту „въ иныхъ государствахъ, у короля или у царя котораго“. Митрополитъ склонилъ его оставить эту мысль, и царь заявилъ (1547) ему: „азъ, отче, ту мысль отложилъ, въ иныхъ государствахъ не хочу женитися: для того что послѣ своего отца и матери

* Дата на ея гробницѣ („лѣта ҂ЗРЕ (1597) іюнія ГІ (13) дня, преставися благовѣрная королева инока Мареа Владиміровна“) невѣрна и ошибка сдѣлана, вѣроятно, при подновленіи.

** *Акты историческіе* III, 286; *Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ* III, 585.

*** Подробнѣе объ этомъ см. въ нашей статьѣ: *Марья Владиміровна и Магнусъ Датскій*, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1878. III.

† Главные относящіеся сюда документы хранятся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, среди Англійскихъ дѣлъ, св. I, №№ 1 и 2, и изданы въ 1883 году въ XXXVIII томѣ *Сборника Имп. Русск. Историч. Общества*.

остался малъ, привести мнѣ за себя жену изъ другаго дарства, и у насъ въ нравахъ будетъ разное и иное нами будетъ тщетно" *. Выборъ палъ на невѣсту изъ св на Анастасію Романовну. Послѣ ея смерти вліяніе дух ства и лучшаго боярства на Іоанна ослабѣло. Онъ намѣ себѣ въ супруги дочь ревностнаго католика, Сигизму Польскаго, и продолжалъ свататься за нее даже по вы ея за Шведскаго короля Іоанна, пока ея мужъ съ позо не выслалъ (1567) его пословъ изъ Стокгольма. Несмот то, подъ конецъ жизни, въ немъ воскресла мысль о ругѣ изъ знатныхъ иноземокъ. Внѣшнимъ предлогом возобновленію попытки опять послужилъ Ливонскій вой

Стѣсненный Баторіемъ и Швеціей, Іоаннъ вынуж былъ на невыгодный для насъ миръ: мы были совсѣмъ о заны отъ балтійскихъ береговъ, изъ-за которыхъ погу столько усилій, средствъ и людей. Это убѣдило насъ как посильна для насъ борьба съ западными сосѣдями пока м равны съ ними въ ратномъ искусствѣ и пока у насъ тамъ вѣрнаго союзника. Потому, не покидая надежды воротить тійскіе берега, Іоаннъ завелъ сношенія съ Англійскою к левой Елизаветой о заключеніи наступательнаго союза тивъ Польши и, чтобы лучше закрѣпить его, вплелъ сюд реговоры о женитьбѣ на одной изъ родственницъ Елизав Маріи Гастингсъ, дочери графа Гёнтингдонскаго **. Б долженъ былъ служить къ закрѣпленію и другаго пред тія Іоанна. Одновременно съ тѣмъ царь велъ переговор Елизаветой о тайномъ для себя убѣжищѣ. Какъ родс никъ королевы, онъ, конечно, былъ бы принятъ тамъ д еслибы дѣйствительно когда-нибудь пришлось воспользо ся выхлопатываемымъ имъ дозволеніемъ. То же обстоя ство что онъ былъ женатъ и его жена Марія Нагая на лась въ добромъ здравіи, ему не казалось препятств Женившись въ пятый или седьмой разъ и привыкши

---

* *Царственная книга.* Спб. 1769. 127.

** Извѣстіе нашей лѣтописи (*Полное собр. Русск. Лѣтоп.* IV и сообщеніе Горсея (*Библіотека для Чтенія* 1865, № 5, 53), бы Грозный, введенный въ заблужденіе Елисеемъ Бомеліемъ, начально думалъ жениться на самой Елизаветѣ, не заслужи вѣроятія. См. объ этомъ у графа Ю. Толстаго: *Англія и ея от Россію въ XVI вѣкѣ*, *Вѣстникъ Европы* 1875, VIII, 507—508.

нять своихъ супругъ другими, сластолюбивый старикъ съ такою же свободой могъ взять и восьмую, и считалъ это такъ естественнымъ что переговоры о Маріи Гастингсъ онъ поручилъ сначала вести, между прочимъ, брату своей жены, Аѳанасію Нагому.

Началось съ того что Іоаннъ попросилъ Елизавету о присылкѣ ему хорошаго доктора и аптекарей. Подобныя просьбы были тогда въ обычаѣ, и Елизавета охотно исполнила ее: прислала доктора Роберта Якова *, рекомендуя его съ самой выгодной стороны и выставляя на видъ какъ онъ и аптекари дороги ей („себя есмя ими оскудѣли“) и если отправляетъ, то чтобы доказать ему, Іоанну, свою дружбу Цѣль оговорокъ понятна: побуждать государя оказывать свое покровительство англійскимъ купцамъ. Въ бесѣдѣ съ Робертомъ, Іоаннъ какъ-то спросилъ его: есть ли въ Англіи какая государская дочь, вдова, жена или дѣвица? Докторъ указалъ на королевину племянницу Марію Гастингсъ. Царь велѣлъ оружейничему Богдану Бѣльскому, думному дворянину Аѳанасію Нагому и дьяку Щелкалову разспросить подлиннѣе доктора о той „дѣвкѣ“ и о дорогѣ какимъ обычаемъ государеву послу ѣхать въ Англійскую землю. Снаряжено было посольство. Его составляли: дворянинъ Ѳедоръ Андреевичъ Писемскій, при немъ подъячій Елифанъ-Неудача Ховралевъ, толмачи Романъ Бекманъ и Эгидій Кроу. Послѣднему было поручено тайно сообщить Елизаветѣ о намѣреніи Іоанна прибыть въ Англію, а Писемскій долженъ былъ, ведя съ ея послами переговоры о заключеніи союза противъ Польши, открыть королевѣ что Іоаннъ желалъ бы взять ея племянницу еслибъ эта оказалась годною ему; на его обязанности лежало также добиваться чтобъ ему была показана невѣста и данъ ему съ нея портретъ, чтобъ онъ высмотрѣлъ ее накрѣпко, развѣдалъ о ней и ея родныхъ и обо всемъ донесъ своему государю.

16 сентября 1582 года посольство высадилось на англійскій берегъ. То подъ предлогомъ морового повѣтрія, то подъ предлогомъ увеселеній доставляемыхъ нашимъ посламъ представить пословъ Елизаветѣ и начать съ ними переговоры Англичане не торопились. Представленіе королевѣ состоялось

* Онъ извѣстенъ у насъ болѣе подъ именемъ Романа Елизарьева. О немъ у Рихтера въ *Исторіи медицины въ Россіи* II, 293—300.

4 ноября, въ Виндзорѣ, а первое совѣщаніе съ ея минис
ми во второй половинѣ декабря. Писемскій заявилъ что
союзъ противъ враговъ, особенно противъ короля Польск
за помощь людьми или деньгами, и за пропускъ въ Ро
мастеровъ и всего что пригоже къ ратному дѣлу, госуд
обѣщаетъ выпускать изъ Россіи въ Англію все безъ вывѣ
Министры отвѣтили что прежде слѣдуетъ донести имъ о т
до вѣдома королевы.

Какъ бы для ускоренія сношеній, Писемскій, теряя тер
ніе, чрезъ своего толмача Елизара, далъ знать королевѣ чт
него есть до нея тайное дѣло. Хотя изъ донесенія докт
Роберта ей кое-что было извѣстно, однако Елизавета не по
зала о томъ виду, назначила Писемскому быть у нея (18
варя 1583 года) въ Ричмондѣ и, оставшись съ нимъ наеди
спросила въ чемъ состоитъ тайный ему приказъ госуд
Писемскій предложилъ королевѣ чтобъ она показала
свою племянницу, велѣла бы написать ея персону для п
дачи государю, чтобы государь, буде Марія пригодится
его государскаго чину, началъ о томъ съ королевой говор
какъ пригоже. „Любя брата своего, вашего государя, отвѣч
Елизавета, рада съ нимъ быть въ свойствѣ; но я слышала что
сударь вашъ любитъ дѣвицъ красивыхъ, а моя племянн
некрасива и вашъ государь едва ли полюбитъ ее; совѣс
мнѣ также и списать ея портретъ и послать его къ госу
рю: лежала она въ оспѣ, отъ болѣзни не оправилась, лиц
нея теперь красное, ямоватое“. Елизавета, очевидно иск
предлога чтобъ отклонить предложеніе; но посолъ нас
валъ, и Елизавета, какъ ни отказывалась, наконецъ обѣ
ла ему что какъ только племянница выздоровѣетъ, она
литъ ее показать ему и написать съ нея портретъ.

Елизаветѣ хотѣлось знать поточнѣе объ условіяхъ бр
Убѣждая посла что безъ крѣпкаго договора она не отпуст
не только племянницы, но и менѣе знатной особы, и о
дряя его тѣмъ что теперь она говоритъ съ нимъ сама, б
совѣтниковъ, она побуждала его сказать ей все. Пос
сообщилъ: „Государь нашъ, государыня, велѣлъ говор
какъ судомъ Божіимъ сговоришь за него свою племянн
и быть ей за нимъ въ одной съ нимъ христіанской вѣ
какъ равно и боярамъ и боярынямъ, которые пріѣдутъ съ
и захотятъ жить у ней на государскомъ дворѣ; а кото
пожелаютъ возвратиться назадъ въ Англійскую землю

тѣмъ вольно ѣхать съ великимъ государевымъ жалованьемъ и путь имъ будетъ чистъ по договору, на чемъ приговорятъ въ докончаніи".—А если родятся дѣти у вашего государя съ моею племянницей?—„На государство быть сыну государя, царевичу Ѳедору и его дѣтямъ; а дѣтямъ, которыхъ Богъ дастъ государю нашему съ твоею племянницей, быть на удѣлахъ по ихъ царскому чину, какъ у нихъ, государей, ведется."—А если родится дочь?—„Государи наши выдаютъ дочерей за государей и за государскихъ дѣтей", отвѣчалъ Писемскій и указалъ на примѣръ Елены, выданной за Польскаго короля Александра.

Переговоры о сватовствѣ не ускоряли переговоровъ о союзѣ. Отвѣтъ королевы о послѣднемъ Писемскому былъ данъ уже во второй половинѣ марта. Свою помощь королева обѣщала подъ условіемъ торговой для Англичанъ монополіи. Писемскій возразилъ: „Какъ Англійской землѣ нельзя быть объ одномъ русскомъ торгу, такъ и Русскимъ людямъ нельзя быть объ одномъ торгу съ Англичанами". Успѣшнѣе повидимому шли дѣла у толмача Кроу. Пріемъ въ Англію былъ Іоанну обѣщанъ со всѣмъ его имуществомъ.

Между тѣмъ до Англійскаго правительства достигла вѣсть что у царя отъ Маріи Нагой родился сынъ Дмитрій. И безъ того бракъ съ Іоанномъ казался незавиднымъ, а тутъ еще новое затрудненіе и стали пробовать, не откажется ли Писемскій отъ своего порученья. „И такимъ бы слухамъ королева не вѣрила, отвѣчалъ Писемскій: лихіе люди то ссариваютъ, не хотя видѣть промежъ государя да королевны добраго дѣла". Онъ запросилъ себѣ отпуска, если она не хочетъ исполнить ему своего прежняго обѣщанія—показать племянницу и дать ея портретъ.

Отпустить его такъ было не удобно. 17 мая онъ получилъ чрезъ Рондольфа приглашенье въ домъ канцлера Бромлея чтобы видѣть невѣсту. Ему было наказано чтобы онъ взялъ съ собой одного Елизарья, такъ какъ тамъ народу будетъ немного: самъ канцлеръ, братъ невѣсты и ихъ семьи. У крыльца встрѣтилъ ихъ самъ хозяинъ вмѣстѣ съ графомъ Гастингсомъ и провелъ прямо въ садъ, въ бесѣдку. На одномъ креслѣ Бромлей предложилъ сѣсть Писемскому, на другомъ сѣлъ самъ; Гастингсъ и Рондольфъ сѣли на лавкахъ. Вскорѣ явилась невѣста; она шла между хозяйкой и женой графа Гастингса; за ними толпились дамы. Хозяинъ и Писемскій встали и

поклонились имъ; эти отвѣтили на поклонъ. И Бро
сказалъ Ѳедору: „Высмотри внимательно; королева в
показать тебѣ племянницу не въ темномъ мѣстѣ, не в
морѣ, не въ палатѣ, на свѣту". Гости отправились г
по саду, Бромлей съ Писемскимъ также, и гости встрѣти
съ ними чтобы Писемскій могъ еще разсмотрѣть Марі
„Хорошо ли высмотрѣлъ?" спросилъ его хозяинъ.—„Я
трѣлъ по государя моего наказу и по королевнину велѣн
Бромлей воротился съ Писемскимъ въ бесѣдку, подчи
его овощами и виномъ. Немного посидѣвъ, Ѳедоръ вст
хозяинъ и Гастингсъ проводили его до лодки, Рондольф
до посольскаго двора.

„И княжна Хунтинскаго Марья Хантисъ, запис
посолъ въ своемъ донесеніи, ростомъ высока, тонка, ли
бѣла, глаза у нея сѣрые, волосы русые, носъ прямой, н
какъ пальцы тонкіе и долгіе." * О пріятности, красотѣ
не промолвился ни словомъ.

Невѣста, дѣвушка пожилая, лѣтъ подъ тридцать, едв
была бы прочь пристроиться за жениха съ громкимъ т
ломъ. Его многоженство не должно было особенно смущ
ее. Сама Елизавета—дочь король Генриха, мужа восьми ж
Несравненно болѣе должны были пугать ее нравъ и
царя. Со своей стороны, Елизавета любопытствовала о
чатлѣніи какое произвела невѣста на свата. „Государь в
племянницы моей не полюбитъ, говорила она Писемском
не только онъ, но и ты, думаю, не полюбилъ ее".—„Мнѣ
жется, отвѣчалъ онъ, племянница твоя красива, а станов

* Отсюда ясно, какъ неправдоподобенъ разказъ Горсея. „По
передается здѣсь, въ сопровожденіи разныхъ другихъ дворянъ и
подъ, былъ представленъ леди (въ Горкгаузскомъ саду), но вд
растерявшись упалъ къ ея ногамъ, всталъ и побѣжалъ отъ нея
домъ съ обращеннымъ къ ней лицомъ. Она и всѣ прочіе удиви
такой выходкѣ. Тогда чрезъ переводчика онъ сказалъ что до
ствуется однимъ взглядомъ на ангела, котораго онъ надѣется
дѣть супругою своего государя, и восхвалялъ ея ангельскій в
станъ и удивительную красоту. Послѣ этого приключенія бли
друзья при дворѣ прозвали ее московскою царицей" (*Запис
Московіи XVI вѣка* въ *Библіотекѣ для Чтенія*, 1865, № 5, стр.
Нужно полагать что таковы именно слухи ходили тогда въ ан
скомъ обществѣ; въ этомъ отношеніи только и имѣютъ свое зн
ніе сообщаемыя Горсеемъ подробности.

то дѣломъ Божіимъ: присудитъ Богъ быть твоей племянницѣ за нашимъ государемъ, и она ему полюбится. Что̀ мнѣ сказать отъ тебя объ этомъ дѣлѣ государю?"—„О томъ я наказала со своимъ посломъ".

Это былъ Джеромъ Боусъ. Ему назначено было отправиться въ Россію вмѣстѣ съ Писемскимъ. Рондольфъ привезъ (13 іюня) Писемскому портретъ Маріи Гастингсъ, и пословъ проводили (21 іюня) съ честью.

Насколько Писемскій держалъ себя въ Англіи прямо, настолько постоянно хитрилъ у насъ Боусъ, исполняя не посильную для него миссію. Обѣщая Іоанну только убѣжище въ Англіи, онъ долженъ былъ добиться исключительной и безпошлинной торговли въ Россіи для англійскихъ купцовъ и отклонить требуемый Іоанномъ союзъ противъ его враговъ и женитьбу на Маріи Гастингсъ. Въ своихъ длинныхъ переговорахъ о союзѣ онъ постоянно сбивался, не обѣщая даже свободнаго чрезъ Англію пропуска въ Россію пословъ отъ государей, которые съ Англіей не въ дружбѣ и не одной вѣры. На послѣднее бояре замѣтили ему: „Вѣра къ дружбѣ не пригодится: хотя кто и не одной вѣры съ государемъ нашимъ, но будутъ ему друзьями тѣмъ что станутъ къ нему посылать своихъ пословъ и гонцовъ; вотъ и государыня ваша не одной съ нимъ вѣры, а государь нашъ желаетъ съ нею быть въ любви и братствѣ мимо всѣхъ государей." За союзъ касательно Ливоніи Іоаннъ готовъ былъ даже поступиться монополіей, хотя самъ признавалъ это тяжелѣе лени.

Ничего не добившись здѣсь, Іоаннъ велѣлъ послу быть у себя 13 декабря, безо всякаго вооруженія, безъ меча и кинжала, для переговоровъ о тайныхъ дѣлахъ. Съ обычнымъ торжествомъ ввели его въ столовую избу, гдѣ присутствовали знатные князья Ѳ. М. Трубецкой, Н. Р. Юрьевъ, Б. Я. Бѣльскій, Д. И. Годуновъ, окольничій С. В. Годуновъ; думные дворяне: Игнатій Татищевъ, Д. Черемисовъ, Воейковъ, дьяки Андрей и Василій Щелкаловы, Савва Фроловъ, И. Стрѣшневъ. Подозвавъ къ себѣ Юрьева, Бѣльскаго, Андрея Щелкалова и Фролова и самого посла, царь разказалъ вкороткѣ исторію сватовства и спросилъ Боуса, что̀ ему о томъ наказано отъ Елизаветы и какъ тому дѣлу можно статься. Боусъ началъ хитрить, показалъ видъ что объ условіяхъ брака будто бы Елизаветѣ ничего неизвѣстно, кромѣ того что Писемскій просилъ ее прислать къ государю посломъ добраго и ближняго своего

человѣка, и вотъ королевна послала его выслушать и доне[сти]
до нея что государь ему скажетъ, а съ нимъ ничего не наказ[ала.]
Іоаннъ обратился къ частнымъ вопросамъ. „Хотимъ [м]
судомъ Божіимъ, говорилъ онъ, княжну Марью, племянни[цу]
Елизаветъ-королевны, за себя взять, и княжна Марья буд[ет]
ли со мной въ одной вѣрѣ и какимъ обычаемъ тому дѣлу
вершиться?“—„Племянница королевнина княжна Марья, [от]-
вѣчалъ посолъ, но грѣхамъ сильно больна, да думаю что
отъ своей вѣры она не откажется: вѣра вѣдь одна христі[ан]-
ская.“ Здѣсь посолъ высказалъ иной взглядъ на религію чѣ[мъ]
во время переговоровъ о союзѣ. На это государь замѣти[лъ:]
„Я не о вѣрѣ съ тобой говорить хочу, и тому статься не в[оз]-
можно: княжнѣ, которой быть за нами, слѣдуетъ сперва к[ре]-
ститься въ нашу христіанскую вѣру; и вижу что ты пріѣха[лъ]
не дѣло дѣлать, а отказывать; мы больше съ тобой о нем[ъ]
говорить не станемъ, началось оно отъ задора доктора Е[ли]-
мана, онъ намъ насказалъ про нее.“ Понимая къ чему [мо]-
жетъ повести это неудовольствіе Іоанна, Боусъ замѣтилъ: „[Я,]
государь, королевнина племянница всѣхъ племянницъ даль[ше]
и больна, и лицомъ некрасива; а есть у королевны дѣвицъ
десять ближе ей въ родствѣ.“ „Кто же онѣ?“ спросилъ ца[рь.]
Долгіе переговоры о сватаніи Гастингсъ вдругъ, сов[ер]-
шенно неожиданно для присутствующихъ, готовы бы[ли]
превратиться въ сватаніе другихъ Англичанокъ; но э[то]
совсѣмъ не входило въ разчеты Боуса, и онъ отвѣчалъ: „м[нѣ]
о томъ наказа нѣтъ чтобы называть ихъ имена.“

Хотя государь и заявилъ что онъ больше о сватовствѣ [го]-
ворить съ Боусомъ не желаетъ, однако эти слова сорвал[ись]
у него больше отъ досады. Въ свою очередь, Боусъ так[же]
желалъ смягчить прежнее впечатлѣніе, и чрезъ доктора Е[ль]-
берта онъ добился (18 декабря) у государя дозволенія го[во]-
рить съ нимъ наединѣ. Всѣмъ дворянамъ и посольскимъ л[ю]-
дямъ царь велѣлъ выдти изъ Столовой избы, указавъ оста[ват]-
ся одному князю Ѳ. М. Трубецкому съ товарищами; они сѣ[ли]
подальше отъ Іоанна, а дьяки стали у печи. Сборы къ пер[е]-
говорамъ не оправдались содержаніемъ послѣднихъ. Боусъ п[о]
прежнему повелъ рѣчь уклончиво. „Я слышалъ, сообщи[лъ]
онъ Іоанну, что государыня наша Елизавета, помимо всѣ[хъ]
государей, хочетъ любовь держать къ тебѣ, государю, и
хочу служить и службу свою тебѣ являть.“—„Скажи же, [до]-
прашивалъ его царь, кто у королевны племянницы, дѣвиц[ы]

чьи онѣ дочери и въ какомъ родствѣ съ королевой? Я съ тобою пошлю своего посла посмотрѣть ихъ и портреты снять, а королева прислала бы своего.“—„Я тебѣ, государю, въ томъ службу свою покажу и посмотрю чтобы портреты написали прямо и послала бы ихъ королева къ тебѣ сюда.“

Слова Боуса слишкомъ были не согласны со словами и дѣйствіями Елизаветы, какъ о нихъ передалъ Писемскій, такъ что Грозный велѣлъ сличить вѣрительныя грамоты этихъ пословъ: грамоты согласовались. Продолжать переговоры съ Боусомъ Іоаннъ поручилъ боярамъ. На ихъ вопросъ о родственныхъ королевѣ дѣвицахъ, о которыхъ онъ упомянулъ государю, посолъ началъ отрицать что онъ о нихъ ничего не говорилъ ему. „Ты, Еремей, запираешься, урезонивали его бояре: говорилъ ты предъ государемъ что есть у государыни вашей и красивѣе той дѣвицы и ближе ей въ родствѣ дѣвицъ до десяти, и ты въ томъ государю хотѣлъ служить и лица ихъ писать предъ собою чтобы прямо написали; и толмачилъ Елизарьевъ.“ Толмачъ подтвердилъ. Уличенный во лжи, Боусъ оправдывался: „То я слово говорилъ, но безъ наказу отъ королевы мнѣ списка дѣвицъ давать нельзя, государю же я служить радъ, только еще моей службѣ время не пришло.“

Вмѣстѣ съ переговорами завязалась тяжба. Боусъ обнесъ дьяка Андрея Щелкалова что онъ будто бы иначе передаетъ его слова; пожаловался и на кормовщиковъ будто бы они не доставляютъ ему всего положеннаго. Щелкалова царь отставилъ, кормовщиковъ велѣлъ бросить въ тюрьму. Своею предупредительностію онъ надѣялся вызвать Боуса на большую откровенность. Но Боусъ и въ переговорахъ съ царемъ, и въ переговорахъ съ боярами повторялъ прежнія рѣчи. Въ послѣдній разъ Грозный велъ съ нимъ бесѣду 14 февраля. „Исхуливъ прежнюю, сказалъ онъ ему, ты толку не далъ ни объ одной другой дѣвицѣ: знатно, пришелъ не дѣло дѣлать; и мы посылаемъ съ тобою новыхъ пословъ къ Елисаветъ-королевнѣ.“

Къ чему привела бы отправка новыхъ нашихъ пословъ, неизвѣстно. Самъ Боусъ думалъ что имъ исполнена миссія удачно, и считалъ себя на верху славы. „Іоаннъ, писалъ онъ въ своемъ отчетѣ, снова изъявилъ къ намъ особенное благорасположеніе; указалъ давать мнѣ вдвое и втрое съѣстныхъ припасовъ, вина, меду, пива; велѣлъ доктору Якоби описать

для него догматы нашей вѣры и читалъ это описаніе съ в
кимъ удовольствіемъ, въ присутствіи нѣкоторыхъ бо
назначилъ для королевы дары въ 3.000 фунтовъ стерл
а для меня въ тысячу; хотѣлъ самъ ѣхать за невѣстоі
Англію и взять съ собой всю казну свою; больно нака
врага моего, дьяка Андрея Щелкалова, за его обманы;
говать обѣщалъ дозволить однимъ англійскимъ купца
Значительныя преувеличенія расхвастаешагося посла
видны, но несомнѣнно что Іоаннъ оказывалъ ему о
много милостей. Мысль объ убѣжищѣ въ Англіи и жен
бѣ на Англичанкѣ уже слишкомъ завладѣвали имъ.

Снарядить посольство помѣшала неожиданная см
(18 марта 1584 года, ровно черезъ годъ послѣ смерти
нуса) Ивана Васильевича. Прекративъ всякіе перегов
свата у насъ проводили не по честному. Своею заносчивос
безтактностію и непомѣрными домогательствами онъ стра
надоѣлъ придворнымъ боярамъ, возбудивъ во многихъ
нихъ крайнюю ненависть. Къ нему былъ приставленъ
другъ Англичанъ и его личный врагъ, Андрей Щелкал
„Твой англійскій царь умеръ!“ сказалъ онъ Боусу и ве
оцѣпить его домъ. Крѣпкій караулъ длился болѣе двухъ
сяцевъ. Неудовольствіе на Боуса было до того сильно
если вѣрить Горсею, въ Думѣ поднимался вопросъ, не
дать ли его смертной казни, и его спасло лишь предста
ніе Горсея что Елизавета отомститъ за него. Наконецъ
требовали его въ Кремль, вручили ему грамоту и приказ
чрезъ три дня оставить Москву. 12 августа 1584 года
сѣлъ уже на англійскій корабль. Подарки ему были прис
ны почти ничего не стоящіе. Одинъ Борисъ Годуновъ,
но отъ другихъ бояръ, вручилъ ему сорокъ хорошихъ со
лей и просилъ передать королевѣ увѣренія въ его къ
преданности. Этотъ зналъ что̀ дѣлалъ....

III.

Ксенія Борисовна Годунова и ея женихи.

Воспитанный въ школѣ Грознаго и усвоившій многое
его стремленій, въ рѣшеніи брачнаго вопроса Годуновъ
тратилъ еще болѣе усилій чѣмъ его учитель. Если родств
нымъ связямъ съ европейскими дворами придавалъ та

значеніе Іоанна, государь по крови, то во мнѣніи Бориса, родъ котораго въ отношеніи къ знатности далеко уступалъ многимъ русскимъ боярамъ, эти связи могли казаться прямою необходимостію: помимо чисто государственныхъ цѣлей, онѣ должны были поднять значеніе его рода, такъ-сказать, облагородить его. Неудачи понесенныя предшественникомъ побуждали Бориса не скупиться на обѣщанія привлекаемымъ имъ лицамъ и предоставить остальное дѣйствію времени и обстоятельствъ. Оторвавшись отъ родной почвы и попавъ въ русскую обстановку, чужеземные гости, какъ разчитывалъ онъ, сами поймутъ свои интересы и легче поддадутся увѣщаніямъ оставить свой языкъ, религію и прочее.

Борисъ хлопоталъ не о себѣ, а о дѣтяхъ, сынѣ и дочери. Ѳедору онъ назначалъ престолъ и думалъ женить его на принцессѣ, дочь Ксенію выдать за принца который бы переселился на житье въ Россію, въ подаренный въ качествѣ приданаго удѣлъ.

Началось съ пріисканія жениха. По нашимъ лѣтописямъ *, Ксенія представляла собой лучшій образецъ тогдашней боярышни. Роста была средняго, полная („тѣломъ изобильна“), бѣлолицая, румяная, глаза у нея черные, большіе, выразительные, брови союзныя, волосы черные, густые и лежали по плечамъ „какъ трубы“, умная („чуднаго домышленія“), благонравная, навычная въ книгахъ, любительница духовнаго пѣнія, осторожная и благоприличная во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Нужно полагать, она была обучена всему что̀ было обязательно для тогдашней барышни: кромѣ чтенія, письма и изученія книгъ, по преимуществу церковныхъ, шитью, вышиванію, иконописи, а быть-можетъ, какъ назначавшаяся въ жены для иностраннаго принца, и какому-нибудь изъ иностранныхъ языковъ. Для такой невѣсты выборъ жениха первоначально палъ на Шведскаго принца Густава.

Отецъ его Эрихъ XIV былъ низложенъ, и сынъ скитался по Европѣ, въ то время какъ изъ-за его наслѣдственнаго престола велся ожесточенный споръ между его родичами, Карломъ, его дядей, и Польскимъ королемъ Сигизмундомъ, его двоюроднымъ братомъ. Этого скитальца Борисъ задумалъ

* *Русскія Достопамятности*, 1, 174. *Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи*. Собр. и изд. А. Поповъ. М. 1869. 314.

сдѣлать вторымъ Магнусомъ: подчинить чрезъ него
Ливонію на правахъ вассальныхъ, въ разчетѣ что Ш
скій и Польскій короли теперь побоятся препятствоват
му если онъ, имѣя подъ рукой такого претендента на Ш
скій престолъ, будетъ грозить Польскому королю союз
со Швеціей, а Шведскому союзомъ съ Польшей, и ста
подбивать Ливонцевъ отложиться отъ своихъ настоящ
владѣтелей. Къ Густаву были отправлены послы кото
должны были уговорить его переселиться въ Россію гдѣ
сударь дастъ ему княжеское содержаніе и будетъ относи
къ нему какъ отецъ; тамъ онъ можетъ остаться навсегда
воленъ и уѣхать когда пожелаетъ, со всѣми своими люд
и имуществомъ. Густавъ согласился, и былъ у насъ по
но встрѣченъ (19 августа 1599 года), щедро одаренъ
получилъ въ удѣлъ Калугу. Узнавъ что ему живется
Москвѣ хорошо, къ нему явилось на службу много инос
цевъ, которые знали его. Со своей стороны, онъ пригла
къ себѣ изъ Данцига жену своего прежняго хозяина, у
тораго онъ тамъ жилъ, Екатерину Катеръ, и сталъ откр
жить съ ней въ Москвѣ. Она пышно разъѣзжала по улиц
Москвы; Густавъ, подчиняясь ея вліянію, сумасбродствов
и это соблазняло Москвичей. Махинаціи относительно
воніи, неподкрѣпленныя оружіемъ, не вели ни къ чему по
жительному: заговоръ нарвскихъ горожанъ о сдачѣ сво
города Русскимъ былъ открытъ, и заговорщики казне
Густаву было дано понять что если онъ желаетъ чтобы
сударь помогъ ему получить Ливонію и Шведскую корону,
долженъ искать руки Ксеніи, принять православную вѣр
жить скромнѣе. Разгульный, своенравный принцъ продолж
вести себя попрежнему. На замѣчаніе что такъ жить не
лично королевскому сыну, онъ обидѣлся, потребовалъ отпу
и, когда ему не дали его, пригрозилъ что все же онъ уѣде
да еще и Москву сожжетъ. Убѣдившись что такое лицо
зятья не годится, Борисъ лишилъ его Калуги, нѣкоторое в
мя продержалъ подъ стражей и затѣмъ выслалъ (1601 года)
житье въ Угличъ. Доходы съ города и уѣзда, которые

---

* „Получилъ отъ государя 10.000 рублей, сумму незначительн
въ сравненіи съ дарами". Маржеретъ, *Состояніе Россійской держ
ва въ Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ*, из
Устрялова, Спб. 1837. III, 69.

хорошемъ хозяйствѣ могли достигать до 4.000 рублей, должны были выдавать Густаву приставленные для наблюденія за нимъ бояре. Послѣ Годунова ему стало еще хуже. Умеръ онъ въ Кашинѣ въ 1607 году, жалуясь на вѣтреность женщины для которой пожертвовалъ счастіемъ жизни *.

Между тѣмъ въ Англіи возникло опасеніе какъ бы семья Бориса не породнилась съ членами Австрійскаго дома, и Елизавета наказала своему послу Ричарду Лею чтобъ онъ препятствовалъ тому и чтобы предложилъ дочь Фердинанда Станлея, графа Дарби, въ невѣсты Өедору. Невѣста оказалась года на три старше жениха. Такъ какъ Борисъ пожелалъ чтобъ ему указали другихъ лицъ, то Елизавета послала съ другимъ своимъ посломъ, Джономъ Мерикомъ, списокъ своихъ родственниковъ чтобы царь самъ посмотрѣлъ, не найдется ли подходящей невѣсты или жениха для его дѣтей. Принятый (10 февраля 1602 года) ласково въ Москвѣ, Мерикъ вмѣстѣ съ А. И. Власьевымъ занялся переводомъ на русскій языкъ списка Англійскаго королевскаго дома, причемъ Власьевъ выразилъ ему свое недоумѣніе что коро-

* Подробнѣе на немъ не останавливаемся, такъ какъ онъ по вѣроисповѣданію былъ католикъ, что необходимо признать, несмотря на авторитетное мнѣніе историковъ (Büsching I, 5, Grot, 234—235, Jungblut, 4, Снегиревъ, 33 и др.) протестантскихъ церквей въ Россіи и даже Соловьева (VIII, 1866, 32) будто бы онъ держался протестантской вѣры и дѣйствовалъ въ ея интересахъ. Поводомъ къ ошибкѣ послужило извѣстіе Петрея (*Hist. u Bericht* 252, въ русскомъ переводѣ: *Исторія о великомъ княжествѣ Московскомъ*, пер. Шемякина. М. 1867, 166) будто для него Годуновъ позволилъ перестроить прежнюю кирку, и извѣстіе Буссова (C. Bussovii *Chronicon* въ *Rer. rossic. script. exteri*, I, 10; русск. перев. Устрялова въ *Сказ. соврем. о Димитріи Самозванцѣ*, I, 14) что его хоронилъ лютеранскій пасторъ Беръ. Петрей и Буссовъ прямо не называютъ Густава лютераниномъ, и они не имѣли случая видѣть его; писатели же жившіе въ Россіи при Годуновѣ и лично знавшіе Густава (Маржеретъ, 68—69 Масса, 70—73), разказывая объ его судьбѣ, ничего не упоминаютъ ни о томъ какой держался онъ религіи, ни объ его услугахъ въ пользу лютеранскихъ церквей въ Москвѣ, а шведскіе, датскіе и нѣмецкіе историки (Schlegel, Dalin, Geiger, Fryxel), пользовавшіеся лучшими источниками относительно вѣроисповѣданія Густава, прямо утверждаютъ что онъ исповѣдывалъ католичество и что католичество именно онъ и не соглашался перемѣнить на православіе. Fechner, *Chronik der Evang. Gem. in Moscau*. M. 1866, I, 130.

лева не упоминула о графскихъ фамиліяхъ Гартфо[
Гёнтингдонъ. Всѣ названныя въ спискѣ лица Борису
зались „не противъ лѣтъ“ его дѣтей, и такой отвѣтъ его
доставленъ (5 сентября 1602) Мерикомъ Елизаветѣ.
требовательность, обнаруженную здѣсь Борисомъ,
вліяніе впрочемъ едва ли одно это несоотвѣтствіе
въ Москвѣ были тогда заняты другимъ, ожидали для
принца Іоанна, младшаго брата короля Христіана IV.

Съ Даніей были заведены сношенія подъ предлогом
кончить издавна тянувшіяся несогласія изъ-за Лапл
Среди переговоровъ было сообщено Христіану что Б
желалъ бы выдать свою дочь за его младшаго брата Іоа
Предложеніе едва ли было неожиданно: о возможности
брака въ Англіи поговаривали еще какъ только Борисъ
пилъ на престолъ. Для Датскаго двора это сулило
тельныя выгоды, такъ какъ теперь ему представлялся
ный случай легче и съ большею пользой для себя разрѣ
тяготившій его вопросъ о Лапландіи и пріобрѣсть въ Р
надежнаго союзника противъ своей соперницы Швеці
которою шелъ у него извѣстный споръ о трехъ кор

* Hamel, *Thradescant der aeltere 1618 in Russland.* St.-Pete
Leipzig. 1847. 248—49; русскій переводъ, подъ заглавіемъ: *Англ
въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ*, прилож. къ VIII и XV т
Имп. Ак. Наукъ, стр. 329—331.

** Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ
Дѣла Датскія, св. 2, 1602 года № 1: *Пріѣздъ въ Россію датск
ролевича Ягана;* св. 9, 1637 г., № 1: *Пріѣздъ въ Москву датскаго
Николая Голмера съ просительною королевскою грамотой о
пускѣ въ Данію тѣла умершаго въ Москвѣ въ 1602 году да
королевича Ягана;* 1639 года, № 3: *Вторичный пріѣздъ Ни
Голмера съ королевскою грамотой о благодареніи за отпус
Данію королевичева тѣла. Лѣтопись о многихъ мятежахъ,*
тербургъ, 1788, 66—67. *Подробная Львовская лѣтопись.* III, 184
Новый Лѣтописецъ, Временникъ Имп. Общ. Ист. и Др. Рос.
отд. II, стр. 55—56. *Wahrhaftige Relation der Reussischen und M
writischen Reise... Herzog. Johannsen des jüngern*, Magdeburg, 16
Magazin Büsching'a, VII; Gyldensternes *Dagbog, Historisk Calender* u
of Engelstoft og. J. Möller. Kiöbenhavn, 1814; Масса, 82—96; Марж
76—77, Петрей 181—184, и другіе. Fechner, *Chronik.* I. *Принц
скій Іоаннъ въ Россіи*, барона Корфа, *Сѣверный Архивъ*, 1822,
Ксенія Борисовна Годунова, Костомарова, *Историческій
никъ*, 1884, № 1; Карамзинъ, XI, Соловьевъ, VIII, и другіе.

въ ихъ гербахъ. Нашими послами былъ переданъ Христіану портретъ невѣсты, сдѣланный московскимъ ювелиромъ Яковомъ Ганомъ; датскіе послы привезли въ Москву портретъ жениха. Бракъ устраивался. Іоаннъ долженъ былъ переселиться въ Россію. Въ удѣлъ ему назначалась Тверская область. Но Христіанъ ставилъ условіемъ брака чтобы герцогу и его свитѣ было предоставлено безпрепятственное отправленіе религіозныхъ обязанностей по Аугсбургскому исповѣданію и чтобъ имѣть герцогу собственную церковь, будетъ ли онъ жить въ Москвѣ, или въ иномъ мѣстѣ, при Царскомъ дворѣ, гдѣ бы этотъ ни находился, и право строить кирки въ своемъ княжествѣ. Повторяя требованіе короля, датскіе послы Нильсъ Краге и Клаузъ Пазелихъ, когда прибыли въ Москву, * въ переговорахъ съ нашими боярами настаивали чтобы построеніе кирокъ въ Твери было предоставлено на полную волю герцога, такъ чтобъ ему не нужно было каждый разъ спрашивать о томъ разрѣшенія. Бояре отвѣчали уклончиво: „Государь не хочетъ приказывать княжеской милости чтобъ онъ строилъ или не строилъ въ Твери кирки, потому что будетъ въ волѣ его княжеской милости дѣлать во своей землѣ что̀ ему заблагоразсудится“. Послы не отступали, и въ грамотѣ Годунова (10 апрѣля 1602 года), заключающей въ себѣ окончательныя условія брака, прямо было означено что королевичу и его людямъ помѣхи въ ихъ вѣрѣ не будетъ, что его пасторы могутъ совершать свою службу по датской религіи, что онъ можетъ строить въ Москвѣ дворъ и кирку или

---

* Изъ выписки о пріѣздѣ датскихъ къ намъ пословъ въ концѣ XV и начала XVI вѣка, хранящейся въ Архивѣ, видно что они пріѣхали въ Москву 14 марта 1602 года, вмѣстѣ съ государевыми послами Иваномъ Ржевскимъ и дьякомъ Дмитріевымъ Постникомъ, и представлялись царю 25 марта. Шли они Благовѣщенскою папертью; царь былъ въ Подписной средней палатѣ и сидѣлъ на своемъ царскомъ мѣстѣ, въ царской одеждѣ. Послы подали царю грамоту и письмо (Моск. Главн. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ, дѣла Датскія 1559—1604 г., св. I: *Краткая выписка о пріѣздѣхъ въ Россію датскихъ послахъ, посланникахъ и гонцахъ и о бывшей имъ въ Москвѣ встрѣчѣ и о дачѣ имъ поденнаго корму и при отпускѣ подарковъ*). Письмо, нужно полагать, заключало въ себѣ королевскія условія брака.

деревянный домъ, и совершенно свободенъ дѣлать то же с
въ Твери. *

Іоаннъ (родился 26 іюня 1583 года) былъ третій сынъ
роля Фридриха II и носилъ названіе *Младшаго* въ отличі
своего дяди, герцога Іоанна Зондербургскаго. Во время
товства онъ воевалъ въ Нидерландахъ подъ испанскими
менами и воротился на родину когда его участь была
рѣшена. Перваго августа 1602 года, день назначенный
его отъѣзда въ Россію, выслушавъ богослуженіе и пропо
торжественно простился онъ со своимъ братомъ въ пр
ствіи всего двора; сановники проводили его на kор
и весело разстались тамъ съ нимъ. Его сопровождалъ
мадный штатъ: kоролевскіе послы, сенаторы Аkсель I
девстернъ, Аkсель Браге и Христіанъ Гольkъ, затѣмъ k
леръ Георгъ Веберъ, пасторы Лундъ и Іорданъ, два доk
дворяне, слуги, всего около 350 человѣkъ, ** не считая
которые плыли съ нимъ только до русской границы.

---

* Таkъ kаkъ *Статейный списокъ* переговоровъ о браkѣ въ I
Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ не сохранился, то объ
брачныхъ условіяхъ въ нашей исторической наукѣ, kаkъ зам
и сами историkи (Карамзинъ, XI, 28; Костомаровъ, 14—15), до
поръ не было извѣстно. Заимствуемъ ихъ у пастора Фехнер
сколько сообщены они ему изъ Датскаго Королевскаго Та
Архива въ Христіанборгѣ. Въ настоящее время баронъ Ѳ. А.
леръ, директоръ Московскаго Архива, сносится, по нашей про
съ Датскимъ Архивомъ о присылкѣ сюда kопіи съ этихъ брач
условій. Если она будетъ прислана, мы помѣстимъ ее въ IV
издаваемыхъ нами *Памятниковъ къ исторіи протестантст*
Россіи.

** Число иноземцевъ пріѣхавшихъ съ Іоанномъ въ Россію
дѣляютъ различно: Маржеретъ (76) въ 200 (ему слѣдуетъ ба
Корфъ, 86), Исаакъ Масса (86) въ 400 человѣkъ (это приним
Костомаровъ, 15); мы основываемся на хранящейся въ Архивѣ
писи государева жалованья, которое выдавалось въ Москвѣ kо
вичу и его людямъ. „Въ рі мъ году, значится въ ней, приходил
государю царю и великому князю Борису Ѳедоровичу всея I
дацкой королевичъ Яганъ, а съ нимъ къ государю прислалъ
стіанусъ король пословъ своихъ г҃ хъ человѣkъ: Аксела Гулденшт
да Оксела Брака, да Хрестьяна Олка. А съ kоролевичемъ и с
слы было дворянъ и посолскихъ людей всего тѵи человѣkа" (
Датскія 1602, св. 2, № 1). Въ выпискѣ о бытности у насъ И

Въ Иванъ-городѣ или, какъ тогда называли его, Русской Нарвѣ, королевича ожидали бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ и думный дьякъ Аѳанасій Власьевъ, нарочно присланные (1 іюня) сюда для его встрѣчи. Мѣстный воевода князь Ростовскій, которому царь приказалъ изготовить для того суда, столовые и всякіе другіе запасы, хотя и слышалъ что королевичъ пожалуй прибудетъ къ Петрову дню, однако съ заготовкой не торопился. Немалымъ препятствіемъ служила ему его болѣзнь и то что все надобно было готовить секретно отъ своихъ сосѣдей Ливонцевъ. Оберегая себя, Салтыковъ и Власьевъ отправили (4 іюля) царю жалобу что князь Ростовскій не выдаетъ имъ росписи изготовленнаго и что потому они вынуждены были сами осмотрѣть припасенныя суда, стоящія на рѣкѣ Наровѣ, близь Гостинаго Двора, но „суденышекъ“ нашлось мало, всего съ пятнадцать, да и тѣ худы, добро лишь одно судно, для королевича. Слышались жалобы и съ другихъ пунктовъ пути. Многіе изъ крестьянъ взятыхъ для удѣлки дороги бѣжали, ссылаясь на голодъ и безкормицу. Дворяне, получившіе приказъ съѣзжаться въ города лежавшіе на пути королевича, съѣзжались неохотно. Между тѣмъ Борису хотѣлось поразить своего будущаго зятя богатствомъ, роскошью и радушіемъ, и онъ ничего не жалѣлъ чтобы къ пріѣзду принца все было готово. Въ приготовленіяхъ къ пріему принца и въ отношеніяхъ къ нему у Бориса вообще часто проглядывалъ не столько царь сколько прежній бояринъ, привыкшій ладать предъ громкимъ титуломъ.

Какъ только было дано знать что принцъ подплылъ, Салтыковъ и Власьевъ выслали тридцать одно судно—одно для королевича, остальныя подъ его свиту, людей, подъ обиходъ и рухлядь. Судно изготовленное для принца, вышло на славу: оно было самое большое, на немъ сдѣланъ „чердакъ“, извнутри до лавокъ подволоченный червчатымъ бархатомъ, а отъ лавокъ до помосту и на помосту устланный коврами, снаружи покрытъ краснымъ сукномъ, рѣшетки росписаны разными

сдѣланной (1642) въ Посольскомъ приказѣ предъ пріѣздомъ Вальдемара, дополняется это: „По росписи, королевскихъ лутчихъ людей: а҃ статьи г҃ человѣка, дворянъ королевскихъ и королевичевыхъ людей: к҃ статьи к҃ человѣкъ, г҃ статьи ик҃ человѣка, досталныхъ с҃од (?) человѣка; всего т҃ик человѣка“ (Дѣла Датскія 1642, св. 13, № 6).

красками. На берегу былъ раскинутъ большой ша
стояли стрѣльцы и 100 выборныхъ дворянъ. Часу въ че
томъ пополудни 11 августа 1602 года принцъ вступи
русскій берегъ и прошелъ въ шатеръ. Здѣсь привѣтств
его Салтыковъ и Власьевъ и поднесли ему царскіе под
Королевичъ отвѣтилъ что желаетъ государю здоровья, б
даритъ его за дары и хочетъ поскорѣе видѣть его. При
дѣ гостей въ Иванъ-городъ, салютовали имъ изъ пушек
городѣ остановился принцъ дней на семь, пока выгру
его корабли.

Послы пожелали договориться съ Салтыковымъ от
тельно дальнѣйшаго пути. Позвавъ (13 августа) его съ В
евымъ на королевичевъ дворъ, они потребовали отъ
чтобъ ихъ, ради чести принца, во весь путь до Москвы
вили съ нимъ вмѣстѣ, а не порознь. Салтыковъ и В
евъ обѣщали если только того похочетъ королевичъ. П
продолжали: „будутъ по городамъ встрѣчать корол
боярскія дѣти и княжата и какъ королевичу чтить
Наши отвѣчали: „въ томъ Яганова королевичева воля,
кого захочетъ жаловать по своему государскому ч
Относительно же ихъ самихъ они находили что
приходятъ къ королевичу челомъ ударить, онъ жа
ихъ не по мѣрѣ: встаетъ, витается съ ними, снявъ шля
они того не достойны, и потому просили чтобъ онъ,
левичъ, учинилъ съ ними какъ у нашихъ государей быв
по ихъ чину и достоянью. „Королевичъ, оправдывали
послы, еще молодъ, и мы московскихъ обычаевъ не зн
а какъ, дастъ Богъ, пріѣдетъ къ государю на Москвѣ и
ѣтъ московскіе обычаи, по тому и учнетъ дѣлати". Наш
свою очередь потребовали роспись сколько и кто прі
съ королевичемъ чтобы сообразно съ тѣмъ выдавать
дому кормъ и питье. Роспись была выдана.

Весь путь отъ Иванъ - города до Москвы былъ т
ственнымъ шествіемъ. Двигалась блестящая нѣмецка
лонія сопровождаемая русскими дворянами и отря
стрѣльцовъ. Ѣхали медленно, верстъ отъ пятнадцат
тридцати въ сутки. Въ каждомъ привалѣ предлагалос
гатое угощенье, по городамъ устраивались торжестве
встрѣчи и особенно въ Новгородѣ (23 августа). „И ко
вичъ, доносилъ Салтыковъ государю, ѣхалъ въ возкѣ, съ
королевскіе послы, а платьицо на немъ было отласъ, сд

съ канителью по-нѣмецки, шляпка пуховая, на ней кружевца, дѣлано изъ золота да серебра съ канителью, чулочки шелкъ алъ, башмачки сафьянъ синь, и было на немъ то платьицо, какъ ѣхалъ съ корабля". За версту до города встрѣтили его новгородскій воевода князь Василій Буйносовъ и дьякъ Поздѣевъ и болѣе тысячи дворянъ, дѣтей боярскихъ и другихъ копейковъ; воеводу и дьяка королевичъ допустилъ къ рукѣ. У посаду ударили ему челомъ лучшіе торговые люди, человѣкъ съ пятьдесятъ, Юрій Иголкинъ съ товарищами, и ихъ также онъ жаловалъ, звалъ къ своей рукѣ. На мосту и по улицамъ стояло множество народа, и всѣ при проѣздѣ королевича кланялись ему. Королевичъ остановился въ домѣ Иголкина, а подъ его свиту отвели другихъ тридцать домовъ. Здѣсь королевичъ захотѣлъ подождать тѣхъ изъ своей свиты которые отстали въ Иванъ-городѣ. Располагая свободнымъ временемъ, онъ съѣздилъ (25 авг.) за городъ на охоту, вверхъ по Волхову и инымъ рѣчкамъ до Юрьева монастыря, ѣдучи тѣшился, стрѣлялъ изъ самопала и билъ утятъ, возвратился домой поздно веселый и на слѣдующій день устроилъ у себя торжественный обѣдъ, пригласивъ важнѣйшихъ сопровождавшихъ его бояръ, Салтыкова, своего пристава князя Семена Крапоткина и др. Самъ королевичъ сидѣлъ за особымъ столомъ, бояре и послы рядомъ съ нимъ за другимъ столомъ, далѣе до тридцати датскихъ дворянъ. Играла музыка, били въ цимбалы и по литаврамъ, играли въ сурны. Послѣ стола королевичъ пилъ за здоровье государя, пилъ стоя. Новгородцы потѣшали гостя борьбой съ медвѣдями и другими забавами.

О томъ какъ встрѣчаютъ его и какъ онъ проводитъ время, принцъ отправилъ извѣстіе своему брату Христіану. Власьевъ постарался развѣдать, послалъ ли онъ вмѣстѣ съ гонцомъ что-нибудь изъ платья подареннаго ему государемъ и узналъ что послы совѣтовали ему то, но онъ сказалъ имъ что „царское жалованье, платьице, къ нему первое и онъ принялъ его съ покорностію и радостнымъ сердцемъ и посылать перваго царскаго жалованья ему не годится". Королевичу были присланы отъ царя другіе подарки и поднесены ему, когда онъ прибылъ въ Старицу. Борисъ желалъ чтобъ его будущій зять казался пышнымъ и велѣлъ Власьеву узнать отъ королевичевыхъ людей, какая у него лучшая одежда и если намѣренъ шить ее то что̀ ему на то надобно. Одежду Власьеву показали и замѣтили что королевичу явиться къ царю

есть въ чемъ. Нѣкоторыя изъ подаренныхъ вещей :
надѣвалъ, пуховую шляпу часто замѣнялъ то бархати
собольимъ околышемъ шапкой, то шапкой скарлату ч
таго съ рысьимъ окладомъ. Повидимому королеви
прочь былъ стать къ Русскимъ поближе. Власьева он
спрашивалъ о государѣ, нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычая
стоянно заявлялъ о своей любви къ царю и своей го
сти подчиняться ему; но датскіе сановники сдерживал
убѣждали чтобъ онъ русскіе обычаи перенималъ не
и держался прежнихъ нѣмецкихъ.

Отъ Новгорода до Бронницъ королевичъ ѣхалъ по
на судахъ, отъ Бронницъ сухимъ путемъ. Самыя в
почести ему были оказаны въ столицѣ, торжеств
въѣздъ въ которую состоялся 19 сентября. На вс
ему былъ высланъ особый отрядъ тысячи въ полторы
никовъ изъ русской знати и служившихъ при двор
таръ, Нѣмцевъ, Поляковъ; всѣ были въ дорогихъ
дахъ, ихъ красивые кони въ серебряной вызолоченой с
Играла музыка. Когда приблизился принцъ, музыка см
и къ нему подъѣхали знатнѣйшіе бояре; они слѣзли с
ней; слѣзъ также и принцъ со своимъ гофмейстеромъ
ролевскими послами. Послѣ привѣтственной рѣчи пр
отъ имени государя, подвели дорогаго коня, на котором
ло серебряное вызолоченое сѣдло и чепракъ изъ золото
чи; по коню въ превосходной сбруѣ было подарено и
свитѣ принца, отъ высшихъ до низшихъ, смотря по
Гости сѣли на подареныхъ коней и отправились въ го
Въ Тверскихъ воротахъ встрѣтили принца князь Ва
Голицынъ и окольничіе Василій Морозовъ и Петръ Б
новъ. Любопытствующіе мущины и женщины, одѣты
праздничному, запружали всѣ улицы; знать была въ с
вожденіи своихъ слугъ, на многихъ женщинахъ видн
дорогіе каменья. Со стѣны Кремля тайно смотрѣлъ на въ
самъ государь со своимъ сыномъ. Какъ въ праздник
Кремлѣ звонили въ большой колоколъ. Іоанна со всею
свитой препроводили въ одинъ изъ лучшихъ домовъ въ
тай-городѣ; домъ былъ нарочно приготовленъ для него
по-царски и снабженъ припасами, слугами, дровосѣками,
довозами, лошадьми.

Представленіе пока отложили чтобы принцъ могъ от
нуть и оправиться отъ пути. На слѣдующій день

присланъ царскій обѣдъ во 100 блюдъ съ соотвѣтствующимъ количествомъ пива, меду, вина и водки; блюда массивныя, золотыя, чаши съ напитками золотыя и позолоченыя. Въ назначенный день (28 сентября 1602 года) для пріема принца отъ Іоаннова дома до дворца были выстроены войска, на Красной площади громадными массами толпился народъ. Когда принцъ одѣлся возможно нараднѣе, знатные бояре привезшіе ему приглашеніе открыли торжественный кортежъ: они ѣхали впередъ, за ними принцъ со всею своею свитой. Въ Кремлѣ опять звонили въ колоколъ. У Краснаго крыльца гостей встрѣтили князья Трубецкой и Черкаскій, у лѣстницы князья Василій Шуйскій и Голицынъ, въ дверяхъ въ Золотую палату высшіе вельможи: Мстиславскій, Трубецкой, Шереметевъ. Въ Золотой Палатѣ сидѣли на тронѣ Годуновъ съ сыномъ, окруженные многочисленною толпой придворныхъ и одѣтые въ самыя дорогія царскія одежды, блестѣвшія золотомъ и каменьями. Какъ только принцъ вошелъ, царь и царевичъ встали. Принцъ почтительно приблизился къ нимъ и поклонился; царь и царевичъ обняли его, поцѣловались съ нимъ, посадили рядомъ и долго съ нимъ разговаривали.

Изъ Золотой Палаты всѣ отправились потомъ къ столу, въ Грановитую Палату, убранство коей вполнѣ соотвѣтствовало торжеству. Особенно вниманіе гостей привлекали столбъ посреди палаты, обставленный съ верху до низу золотою и серебряною посудой, и пирамиды золотыхъ и серебряныхъ чашъ въ переднемъ покоѣ.

Хозяинъ сѣлъ за большимъ серебрянымъ столомъ на тронъ между сыномъ и герцогомъ; надъ нимъ висѣла большая красивая корона съ боевыми внутри часами. Ниже ихъ заняли мѣста бояре Мстиславскій, Василій Шуйскій, Трубецкой, Черкаскій, Салтыковъ и двое окольничихъ. За кривымъ столомъ были помѣщены остальные датскіе гости и другіе бояре *. Осмотрѣвъ кушанья, которыхъ стояло до 200, государь велѣлъ стольникамъ разносить ихъ гостямъ; кушанья и напитки подавались въ золотой посудѣ. По окончаніи обѣда царь и царевичъ сняли съ себя по дорогой украшенной каменьями цѣпи и надѣли ихъ на шею принца; много было

* По словамъ Массы (90), обѣдали также и высшее духовенство, богатые купцы и служилые иноземцы.

подарено ему также другихъ вещей, посуды, одежды и чаго. Домой гости возвратились въ прежнемъ порядкѣ. *

Царевны за столомъ не было. Своего суженаго она и видѣть только изъ особаго скрытаго мѣста въ верхнемъ ридорѣ. ** Женихъ былъ красивъ, строенъ, съ бѣлымъ долговатымъ лицомъ, и, какъ говорятъ, очень приглянулас

Предъ важнымъ событіемъ, по обычаю старины, сове лись благочестивыя дѣла. Вся царская семья отправи на богомолье въ Троицкую Лавру. Женихъ остался въ сквѣ. Съ бракосочетаніемъ не торопились: его отложил наступленія зимы. Повидимому Борисъ надѣялся что т временемъ Іоаннъ ознакомится съ нашимъ языкомъ, с чаями и быть-можетъ даже надумаетъ принять правосл или, если этого не случится, по крайней мѣрѣ Москвичи мирятся съ мыслію что Ксенія выходитъ за иновѣрца. Х офиціально Іоанна вездѣ принимали только въ качествѣ к левскаго брата ѣдущаго при важномъ посольствѣ, однако догадывались о настоящей цѣли его пріѣзда и многіе б этимъ недовольны: имъ крайне не хотѣлось чтобъ инозем и иновѣрецъ властвовалъ у насъ. Правая рука Бориса, менъ Никитичъ Годуновъ будто бы прямо выражался кругу придворныхъ что Борисъ знать обезумѣлъ что хоч выдать свою дочь за еретика и иноземца. Неудовольст конечно, было бы еще сильнѣе еслибы большему кол ству лицъ были извѣстны условія на какихъ призвалъ царь. Не безъ причины же теперь не объявляли офиціа не только объ условіяхъ, но и о самомъ бракѣ.—На с дующій день по представленіи Семенъ Никитичъ п шелъ къ герцогу, спросилъ его о здоровьи, передалъ царскіе подарки и просилъ заняться изученіемъ русск языка; вскорѣ (4 октября) онъ опять повторилъ с просьбу ссылаясь на то что царю нужно переговор съ нимъ о многомъ тайно, побуждалъ также пословъ чт они со своей стороны совѣтовали ему учиться нашему язы

---

* Разказы *Schlegel'я* и *Müller'а*, будто бы послѣ стола принцъ б торжественно обрученъ съ Ксеніей, не могутъ быть подтвержде ничѣмъ. Очевидцы, какъ авторъ *Relation*, прямо говорятъ что этотъ день принцъ не видалъ во дворцѣ ни одной женщины.

** Описаніе смотрильной палатки или тайника и смотрильной шетки у Забѣлина *Домашній бытъ русскихъ царей*, Москва, 18 I, 228—229.

и привыкать къ нашимъ нравамъ, обычаямъ и одеждѣ. Герцогъ и посланники обѣщали; къ нимъ была доставлена русская азбука и *Апокалипсисъ* Іоанна Богослова. Едва ли не подготовлялось даже нѣчто въ родѣ прямаго религіознаго увѣщанія или диспута *. Въ народѣ возникла молва что герцогъ вознамѣрился будто бы принять православіе. ** Это многихъ располагало въ его пользу; но люди близко знакомые съ дѣломъ, конечно знали цѣну такимъ слухамъ.

Жизнь герцога была привольная. Борисъ продолжалъ дарить его, отъ невѣсты была прислана дорогая постель и роскошное бѣлье. Въ Москвѣ честили его. Самъ Іоаннъ то принималъ у себя бояръ, то выѣзжалъ на охоту, но больше проводилъ время на своемъ дворѣ, среди своей свиты. Невоздержность разстроила вдругъ его организмъ. На возвратномъ пути съ богомолья царь получилъ извѣстіе что его гость заболѣлъ горячкой.

Степень опасности предъ Борисомъ умаляли; тѣмъ не менѣе онъ сильно встревожился и тотчасъ отправилъ къ больному своихъ придворныхъ врачей, обѣщая имъ и Іоанновымъ врачамъ большія награды если они поскорѣе поправятъ его. Болѣзнь между тѣмъ развилась. Герцогъ пріобщился (22 октября). Подъ предлогомъ навѣдать высокаго больнаго, пришелъ къ нему Семенъ Никитичъ и сообщилъ что царь велѣлъ своимъ врачамъ находиться при герцогѣ денно и нощно, но тутъ же подъ рукой далъ имъ понять чтобъ они безъ его нарочитаго приказанія не ходили къ герцогу. Когда припадокъ съ герцогомъ усилился, придворные послали за врачами, и эти могли явиться только по седьмому требованію. Послы укоряли Семена Никитича въ криводушіи; онъ отрицалъ, доктора уличили его.

Узнавъ что герцогъ очень слабъ, Борисъ захотѣлъ посѣтить (27 октября) его самъ вмѣстѣ съ патріархомъ и знатнѣйшими боярами. Впереди его несли позолоченый крестъ, обвитый бѣлымъ покрываломъ, и шелъ патріархъ, съ золо-

* Московскіе полемисты въ Дѣлѣ Вальдемара утверждали, будто бы Борисъ „посылалъ по всѣ города, по всѣ власти, по митрополиты, архіепископы и епископы, для договору о вѣрѣ и крещеніи“.

** Объ этомъ желаніи его говорится всего въ одной лишь *Степенной книгѣ* Латухина (*Рукописи Археографической Коммиссіи*). Карамзинъ (XI, 31) и особенно Костомаровъ (*Историческій Вѣстникъ* 1884, I, 16) вполнѣ довѣряютъ извѣстію, но, какъ увидимъ, нѣсколько поспѣшно.

тымъ крестомъ, святою водой и кадиломъ, и с
кропилъ и кадилъ отъ крыльца до самой комнаты герцо
какъ мало въ больномъ признаковъ жизни, Борисъ с
на него точно убитый и поручилъ его помощ
возвращаясь, на лѣстницѣ онъ крѣпко бранилъ пере
зачѣмъ тотъ не говорилъ ему правды.

Таково было первое посѣщеніе Московскимъ царе
вѣрца. Многимъ оно очень не понравилось. По ихъ
царь тѣмъ унизилъ свое достоинство.

Больной видимо близился къ смерти. На слѣдующ
(29 октября 1602 года) онъ простился со своею свит
давъ каждому руку, и одному изъ камеръ-юнкеровъ бу
сказалъ что Богъ знать не хочетъ имѣть его сред
христіанскаго“ народа чтобы здѣсь не обратили
свою религію *. Къ вечеру Борисъ опять посѣтилъ его,
заплакалъ, обѣщалъ въ случаѣ выздоровленія больнаг
стить всѣхъ плѣнныхъ, которыхъ было до четырехъ т
и то молился Святымъ, то совѣтовалъ свитѣ поиска
харокъ. На вопросъ, какъ почитаютъ въ Даніи Никол
дотворца, свита отвѣтила Борису что тамъ не оказыва
особенной чести предъ другими Святыми. Борисъ покач
ловой, прославлялъ чудеса Св. Николая и промолвилъ: „
за наши грѣхи не можемъ удержать герцога.“ Было уже
Бориса провожали со свѣчами. Съ улицы онъ послалъ
свитѣ принца чтобъ они молились о своемъ господинѣ п
вѣрѣ и что если Богъ сохранитъ его они получатъ боль
дарки. То же было наказано всѣмъ остальнымъ моско
Нѣмцамъ и Нѣмкамъ. Часовъ около 6 вечера принца не

Если нѣкоторыя обстоятельства болѣзни принца не
совались съ тогдашними нашими обычаями, то похоро
превзошли все чего можно было бы ожидать у насъ
пору. Сентиментальный въ отношеніи къ иноземцамъ
битый семейнымъ горемъ, Борисъ просто не зналъ как
ше выразить свою печаль.

О кончинѣ жениха онъ извѣстилъ свою дочь. Ксе
безпамятствѣ упала къ его ногамъ. Насколько могъ,
старался утѣшить ее. При дворѣ былъ объявленъ гл

* Такъ по крайней мѣрѣ передаетъ Gyldensterne, писатель,
чемъ, почти до фанатизма преданный Даніи и ея религіи и
предубѣжденный противъ всего православно-русскаго, вообще
Датчанинъ.

трехдневный трауръ. Герцогскаго гофмейстера предупредили что все нужное для похоронъ будетъ ему доставлено отъ царя.

Прежде всего озаботились относительно общихъ поминокъ какъ для Русскихъ, такъ и для иноземцевъ. На другой же день (30 октября) послѣ смерти герцога, на его дворѣ было накормлено нѣсколько тысячъ нищихъ, а иноземцамъ жившимъ въ Слободѣ посланы хлѣбъ и деньги. Тѣло покойника было набальзамировано, однако безъ взрѣзанія внутренностей, одѣто, осыпано цвѣтами и положено въ деревянный гробъ вложенный въ мѣдный, а этотъ въ дубовый, обитый бархатомъ и позолоченымъ серебромъ. По угламъ наружнаго гроба красовались позолоченыя головки ангеловъ, впереди, на срединѣ, стоялъ позолоченый крестъ, къ подножію прибита доска съ надписью о покойномъ; въ ней между прочимъ говорилось что герцогъ „тихо почилъ во Христѣ въ Московіи, при великомъ плачѣ и сѣтованіи царя и его подданныхъ". Почетная стража изъ бояръ и свиты окружала гробъ днемъ и ночью.

Въ лютеранской киркѣ, находившейся въ Нѣмецкой Слободѣ, противъ алтаря вывели крѣпкій каменный сводъ чтобы положить тутъ покойника. Имѣть при ней колокола прежде запрещалось, теперь было обѣщано прислать ихъ. Когда Гильденстернъ напомнилъ (22—23 ноября) Семену Годунову почему такъ медлятъ присылкой, Годуновъ отвѣтилъ что это давно уже было бы сдѣлано еслибы не воспрещали патріархъ и епископы, но что теперь царь велѣлъ послать ихъ какъ бы ни смотрѣли на это духовные, однако съ условіемъ чтобы послѣ похоронъ колокола были взяты назадъ и чтобы во время погребальной процессіи на православныхъ церквахъ не перезванивали.

На похороны (25 ноября), отдать послѣднюю честь покойнику, пріѣхалъ царь въ сопровожденіи знатнѣйшихъ бояръ. Благоговѣйно подойдя ко гробу, велѣлъ отнять покрывало, грустно и со слезами на глазахъ смотрѣлъ онъ на трупъ и, произнося молитву и крестясь, три раза поклонился предъ крестомъ. Покойника понесли внизъ на колесницу. Процессію открывалъ почетный караулъ, за ними шли тридцать учениковъ нѣмецкой школы со своимъ учителемъ, пасторы, кистеры * и пѣли

* Свидѣтели похоронъ здѣсь нѣсколько расходятся въ своихъ показаніяхъ: авторъ *Relation* (276) упоминаетъ объ одномъ пасторѣ, Gyldensterne (173) насчитываетъ четырехъ кистеровъ и трехъ пасторовъ: двоихъ мѣстныхъ и одного датскаго.

обычныя похоронныя пѣсни. Предъ самою колесницей не
знамена украшенныя датскимъ, мекленбургскимъ, голш
скимъ и шлезвигскимъ гербами. Колесница была покрыта
нымъ бархатнымъ покровомъ съ бѣлымъ атласнымъ крест
Вокругъ нея шли благородные мальчики, числомъ до два
ти четырехъ, и тѣлохранители; мальчики несли по бо
шой восковой зажженной свѣчѣ. Когда все это прос
довало, царь сѣлъ въ сани и провожалъ до улицы ве
щей въ Кремль, откуда, простившись съ покойникомъ, печа
ный отправился домой. Послы, свита, бояре, 1.000 стрѣ
цовъ и многочисленныя толпы народа изъ Русскихъ и и
земцевъ провожали гробъ до мѣста погребенія; знать,
волѣ Бориса, должна была къ своему крайнему неудово
ствію войти въ самую кирку. При отпѣваніи придв
ный проповѣдникъ Магнуса, Іоаннъ Лундъ, сказалъ н
гробное слово, канцлеръ Веберъ — рѣчь, въ которой, у
мянувъ объ обстоятельствахъ жизни герцога и милос
вомъ царскомъ пріемѣ, благодарилъ присутствующихъ ту
Москвичей за ихъ участіе въ отданіи послѣднихъ по
стей усопшему. Знамена и гербы остались въ церкви. I
сторы и пѣвшіе ученики получили богатые подарки
щами и деньгами; киркѣ даны богатые вклады. Нѣкотор
изъ вкладовъ даны были съ согласія правительства. Ко
члены посольства спросили (20 декабря) вѣдавшаго ими А
насія Власьева, позволитъ ли онъ старшинамъ нѣмецкой
щины принять отъ нихъ 400 рейхсталеровъ, онъ отвѣти
что онъ этого имъ не запрещаетъ.

Послы и свита оставались въ Москвѣ: часть до февра
другая до іюня; послы продолжали переговоры о Лапланд
По большимъ праздникамъ ихъ иногда приглашали смотрѣ
съ особо устроенныхъ мѣстъ на церковныя церемоніи:
Вербное Воскресеніе—на шествіе патріарха на осляти,
Крещеніе и Преполовеніе—на освященіе воды. Возврати
между тѣмъ изъ Даніи посланный туда вѣстникъ о смер
герцога и сообщилъ что тамъ думаютъ будто бы герцо
померъ отъ отравы. * Членовъ свиты молва поразила сво

* Замѣчательно что подобная молва носилась и у насъ, об
няя самого Бориса который, будто бы, услыхавъ о любви
рода къ принцу и опасаясь какъ бы Іоаннъ, сильный народн
привязанностью, не сталъ оспаривать престолъ у Ѳедора, „напо
нися ярости и зависти и повелѣ Семену Годунову какъ бы на

несправедливостью, такъ какъ они хорошо знали истинную причину смерти. При прощаніи многіе изъ нихъ заявили было о своемъ желаніи остаться въ Москвѣ навсегда,

———

нимъ помыслити" (Лѣт. о мног. мятеж. 67; ср. Никон. лѣт. VIII, 50, Нов. лѣт., *Временникъ И. Об. И. и Др. Росс.* XVII, 56). Эта молва указываетъ какъ много было у Бориса враговъ и какъ они готовы были распускать про него даже самую несообразную клевету. Лучшимъ опроверженіемъ ея служитъ поведеніе Бориса во время болѣзни и послѣ смерти принца и желаніе многихъ изъ принцевой свиты остаться въ Россіи. Хотя иностранные писатели, какъ Gyldensterne и авторъ *Relation*, жившіе вмѣстѣ съ принцемъ и сочиненія которыхъ имѣли полуофиціальный характеръ, по очень понятнымъ мотивамъ, ничего не говорятъ о настоящей причинѣ болѣзни своего господина, тѣмъ не менѣе Маржеретъ (*Etat de l'Empire de Russie* 34, въ русск. перев. 77), приверженецъ Лжедимитрія и естественный недругъ Годунова, прямо приписываетъ ее „неумѣренности" принца. Когда Петръ Марселисъ сваталъ (1643) королевича Вальдемара за царевну Ирину Михайловну, и Шведы, чтобы помѣшать браку, запугивали Вальдемара тѣмъ, будто бы „на Москвѣ Арцымагнуса королевича выгнали, а Ягана королевича окормили", Марселисъ, въ отвѣтѣ королю Христіану IV и его сановникамъ, упомянувъ что Магнусу въ вѣрѣ была „повольность" и посланъ онъ былъ въ Лифляндію, гдѣ померъ своею смертію, объ Иванѣ говорилъ: „при царѣ Борисѣ Яганъ королевичъ потому жъ былъ во всякой поволности и въ великой чести; и на нево де пришла болѣзнь, и дохтуры у нево были беспрестанно, и въ день и въ ночь, а велѣно имъ о томъ радѣть всякими мѣрами чтобы той его скорби облегченье учинить; и королевича Ягана не стало своею жъ смертью, а не окормили его. А которые Датцкіе люди въ то время были съ Яганомъ королевичемъ на Москвѣ, и нынѣ изъ нихъ многіе живы и про то вѣдаютъ подлинно что онъ преставился своею смертью, а не окормленъ". Марселисъ не ограничился этимъ. „И ставилъ де онъ, Петръ, передъ короля исъ тѣхъ людей которые были на Москвѣ съ Яганомъ королевичемъ, секретаря Иверъ Викта; и король де его про смерть Ягана королевича роспрашивалъ; и онъ сказалъ правду что ему отъ царя Бориса была честь болшая и поволность во всемъ, и умеръ онъ своею смертью, а не окормленъ" (Моск. Главн. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Датскія, карт. 13: *Статейный списокъ бытности въ Даніи дацкаго комисара Петра Марселиса*). И если еще кого можно заподозрить въ непрямотѣ отношеній къ принцу, то не Бориса, а вѣдавшаго Аптекарскимъ приказомъ Семёна Годунова, который очевидно былъ радъ неожиданной болѣзни герцога и сдерживалъ подчиненныхъ ему врачей чтобъ они не особенно заботились объ ея излѣченіи.

но имъ объявлено что пусть они сначала побываютъ на динѣ, иначе тамъ могутъ подумать что ихъ удержали нас но, а затѣмъ кто воротится—получитъ царскую милость. отправили съ богатыми дарами. Одинъ изъ нихъ, Ма Кнотвенъ, дѣйствительно воротился и получилъ богатое держаніе, помѣстье и командованіе надъ двумя стами никовъ.

Относительно тѣла покойника король наказалъ (отъ 1 та 1603 года) посламъ хлопотать чтобъ его дозволено оставить въ Москвѣ и чтобы государь обѣщался им попеченіе о той киркѣ гдѣ выстроена его усыпальн Оно оставалось здѣсь до 1637 года, когда Датское пр тельство перевезло его въ Копенгагенъ. „Нашъ любит ный братъ, обратился съ грамотой (30 августа 1636 года) Михаилу Ѳедоровичу король Христіанъ IV, за нѣско лѣтъ преставился въ Москвѣ и тутъ погребенъ, а его женное тѣло оставлено тамъ за разными помѣшливыми менами; нынѣ же мы помыслили его взять, и для того н сосѣдственное и любительное прошеніе чтобы тѣло безо каго задержанія отпустить и свезть въ Ругодивъ, а изъ годива мы велимъ привесть его сюда великимъ кораблей Датскому гонцу, Николаю Голмеру, съ которымъ была слана грамота, въ Посольскомъ приказѣ объявили (8 фе ля 1637 года) что государь за тѣло королевича Ягана не итъ, но такъ какъ во время великаго разоренія Московск государства отъ польскихъ и литовскихъ людей палат гробницу королевичеву, ради золота, серебра и всякой ут въ чемъ тѣло его положено, разорили, и палата та засып землей и есть ли на томъ мѣстѣ королевичево тѣло о т подлинно невѣдомо, то государь и велитъ искать сам Голмеру, взявъ съ собою добраго дворянина, дьяка и кол щиковъ и смотрѣть есть ли на томъ мѣстѣ тѣло чтобъ о то отписать къ королю въ своей царской грамотѣ. Ссылаясь то что сыскивать и досматривать тѣло отъ короля ему наказано, Голмеръ отказался было исполнить царскую вол не раньше пошелъ какъ повторенъ ему царскій приказъ. ним для поисковъ были посланы кн. И. И. Лобановъ-І стовскій, дьякъ И. Трофимовъ, нѣмецкій переводчикъ Ива Ѳоминъ и тридцать копарей, но съ наказомъ чтобы тѣ съ того мѣста гдѣ сыщутъ, впредь до государева указа имать.

Королевичевы кости, „масть что у него положена была подъ головами“, и обломки мѣднаго гроба нашлись на своемъ мѣстѣ. Лобановъ и Трофимовъ кости собрали и чрезъ Ѳомина извѣстили Посольскій приказъ о находкѣ. Отсюда снарядили стрѣльцовъ чтобъ они, впредь до особаго указу, хранили кости, а государь хотѣлъ устроить подъемъ ихъ съ должными почестями, подобно тому какъ совершилось погребеніе „по государскому достоинству“. Между тѣмъ пока Ѳоминъ ходилъ, Голмеръ, не дождавшись отвѣта, собралъ кости въ полотно и отвезъ ихъ на свое подворье. И за такое самоволіе въ Посольскомъ приказѣ гонцу крѣпко выговаривали, указывая ему что государь не велѣлъ ничего надъ нимъ учинить только потому что онъ королевскій человѣкъ; Лобанова и Трофимова заключили въ тюрьму, но чрезъ день, ради наступившаго Великаго Поста, они были выпущены.

На средства Посольскаго и Казеннаго приказовъ былъ изготовленъ массивный гробъ, какъ бы для цѣльнаго тѣла: длиною въ три аршина съ четвертью, аршинъ въ ширину, въ глубину аршинъ съ четвертью, съ круглою покрышкой, снаружи обитъ чернымъ бархатомъ. Въ него положили королевичевы останки и доставили на Посольскій дворъ. Проводы были (8 марта) торжественные. До Тверскихъ Воротъ гробъ несли на плечахъ и, какъ въ похоронной процессіи, пѣлись похоронныя пѣсни *. Сопровождали бояре И. П. Шереметевъ, князь Д. М. Пожарскій, нѣсколько московскихъ дворянъ, стрѣльцы, англійскій агентъ Семенъ Дигби со всею англійскою компаніей, шведскій агентъ Крузбернъ, Голландцы, московскіе служилые и торговые Нѣмцы, и другіе; всѣ шли въ траурномъ платьѣ. За Тверскими воротами гробъ поставили на сани. Съ нимъ поѣхали дворянинъ Карамышевъ, нѣмецкій переводчикъ Вилимъ Вилимовъ и Голмеръ. Отъ Новгорода Голмеру велѣно было ѣхать впередъ чтобы поскорѣе доставить королю царскую грамоту, извѣщающую объ отпускѣ королевичевыхъ останковъ, и поторопить тамъ

* „Неели гробъ съ посольскаго двора Нѣмцы, В҃І человѣкъ, на носилкахъ, на плечахъ, а было ихъ Д҃ перемѣны, въ мирномъ, въ жалобномъ платьѣ; а по сторонамъ несли свѣчи, а надгробное пѣли Нѣмцы по своему закону калвинскіе вѣры“ (Гл. Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла Датскія, Св. 9, 1637, № 1). „Кальвинскою вѣрой,“ очевидно, здѣсь названо лютеранское вѣроисповѣданіе.

высылкой изъ Даніи въ Ругодивъ корабля. Новгородцы дили гробъ за Земляной Валъ. 22 мая датскій кораб нялъ его и отплылъ съ нимъ изъ Ругодива. Извѣщ хаила Ѳедоровича о прибытіи въ Данію королеви останковъ, Христіанъ IV благодарилъ (1639 года) его четный ихъ отпускъ.

Со смертью королевича Ивана, Борисъ опять оста твердой почвы. Онъ теперь вспомнилъ объ отношені Елизаветѣ. Несмотря на его довольно сухой отвѣтъ ный съ Мерикомъ, королева отвѣтила ему дружеств предложила въ невѣсты Ѳедору молоденькую Англ имени которой однако не назвала. Пользуясь этимъ, I сдѣлалъ запросъ (въ апрѣлѣ 1603 года), какъ ее зовут кого она происхожденія, но по случаю смерти Ели извѣстія не получилъ. Тогда онъ снова обратился к скимъ предѣламъ. Болѣе другихъ знакомые съ Дат Салтыковъ и Власьевъ, прибывъ къ Шлезвигскому г Іоанну, предложили (1603 года) ему женить на Ксеніи изъ своихъ сыновей Фридриха или Альбера, обѣща удѣлъ. Іоаннъ убѣдилъ ихъ выбрать въ женихи тр сына, Филиппа, который охотно желалъ бы переселит Россію. Не получая никакихъ извѣстій изъ Россіи, г написалъ (19 марта 1605 года)* къ датскому королю Хри брату умершаго принца Ивана, чтобъ онъ со своей ст помогъ успѣху начатаго дѣла.

Но въ Москвѣ тогда было не до свадебныхъ торж Здѣсь совершалась кровавая драма. Дальнѣйшее изъ Ксеніи извѣстно. Переживъ трагически погибшихъ мать и брата, она, по выраженію лѣтописи, ** „ради кр своея, сохранена была отъ смерти, на то на вящее тіе“ *** и пострижена въ монахини подъ именемъ ин

---

* Письмо его отпечатано у Büsching'a, *Magazin für d. n. H* VII, 319—321, откуда и узнаемъ объ этихъ сношеніяхъ съ Г ніей. *Статейный списокъ* Салтыкова и Власьева въ Архивѣ хранился.

** *Краткая повѣсть о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ* 1778, 41. *Изборникъ*, 43—44; 292. *Сн. Никоновск. Лѣтоп.* VIII,

*** О слухахъ о результатахъ ея отношеній къ Самозванцу лунга въ *Критико-литературномъ обозрѣніи путешествен по Россіи*, II, № 33, стр. 135.

Ольги. Народъ по своему понялъ ея горе и вложилъ въ уста ея пѣсню:

Сплачется на Москвѣ царевна:
„Охте, мнѣ, молодой, горевати,
Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Гришка Отрепьевъ разстрига,
Что хочетъ меня полонити,
А полонивъ, меня хочетъ постритчи,
Чернеческій чинъ наложити.
Но мнѣ постритчися не хочется,
Чернеческаго чину не сдержати,
Отворите будетъ темну келью
На добрыхъ молодцовъ посмотрѣти“. *

Келья иногда отворялась, но не на счастіе царевны.... Умерла она во Владимірскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, на 41 году жизни, 30 августа 1622 года и, согласно ея желанію, погребена рядомъ съ ея родителями въ Троицкой Лаврѣ, у входа въ Успенскій Соборъ, въ которомъ лежатъ останки другой несчастной княжны, Марьи Владиміровны.

IV.

Сватовство Михаила Θеодоровича за Шлезвигъ-Голштинскую принцессу Доротею Августу.

Съ воцареніемъ Михаила Θеодоровича Русь точно шагнула чрезъ смутную эпоху, показавъ крѣпкую живучесть народныхъ силъ. Внѣшнія раны мало-по-малу заживали, во внутренней жизни повсюду водворялся прежній порядокъ. Только отношеніе къ иноземцамъ, которые причинили государству такъ много бѣдствій что едва было не разрушили его, принимаетъ еще болѣе недружелюбный характеръ. Изъ „нечистаго“ иновѣрецъ во мнѣніи Русскихъ превращается въ „поганаго“. И хотя въ эту немилость попали по преимуществу католики какъ главные виновники бѣдствій, однако на много понижаются и протестанты. „Поганый“ и „окаянный“ къ слову „люторъ“ (лютеранинъ) прилагается какъ эпитетъ, чуть не синонимъ, и содружество съ лютеранами и кальви-

* Изд. въ *Извѣст. втораго отдѣл. Им. Акад. Наукъ*, и у Кирѣевскаго, II, доп. стр. 58 - 61.

нистами даже лучшимъ людямъ того времени * ка достойнымъ посмѣянія всѣхъ языковъ; ихъ дѣйствія на ленныя противъ „святой" Руси представляются безбожі прямымъ святотатствомъ. Русскіе возстали и боролис столько за свою національность сколько за вѣру, за ; попираемаго православія, которое, въ свою очередь, с етъ саму національность. Понимая это, а также и тс главною причиной золъ нанесенныхъ иностранцами ихъ иновѣріе, правительство, на все смотря одинаков своимъ народомъ, всѣми мѣрами старалось поддерживат ченіе православія, которое одно, при всѣхъ политическі общественныхъ невзгодахъ, способно было внушать рус человѣку сознаніе его духовнаго преимущества надъ (жающимъ міромъ и укрѣплять его вѣру и надежду на (щее и тѣмъ удерживать его въ религіозно-національноі зависимости. Далеко уступая другимъ народамъ въ эков ческомъ благосостояніи, не имѣя возможности похвали и своимъ просвѣщеніемъ, Русскіе находили для себя п ный устой почти единственно въ своемъ вѣроиспов ніи. При такомъ значеніи религіи въ жизни государствен если и прежде бракъ православнаго лица съ иновѣрным зался громадною несообразностью, то теперь онъ станов окончательно невозможнымъ. Введеніе иновѣрнаго лица въ царскую семью могло бы сильно уронить ее въ гла народа, оторвать отъ нея народныя симпатіи; народъ п сталъ бы видѣть въ ней свой идеалъ, высшаго и искрен представителя и охранителя своихъ завѣтныхъ интерес только что испытавъ на себѣ что̀ значитъ иновѣріе, крайне тревожился бы теперь что надъ нимъ стоитъ ин рецъ, который не слился съ нимъ въ существенномъ. Бр же простаго лица съ иновѣрнымъ казался бы прямою из ной своей національности. Особенностію времени здѣсь та являлось и слѣдующее. Въ стремленіи охранять правосл памятный Московскій соборъ 1620 года издалъ постановл (державшееся впрочемъ не долго) иновѣрцевъ, принимающ православную вѣру, подвергать перекрещиванью, вслѣдс чего брачный вопросъ превратился въ вопросъ о пе крещиваньи. И Михаилъ Ѳеодоровичъ, который, не от чаясь никакими особенными качествами и не имѣя за

---

* Аврамій Палицынъ, *Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монасты* М., 2е изд., стр. 44.

бою громкихъ дѣлъ, тѣмъ по преимуществу и былъ дорогъ для народа что жилъ совершенно одинаковыми съ нимъ понятіями и котораго народъ потому такъ и отстаивалъ противъ всѣхъ его соперниковъ что видѣлъ въ немъ самаго целицемѣрнаго выразителя и хранителя всего роднаго, чисто русскаго,—Михаилъ Θеодоровичъ. этотъ первый послѣ смутной эпохи царь, какъ ни желалъ породниться съ протестантскими королевскими домами, когда убѣждался что сватаемые принцессы и принцы не согласятся креститься въ православіе, сдерживалъ себя жертвуя своими личными разчетами интересамъ общегосударственнымъ.

Онъ дожилъ неженатымъ до двадцати шести лѣтъ. Ни одинъ изъ московскихъ государей не оставался такъ долго въ безбрачіи. Облюбованная имъ невѣста, Марья Ивановна Хлопова, по проискамъ знатныхъ бояръ изъ партіи Солтыковыхъ, не желавшихъ уступить свое значеніе при дворѣ ея родственникамъ, какъ „испорченная“, томилась въ ссылкѣ, а выбрать другую онъ не хотѣлъ. Когда возвратился изъ плѣна его отецъ, Филаретъ Никитичъ, то одною изъ главныхъ заботъ его было скорѣе женить сына, чего требовало также упроченіе престола за своимъ родомъ и спокойствіе государства. Ничего не имѣя противъ собственно Хлоповой, онъ однако, въ интересахъ поднятія значенія рода, намѣревался женить его на какой-нибудь принцессѣ. Въ этихъ видахъ посланъ былъ (весной 1621 года) за границу московскій Нѣмчинъ Юрій Родіоновъ развѣдать, нѣтъ ли у кого изъ государей дочери или сестры которая была бы „красна очми и всякимъ возрастомъ, добра и ничѣмъ неувѣчна и къ такому великому дѣлу годна,“ и промыслить съ нихъ „персоны, подлинные, безъ приписи,“ а о женихѣ распространять молву что онъ „образомъ красенъ, разуменъ и въ обычаѣ милостивъ,“ и немедля что̀ узнаетъ донести царю, особенно же въ томъ случаѣ еслибы замѣтилъ что отъ государя, у котораго есть подходящая дочь или сестра, будетъ въ Москву ссылка. Все это онъ долженъ былъ сдѣлать секретно, выдавая себя торговымъ человѣкомъ и ведя бесѣды какъ будто отъ себя и только будто потому что о желаніи государя жениться на какой-нибудь принцессѣ слышалъ на Москвѣ въ разговорѣ съ лучшими людьми. Радѣть о государевомъ дѣлѣ и не пронести о немъ никому, ни русскимъ, ни нѣмецкимъ людямъ, Родіоновъ обѣщался съ клятвой предъ Евангеліемъ.

Юрій узналъ слишкомъ мало. Самый интересный ра
воръ у него былъ въ Дрезденѣ. Шонбергъ, приближен
Саксонскаго курфюрста, замѣтилъ ему что если дѣйствит
но есть у государя желаніе, то онъ бы дѣлалъ какъ вед
у всѣхъ христіанскихъ государей: посылалъ бы о томъ
ихъ пословъ, набиваться же со своими дочерьми ни у
изъ государей не въ обычаѣ. Разсудивъ кто бы къ тому
была годна, онъ сказалъ: „у нашего курфюрста большая
двѣнадцати лѣтъ; есть Альтенбургская княжна Доротея чет
надцати лѣтъ, да у ней три сестры старѣе ея: одна игуме
а двѣ столь жирны что никто за нихъ не сватается, да и
сами замужъ не хотятъ; въ Австрійскомъ дому никого
сказываютъ." Съ названныхъ лицъ Родіоновъ досталъ с
портреты и привезъ ихъ въ Москву. *

Между тѣмъ въ Москвѣ прослышали что у короля Датск
Христіана IV есть двѣ племянницы взрослыя дѣвицы, и
часъ же, не узнавъ даже ихъ именъ, снарядили къ нему посло
князя Алексѣя Михайловича Львова и дьяка Ждана-Ши
ва, снабдивъ ихъ подробнымъ наказомъ, послужившимъ
томъ образцомъ для послѣдующихъ брачныхъ наказовъ.
На представленіи къ Христіану, объявивъ объ освобожде
Москвы отъ Польши и о возвращеніи Филарета Никити
они должны были сообщить королю что имъ наказано о
которыхъ великихъ государскихъ дѣлахъ, говорить о ко
рыхъ съ ними онъ велѣлъ бы своимъ ближнимъ думны
людямъ. И какъ король позоветъ ихъ къ себѣ въ дру
разъ и пожелаетъ самъ выслушать ихъ или вышлетъ къ ни
своихъ думныхъ людей, то имъ требовать чтобы при ко
лѣ и въ отвѣтѣ были лица самыя ему близкія и вѣрныя
убѣдившись въ томъ, говорить: „нашъ великій государь, ц
Михаилъ Ѳеодоровичъ, помня давнишнюю дружбу, любовь
докончанье своихъ предковъ, великихъ государей Росс

---

* *Памятники дипломатическихъ сношеній съ державами и странными*, II, № XIV.

** Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Д. Дѣла Датскія 1621 года, св. 5, № 2: *Отправленіе къ Дацкому ко лю Христіану IV въ послахъ дворянина князь Алексѣя Львов дьяка Ждана Шипова съ увѣдомленіемъ о освобожденіи изъ П ши и пріѣздѣ въ Москву патріарха Филарета Никитича и предложеніемъ о сватовствѣ одной изъ королевскихъ племянни за государя царя Михаила Ѳеодоровича.*

скихъ, съ Датскими королями, хочетъ быть съ Христіаномъ въ пріятельствѣ, крѣпкой дружбѣ и въ соединеніи свыше всѣхъ другихъ государей, и для того велѣлъ ему объявить что по милости Божіей онъ, государь, приходитъ въ лѣта мужескаго возраста и приспѣло время ему сочетаться законнымъ бракомъ: а вѣдомо ему что у королевскаго величества есть двѣ дѣвицы, родныя племянницы, и потому, буде онъ похочетъ быть съ государемъ въ братской дружбѣ, любви, соединеньи и въ пріятельствѣ на вѣки, далъ бы за государя племянницу свою которая къ тому великому дѣлу годна"; при этомъ они должны выставить древность рода Михаила Ѳеодоровича, близость его къ прежнимъ царямъ, законность занятія Михаиломъ престола и даже, въ случаѣ надобности, показать его портретъ.* Если спросятъ, останется ли невѣста при своей лютеранской вѣрѣ, посламъ отвѣчать: „королевской племянницѣ быть въ одной съ государемъ вѣрѣ, въ истинной православной христіанской греческаго закона, и, пріѣхавъ въ Россійское государство, ей перейти и креститься, а иначе дѣлу статься нельзя: то противно нашему христіанскому закону и ото всѣхъ людей Россійскаго государства великому государю и ей, государынѣ, будетъ поносно и нелюбительно, да и не пригоже дѣло что мужъ съ женой разныхъ вѣръ; когда же высокорожденная племянница, ради благороднаго супруга своего и своего душевнаго спасенія, приступитъ къ нашей вѣрѣ, отъ Бога ей будетъ милость и ото всѣхъ людей честь и слава". А если скажутъ что „королева племянница для любви супруга своего, великаго государя, къ русской вѣрѣ приступитъ, но креститься ей въ другой разъ непригоже, потому что она и такъ христіанской вѣры и уже кре-

* Впрочемъ, пунктъ о портретѣ въ Наказѣ почему-то зачеркнутъ. Онъ очень оригиналенъ. „И будетъ спросятъ если съ ними великого государя, его царского величества, персона чтобъ ее королевскому величеству видѣти, и посламъ говорити: въ обычьѣ того у великихъ государей нашихъ не бываетъ, что персоны ихъ государскіе для остереганья ихъ государскаго здоровья въ чюжіе государства возити; а то у насъ въ обычеѣ есть же: которые великому государю нашему, его царскому величеству, служатъ и его царскаго здоровья остерегаютъ, и тѣ всегда персоны государского лица у себя въ домѣхъ для ихъ государского милосердого жалованья имѣютъ. И съ нами царского величества персона есть; и будетъ королевскому величеству и вамъ, ближнимъ людемъ, тс подобно, и мы царского величества персону покажемъ".

щена по своему закону", то настаивать: „приступя къ
вославной христіанской вѣрѣ, не креститься во свято
лели Святаго Крещенія ей никакъ невозможно, потому і
насъ въ томъ со всѣми вѣрами рознь не малая: у и
вѣръ вмѣсто крещенія обливаютъ и миромъ не помазу
противъ постановленія Христа и преданія апостоловъ;
король бы свою племянницу на то наводилъ и отпус
ее съ тѣмъ чтобы ей принять Святое Крещеніе". Буд
король станетъ указывать что „какъ племянница вый
за государя и государь бы ее самъ къ тому приводил
они у ней воли не отнимаютъ, или чтобы послы гово
съ ней сами, а онъ пошлетъ съ ними своихъ думныхъ
дей", то посламъ не соглашаться, ссылаясь на то что
вическое дѣло стыдливо, и имъ съ королевскою племянни
для остереганья ея высокорожденной чести, много гово
непригоже, это дѣло королевское и ближнихъ ему лицъ"

Не ограничиваясь оффиціальными переговорами, но уз
кто у племянницы, предназначаемой для государя,
родные и близкіе люди, послы должны были дѣйс
вать чрезъ этихъ лицъ хваля предъ ними вѣру, госу
и его государство, и если нѣкоторые изъ этихъ лицъ
нутъ склонять невѣсту выйти за государя и для него
нять крещеніе, то посламъ съ таковыми быть ласков
и пріятнымъ гдѣ надобно, смотря по мѣрѣ, и подар
и впредь обнадеживать государевымъ жалованьемъ. И
король согласится отпустить племянницу съ тѣмъ чт
она по пріѣздѣ въ Москву крестилась, но спроситъ
ея содержаніи, какіе дадутъ ей города и села, чтоб
можно было чѣмъ жаловать своихъ ближнихъ и дворов
людей, сколько тысячъ поступитъ ей годоваго дохода
будетъ ли ей, какъ и ея людямъ, какой тѣсноты, при
сошлется на примѣръ Марины или Хлоповой, то послы
заны требованіе объ опредѣленномъ содержаніи ей от
нить, но въ чести завѣрить. „Какъ, принявъ крещеніе, к
левская племянница, говорили бы они, сочетается съ г
даремъ, государь начнетъ имѣть и любить ее, какъ пов
ваетъ законъ и Святое Писаніе, и все ихъ государское
детъ безъ раздѣла, по Писанію: *оставляетъ человѣкъ о
своего и матерь и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ
въ плоть едину*. А коли уже плоть едина, то что же
государей, дѣлить? И раздѣловъ въ городахъ и въ доход
между государями и ихъ царицами прежде не бывало и б

не для чего. Все государское у нихъ общее. И чего она захочетъ, то будетъ ей не возбранено; жаловать ей своихъ людей есть чѣмъ, и захочетъ кого жаловать, того по совѣту и повелѣнію супруга своего жаловати будетъ. Люди которые при ней—неволи не испытаютъ, а думаютъ что съ нею пріѣдетъ ихъ немного, потому что у великаго государя во дворѣ своихъ честныхъ боярынь и дѣвицъ, отеческихъ дочерей, много. Маринку примѣнять сюда непригодно: то было дѣло лихихъ людей, воровское, по ихъ воровскому умышленію и конецъ учинился, какъ и во всѣхъ государствахъ воровъ сыскиваютъ и казнятъ. А что говорите будто государь соизволилъ было жениться, взять въ своемъ государствѣ, то это случилось еще до возвращенія изъ польскаго плѣна отца государева, Филарета Никитича, который благословляетъ теперь своего сына жениться не на своей, но поискать у котораго-нибудь государя, и именно у вашего королевскаго величества".

Добившись согласія относительно племянницы вообще, слѣдовало перейти къ выбору одной изъ нихъ. Для этого князь Алексѣй и дьякъ Жданъ просили бы короля показать имъ своихъ племянницъ. На представленіи къ нимъ послы должны были поднести имъ отъ себя по сороку соболей и смотрѣть какова которая возрастомъ, лицомъ, бѣлостью, глазами, волосомъ и всякимъ прироженьемъ, и нѣтъ ли въ которой увѣчья, и смотрѣть издалека, примѣчать вѣжливо; руку у нихъ, если дѣвицы и королева позовутъ ихъ, цѣловать, а за руку не брать („не витаться"). По осмотрѣ провѣдывать какая изъ нихъ годна къ великому дѣлу, чтобы была здорова, собою добра и разумна; какую сочтутъ годною, на ту и указать королю, предлагая ему чинить о ней съ ними договоръ. Сообразно съ его отвѣтомъ завести рѣчь о приданомъ, просить короля объявить имъ чѣмъ онъ и родные племянницу дарятъ, какими государствами или землями и сколько съ нею будетъ казны и всякой рухляди чтобы въ Московское государство пріѣхать ей не безчестно, было бы ей здѣсь чѣмъ себя показать и всѣ бы видѣли что она великаго государскаго рода. Это почти единственный пунктъ который практичные Москвичи считали необходимымъ предложить со своей стороны, во всемъ же остальномъ дожидаться вопроса; договорныя статьи скрѣпить крестнымъ цѣлованіемъ и о крещеньи записать въ нихъ именно что королевской племянницѣ, пришедъ въ царствующій градъ Москву, креститься и быть съ

государемъ въ одной вѣрѣ. За королевскимъ столомъ, k король выльетъ за здоровье государей, князь Алексѣй, в: кубокъ и вставъ изъ-за стола, долженъ пить за королев(здоровье, а затѣмъ за здоровье королевской племянн: которой быть за государемъ.

Но пить послѣдней чаши посламъ не пришлось. Как искусно былъ составленъ наказъ, они не побороли препятс

Со Львовымъ и Ждановымъ отправилось до шестидес человѣкъ, между ними нѣсколько дворянъ, два переводч и священникъ. При врученіи королю (1 марта 1622 года) рительной грамоты послы поступили согласно наказу тайномъ порученіи посламъ Датчане повидимому предп жили, не касается ли оно Лапландіи; ибо на другой день пришли къ нимъ въ домъ, гдѣ они остановились, „к левскіе ближніе думные люди", канцлеръ Христіанъ Фр Олофъ Розенспахъ, рыцарь Андрей Розенкранцъ и „ торъ въ рѣчахъ" Леонардъ Мейснеръ, объявляя что к королевскому величеству теперь предстоитъ много дѣлъ и за которыхъ ему отпустить ихъ отъ себя невозможно, одн по любви къ государю послалъ ихъ сюда выслушать что общать имъ послы.

Въ бытность въ Копенгагенѣ наши успѣли уже кое провѣдать объ относящемся къ ихъ главной миссіи. Име родная сестра короля была замужемъ за Шлезвигъ-Голш скимъ герцогомъ Іоанчомъ Адольфомъ и отъ ихъ брака дились двѣ дочери; старшая изъ нихъ, „княжна" Доро Августа, лицомъ и возрастомъ добра и въ обычаѣ до(нравна, младшая же — больна, царскому величеству не дится. На старшую принцессу послы прямо и указали шедшимъ какъ на желательную для государя супругу и сили показать ее имъ. Королевскіе совѣтники обѣщали всемъ довести до Христіана. Пословъ между тѣмъ угощ король устраивалъ въ честь ихъ обѣдъ за обѣдомъ.

Вскорѣ канцлеръ со своими товарищами передалъ посла королю ихъ рѣчи они доносили, и ему пріятно слышат желаніи государя имѣть съ нимъ постоянную любовь и дру и онъ самъ постарается объ установленіи такихъ отноше что же касается желанія государя жениться на пресвѣтл шей и высокорожденной дѣвицѣ Доротеѣ Августѣ, насл ницѣ Норвежской земли, то въ ней не его королевская в(живетъ она у своей матери въ городѣ Гаузѣ, и ея дѣло виситъ отъ ея матери, бабушки, королевы и брата Фрид

герцога Шлезвигъ-Голштинскаго, которому она поручена; на ихъ волю король все и положилъ. Это очень не понравилось нашимъ. „Государь, говорили они, послалъ насъ къ вашему королю Христіану и велѣлъ намъ о томъ великомъ дѣлѣ говорить съ нимъ самимъ или съ его думными людьми, хотя съ королевскимъ величествомъ дружбы и любви мимо всѣхъ государей, а то онъ могъ бы поискать того дѣла у иныхъ великихъ королей; и король вашъ высокорожденной племянницѣ своей, княжнѣ Доротеѣ Августѣ съ ея матерью велѣлъ бы пріѣхать сюда къ нему и государское дѣло дѣлать велѣлъ намъ съ нимъ и при себѣ.“ Въ виду лучшаго сохраненія переговоровъ въ тайнѣ наши даже настояли чтобы Датчане приходили къ нимъ въ меньшемъ числѣ.

Христіанъ пріискивалъ средства какъ бы отклонить отъ себя порученіе которое ему не приносило никакой выгоды. Смутная эпоха была свѣжа въ памяти. Съ Польшей прочнаго мира у Россіи не было, Владиславъ не отказался отъ своихъ притязаній на Московскій престолъ, и въ Даніи еще повидимому вѣрили въ возможность новаго переворота въ Москвѣ. И королевскіе совѣтники получили отъ короля повелѣніе убѣдить пословъ отправиться самимъ въ Шлезвигъ-Голштинское герцогство для личныхъ переговоровъ съ матерью и братомъ невѣсты, указывая имъ что самъ король безъ воли этихъ родственниковъ невѣсты распорядиться не можетъ, что носятся въ обществѣ слухи будто бы за Доротею Августу посватался уже какой-то князь Цесарской области, хотя онъ точно еще и не знаетъ, правда ли это и сговорена ли она; что онъ отъ себя готовъ послать съ ними грамоту и если при всѣхъ его стараніяхъ дѣло не устроится, предъ государемъ хочетъ остаться безъ вины.

Когда Фризъ и Розенслахъ, придя (10 марта) къ посламъ всего вдвоемъ, представили имъ эти аргументы, наши отнеслись еще упорнѣе, выставляя противъ нихъ свои доводы. Помня государевъ наказъ, они, кромѣ короля, ни къ кому не могутъ ѣхать и не поѣдутъ, да не пристойно и не къ чести государя было бы имъ разъѣзжать по разнымъ другимъ государствамъ. Если король хочетъ оказать свою любовь къ государю то сказалъ бы имъ сговорена ли княжна, или нѣтъ, и за какого князя. Если сговорена, ихъ дѣло на томъ и остановится; не сговорена—могутъ и продолжать, только бы король велѣлъ княгинѣ съ ея матерью быть къ

себѣ, а у нихъ къ нимъ есть отъ царя поклонъ и рѣчі государя примѣнять къ князю Цесаревой области не годно: то государь великій, служатъ ему цари, цареви князья удѣльные, а это князь подовластный. Сносится ж съ королемъ потому что они оба государи великіе и чт лаетъ съ нимъ дружбы, которая имъ обоимъ принесетъ ликую славу, а ихъ многолюднымъ государствамъ расши и прибавленіе, а также потому что знаетъ что шлезви и голштинскіе князья королю въ свойствѣ и всѣ они и к на Доротея его слушаютъ. Датскіе совѣтники отвѣ Имени князя имъ неизвѣстно, когда узнаютъ, сообща живетъ онъ не близко. Повелѣвать княжной королю не она ему не наказана, дѣвицамъ здѣсь честь великая, обычнаго шляхтича дочь все дѣлаетъ по дружбѣ и лю Пріѣхать ей сюда еще больше невозможно: ѣздить дѣ съ мѣста на мѣсто было бы безчестіе и позоръ, и того з отнюдь не ведется. Здѣсь ѣздятъ сами женихи. Такъ, ан скій король Іаковъ пріѣзжалъ къ ихъ королю, жилъ съ года и самъ говорилъ ему о женитьбѣ на его сестрѣ; король тайно съѣздилъ къ Бранденбургскому, Шведскіі Брауншвейгскому князю. Поэтому и послы лучше бы ѣ сами. Шлезвигскіе и Голштинскіе герцоги не вполнѣ з сятъ отъ короля Христіана: обоими герцогствами пра нынѣ одинъ герцогъ Голштинскій, имѣя отъ короля Шлезвигское герцогство, Голштинскою же землей влад отъ цесаря. Тѣмъ не менѣе Львовъ со Ждановымъ требо чтобы король снесся съ невѣстой и ея родственника извѣстилъ бы какъ они о томъ дѣлѣ думаютъ. Истощивъ напрасну свои доводы, совѣтники отправились къ корол тотчасъ же принесли отъ него обѣщаніе что онъ пош тайно къ брату и матери высокорожденной княжны узв отъ нихъ въ какомъ положеніи находится у нихъ дѣло.] этомъ они уже не въ первый разъ завели было рѣчь о ландіи; но наши отговаривались что имъ ничего о томъ наказано и, буде хотятъ, пусть пошлютъ въ Москву сво пословъ. На прощаньи совѣтники спросили о двухъ п водчикахъ изъ Датчанъ посланныхъ въ Россію для ченія русскому языку и услыхали: на Москвѣ и въ Ярос лѣ есть два Нѣмчина, получаютъ по государеву указу ко и жалованье, и русскому языку и грамотѣ навыкли.

Въ виду замедленій, пословъ сочли нужнымъ немного ус коить. Канцлеръ Фризъ и секретарь Фридрихъ Юнг

уговаривали (2 апрѣля) ихъ не тяготиться тѣмъ и не объяснять медленность какъ-нибудь по своему, въ худую сторону: мать и братъ невѣсты сказали посланному отъ Христіана дворцовому маршалку Вольфу фонъ-Больвольту что они сначала сошлются со своими многочисленными родственниками въ Цесарской области, а это скоро не дѣлается. „Такъ какъ королевское величество, отвѣчали послы, о дѣлѣ государевомъ радѣетъ, братскую любовь и дружбу исполняетъ и впредь хочетъ радѣть и имъ совѣтуетъ пождать—они ждать готовы, только бы онъ еще порадѣлъ чтобы дѣло въ протяжку не пошло“. Чрезъ нѣсколько дней послы, не утерпѣвъ, напомнили Датчанамъ о своемъ желаніи поскорѣе узнать рѣшеніе дѣла. И извѣстіе наконецъ получено.

„Королевское величество, говорили посламъ (9 апрѣля) тѣ же канцлеръ и секретарь, по вашей просьбѣ, насколько могъ, радѣлъ о вашемъ дѣлѣ, посылалъ къ Шлезвигъ-Голштинскому герцогу и матери высоконареченной дѣвицы и извѣстилъ ихъ, какъ вы, послы, желали. И за нѣсколько дней былъ у короля посолъ Голштинскаго герцога съ отвѣтомъ: герцогъ хотѣлъ бы радѣть государю и королю, но дѣвица сговорена уже за князя Цесарской области, дѣло зачато было раньше, воротить его нельзя; и за честь оказанную царемъ ему и дѣвицѣ онъ, герцогъ, бьетъ ему челомъ. Со своей стороны, король велѣлъ объявить вамъ что ему и самому печально что онъ не можетъ привести къ концу такого начатаго дѣла, какъ ни старался чтобы тѣмъ подкрѣпить съ царскимъ величествомъ прежнюю любовь и дружбу, да и голштинскіе князья сильно обрадовались было царскому предложенію и сожалѣютъ что у нихъ за многое до того время поминовалось то дѣло. И если понадобится, король готовъ радѣть царю гдѣ только будетъ пригодно, проситъ его и впредь имѣть съ нимъ навсегда любовь и дружбу попрежнему“. Предполагая здѣсь хитрый обманъ и намѣренную проволочку времени, наши сердито замѣтили совѣтникамъ: „зачѣмъ же ты, канцлеръ, предъ тѣмъ передавалъ намъ что сватается за ту княжну князь Цесарской области и то дѣло еще не договорено? Вы сами же сказывали будто бы король посылалъ къ Голштинскому князю и къ матери той дѣвицы своего двороваго маршалка и тѣ писали ему что они сначала хотятъ подумать со своими близкими родными, которые живутъ въ Цесарской области, и подумавъ вскорѣ же вѣдомо учинятъ королевскому

величеству. Лучше бы вы тогда же дали намъ знать пр
и мы съ вами больше бы и не говорили". Датчане стара
убѣдить пословъ что они ихъ не обманывали, что все (
такъ какъ они говорили, что самъ король ничего не зі
навѣрное, пока Голштинскій герцогъ не прислалъ ему пос
наго посла, и что не случилось бы этого недоразумѣн
посламъ не пришлось бы понапрасну проѣхать такой дал
путь еслибы царь сначала спросилъ о томъ короля нароч
грамотой. „Дѣло то великое, отвѣчали наши, и ссылать
немъ грамотой не годится, и мы, царскаго величества
слы, о томъ не скучаемъ что далеко ѣхали". Затѣмъ
требовали себѣ отпуска.

Чтобы хоть сколько-нибудь смягчить тяжелое впеча
ніе произведенное на пословъ, въ честь ихъ устроили на
щаньи нѣсколько роскошныхъ обѣдовъ и въ Копенгаге
въ Фриденсбургѣ, въ новомъ красивомъ дворцѣ. Къ с
приглашались вмѣстѣ съ послами ихъ дворяне, переводч
подъячіе и священникъ Иванъ. Пилось по 4 чаши: за
ровье царя, короля, патріарха и королевича. Послѣ стола
наши, въ томъ числѣ и посольскій священникъ, подходил
королевской рукѣ. За столомъ и послѣ него король и
приближенные помногу разспрашивали ихъ о царѣ, пат
хѣ, ихъ образѣ жизни, духовенствѣ, управленіи церковн
дѣлами, ученыхъ Нѣмцахъ, о томъ есть ли въ Россіи м
ка, обстроилась ли Москва и прочее. Послы искренно
лили свою вѣру и обычаи, царя и патріарха, сообщили
на Москвѣ многіе хорошо знають греческій языкъ, самъ
ларетъ Никитичъ „по-гречески грамоту умѣетъ"; на вол
о томъ живутъ ли на Москвѣ Нѣмцы и Нѣмки и въ как
ходятъ платьѣ, отвѣчали: „государю нашему служатъ вс
царствъ иноземцы многие, ходятъ въ русскомъ и нѣмецк
платьѣ, кто въ чемъ хочетъ, также ходитъ и женскій по

8 мая отплывъ отъ датскихъ береговъ и 14 іюня приб
въ Москву, послы представили своему государю подроб
„Статейный списокъ" * о томъ что они слышали, говори
видѣли.

* Хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства І
странныхъ Дѣлъ, среди Датскихъ дѣлъ 1621 года, св 5, № 3, і
заглавіемъ: *Статейный списокъ бытности въ Даніи послов*
рянина князь Алексѣя Львова и дьяка Ждана Шипова. О нем

V.

V. Сватовство Михаила Θеодоровича за Екатерину, маркграфиню Бранденбургскую.

Оправдывая Христіана IV, который ничего не устроилъ въ пользу Михаила Θеодоровича, его совѣтники, канцлеръ Фризъ и секретарь Юнтеръ, въ послѣдней офиціальной бесѣдѣ (9 апрѣля 1622 года) съ царскими сватами за принцессу Доротею Августу, между прочимъ сказали имъ: „великій государь вашъ прежде сослался бы о томъ съ королевскимъ величествомъ своею государскою грамотой и далъ знать ему поранѣе, и король дѣлалъ бы тогда, пока та дѣвица не была сговорена; а нынѣ ему, королю, извѣстно что она сговорена, поворотить ничего нельзя, и вы, царскаго величества послы, ѣхали путь дальній и труды положили великіе какъ дѣло ужь поминовалось". Какъ бы пользуясь этимъ совѣтомъ, Московское правительство вскорѣ (24 іюля того же 1622 года) назначаетъ переводчика Посольскаго приказа Елисея Павлова гонцомъ къ Шведскому королю Густаву Адольфу. Ему вручены были двѣ грамоты: одна, такъ сказать, показная, отъ царя, въ которой государь, отмѣчая то что королев-

---

сихъ поръ не было извѣстно. Всѣ свѣдѣнія о посольствѣ ограничивались у насъ слѣдующимъ. Изложивъ содержаніе наказа кн. Львову и дьяку Ждану, Соловьевъ (*Исторія Россіи*, IX, 1859, 169), всегда необыкновенно точный въ передачѣ архивныхъ матеріаловъ, на этотъ разъ, очевидно не видавъ *Статейнаго списка*, замѣчаетъ: „Сватовство кончилось ничѣмъ. Подъ предлогомъ болѣзни король отказался говорить со Львовымъ, а тотъ отказался объясняться съ ближними королевскими людьми". То же, ссылаясь на Берха (*Царствованіе Михаила*, 133), о сватовствѣ повторяетъ Забѣлинъ (*Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ*. М. 1869, 240), прибавляя: „Сватовство, такимъ образомъ, даже не было начато. Лѣтопись разказываетъ что король отказалъ будто бы по слѣдующей причинѣ: прежде братъ мой ѣздилъ къ вамъ на Русь, при царѣ Борисѣ, который хотѣлъ отдать за него свою дочь Ксенію и, пріѣхавъ въ Москву, часу не жилъ тамъ, отравою уморили его; также и теперь дочь мою уморите". Какъ видѣли, переговоры Львова велись долго и притомъ съ одними королевскими совѣтниками, а объ Иванѣ не было и помину.

скіе воеводы пограничныхъ областей принимаютъ русски перебѣжчиковъ и чинятъ московскимъ подданнымъ разлі ныя обиды, просилъ прекратить эту неурядицу и тѣмъ нарушать договора; вторая грамота, тайная, отъ бояръ съ пр ложеніемъ королю о выдачѣ за Михаила Θеодоровича корол ской свояченицы, маркграфини Екатерины, дочери курфюрс Бранденбургскаго. „Государь нашъ, писали бояре, приспѣ въ лѣта мужескаго возраста и по преданію отеческому х четъ сочетатися законнымъ бракомъ, въ супружество х четъ взять и имѣть царицей и великою княгиней высок рожденную княжну Екатерину, урожденную маркграфиню курфюрстову дочь Бранденбургскаго и тѣмъ еще сильн укрѣпить и утвердить прежнюю любовь между ими, госу рями, и между Русскимъ и Шведскимъ государствами". О вѣтъ королевскихъ совѣтниковъ былъ такъ же кратокъ ка это письмо бояръ. Король, значилось въ ихъ отвѣтѣ, пр нимаетъ то съ любовью и, если суждено Богомъ, желаетъ будетъ помогать чтобы царскому величеству въ его нач томъ дѣлѣ счастье и совершенье было безъ помѣхи; но имѣя полной воли надъ высокорожденною княжной, о не можетъ выдать ее безъ ссылки съ ея близкими родным и потому государь самъ бы сначала написалъ къ ея мате Аннѣ, маркграфинѣ и курфюрстинѣ Бранденбургской, брату Георгію Вильгему, маркграфу Бранденбургскому курфюрсту Прусскому, также маркграфу Бранденбургско Сигизмунду, Датскому королю Христіану IV и герцогу С ксонскому Іоанну Георгію и узналъ бы отъ нихъ какъ они томъ дѣлѣ думаютъ. Король же полагаетъ что они с гласятся и дѣло станется если государь обѣщаетъ с мой княжнѣ Екатеринѣ и всему женскому полу и слуга которые съ ней пріѣдутъ быть въ своей вѣрѣ и вольно де жать свое пѣнье и службу въ киркахъ своихъ, чтобъ ей ея людямъ даны были особыя почетныя мѣста и города уѣздами, и что Польскій король, которому, конечно, не н нравится этотъ бракъ, не будетъ допущенъ до ссоры съ по чиненнымъ ему Бранденбургскимъ курфюрстомъ.

Выслушавъ докладъ о результатахъ сношенія съ Густ вомъ, царь и патріархъ отправили (15 января 1623 года) н ваго гонца, переводчика Андрея Англера, и опять съ двум грамотами, царскою и боярскою. Подавая (15 февраля) Г ставу царскую грамоту въ которой заявлялось о друж

государя къ королю, Англеръ на вопросъ, нѣтъ ли съ нимъ какого другаго наказа, отвѣтилъ отрицательно; потомъ, придя на квартиру, онъ просилъ королевскихъ совѣтниковъ донести королю что у него есть грамота о великомъ государевомъ дѣлѣ, о которомъ бы Густавъ переговорилъ съ нимъ тайно, въ присутствіи лишь близкихъ къ себѣ лицъ. Король позвалъ его къ себѣ, принялъ отъ него боярскую грамоту относительно брачныхъ условій, обѣщая дать на нее свой отвѣтъ на письмѣ.

Что король, говорилось въ боярскомъ письмѣ, хочетъ помогать государю, то государь принимаетъ съ любовью и за это подвиженъ ко всякому добру къ королевскому величеству; а что писалъ о вѣрѣ, то да будетъ ему, княжнѣ Екатеринѣ и ея роднымъ извѣстно: „похотя быти за нашимъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ сочетаніи законнаго брака и сообща съ нимъ, государемъ, всѣмъ его великимъ государствамъ царицею и великою княгиней, ея княжеская милость, княжна Екатерина, для любви и крѣпкаго союза, самимъ Богомъ и отцы преданнаго, произволила бы быть съ нимъ, государемъ, въ одной православной христіанской вѣрѣ стараго, непорочнаго и непремѣннаго, самимъ Іисусъ Христомъ, апостолами и отцами преданнаго греческаго закона и, пришедъ въ царствующій градъ, приняла бы Святое Крещеніе, по древнему отеческому преданію, какъ Святая апостольская церковь пріяла. Безъ этого начальнаго и главнаго дѣла ихъ государскому законному супружеству статься невозможно: потому что нашей православной христіанской вѣрѣ греческаго закона съ иными вѣрами рознь многая, и двухъ вѣръ великіе государи наши съ супругами своими никогда не бывали и впредь то быть не можетъ; по преданію святыхъ апостолъ и отцовъ, пригоже женѣ къ мужу приступить и съ нимъ сообща хвалить и прославлять Всемилостиваго Бога и владѣть своими государствами. И какъ по милости Божіей такое великое дѣло совершится, и то будетъ къ лутчей ихъ государской обоюдной любви, и Господь, видя ихъ единоревнительную къ Нему вѣру и взаимную любовь, подастъ имъ благородныхъ чадъ въ наслѣдіе преславнаго ихъ царскаго рода, а родителямъ и родственникамъ ихъ то будетъ къ славѣ, похвалѣ и премногому утѣшенію, государствамъ ихъ къ расширенію, прибавленію, радости и благой надеждѣ, непріятелямъ къ страху и отомщенію, потому что

тѣмъ ихъ государскимъ брачнымъ соединеніемъ многіе :
ликіе государи будутъ между собою въ ссылкѣ, любви и
всякаго недруга въ соединеньи. А которые пріятели кн
ны Екатерины и ея слуги мужескаго и женскаго пола п
ѣдутъ съ ней, тѣхъ всѣхъ государь пожалуетъ своимъ ж
лованьемъ и почтетъ по ихъ достоинству, и неволи имъ
недостатка ни въ какомъ житьѣ не будетъ ни въ чемъ.]
вѣрѣ имъ быти, если похотятъ, въ православной греческ
закона: ближнимъ людямъ при государѣ и царицѣ инов
цамъ быти не пригоже, костелы иныхъ вѣръ въ Моск
скомъ государствѣ никогда не бывали и впредь то стат
не можетъ, потому что то нашей православной вѣрѣ п
тивно. Если же эти лица принять нашу вѣру не похотя
а пожелають возвратиться въ свою землю, великій госуда
пожаловавъ ихъ своимъ жалованьемъ, велитъ ихъ отпуст
въ ихъ землю повольно, безо всякаго задержанія".

О „костелахъ иныхъ вѣръ" бояре написали больше чѣ
было въ дѣйствительности. Собственно католическихъ х
мовъ наше правительство, съ тѣхъ поръ какъ явил
у насъ протестанты, за исключеніемъ эпохи перв
Самозванца, не допускало; лютеранская же кирка въ Моск
была еще при Грозномъ и простояла до смутной эпо
при Михаилѣ Θеодоровичѣ она снова возникла, и въ 1
году, то-есть въ то время какъ писали бояре дан
письмо, она была возобновлена пасторомъ Оксомъ на
жертвованія ея прихожанъ, между прочимъ, Елисея Анг
ра, * едва ли не роднаго брата Андрея Англера, котор
отвезъ это письмо. Другая кирка находилась въ Н
немъ Новгородѣ. ** Бояре были правы въ одномъ: для ли
собственно царствующаго рода у насъ иновѣрныхъ храм
не было. Кирки строились для иноземцевъ состоявши
на службѣ, ведшихъ торговлю и для плѣнныхъ.

Бояре находили невозможнымъ исполнить и другое ус
віе предъявленное Густавомъ о выдѣленіи опредѣленны

* Fechner, *Chronik*, 1; также въ нашей статьѣ: „Положеніе про
стантовъ въ Россіи до Петра Великаго", *Журн. Мин. Народн. Пр*
1883, IX.

** Olearius, *Colligirte und viel vermehrte Reise-Beschreibung in
nach Musscau und Persien*. Hamburg. 1696. 176. *Die evangelisch-lu
rischen Pfarre in Nischni-Nowgorod*, Ullman's Mittheil., III, 374.

мѣстъ и городовъ. „Когда княжна Екатерина, писали они, приметъ христіанскую вѣру и сочетается съ нашимъ государемъ, тогда всѣ великія Россійскія государства будутъ ихъ государскія, сообща, нераздѣльно, и воля ей, государынѣ, будетъ во всемъ по государскому чину и достоинству; и если она произволитъ какіе города и уѣзды имѣть на свое имя и доходы съ нихъ сбирать на свои дворовые обиходы и на слугъ, и великій государь нашъ за то не постоитъ: города, мѣста и уѣзды даны будутъ безо всякой скудости, и во всю свою жизнь она скудости и неволи имѣть не будетъ". Относительно опасеній какъ бы изъ-за брака не вышло ссоры и войны у Бранденбургскаго курфюрста съ Польскимъ королемъ, бояре выразились: „Нашему государю доподлинно извѣстно что курфюрстъ Бранденбургскій Прусское княжество имѣетъ и держитъ отъ Польскаго короля, только не подданствомъ, но ленныйъ, то-есть вѣчнымъ правомъ, и ему вольно за кого бы ни захотѣлъ выдать сестру или дочь, король Польскій ему воспрепятствовать не можетъ, потому что у Брандебургскаго курфюстра и кромѣ того государство немалое, и въ нѣмецкихъ государствахъ много родственниковъ и пріятелей, да къ тому же и образецъ есть: самъ королевское величество женился въ томъ славномъ дому и взялъ за себя курфюрста Бранденбургскаго дочь, высокорожденную княжну Марію Леонору, и хотя Польскій король о томъ логнѣвался, однако курфюрсту Бранденбургскому учинить ничего не могъ, всчинать войну было бы противъ правды".

На совѣтъ короля обратиться первоначально къ роднымъ невѣсты, бояре замѣчали: Густаву снестись съ ними ближе, у него даже живетъ теперь сама княжна Екатерина со своею матерью, а государю, пока ему неизвѣстны ихъ мысли, ссылаться съ ними непригодно. Въ видахъ этого бояре предлагали Густаву чтобъ онъ отвѣтилъ скорѣе можетъ ли дѣло статься, какъ написано въ ихъ письмѣ, и можетъ ли онъ тайно отъ Польскаго короля снестись со своимъ шуриномъ, Бранденбургскимъ курфюрстомъ, такъ чтобъ у послѣдняго не вышла ссора съ Польскимъ королемъ пока дѣло не совершилось, а когда оно устроится и государь будетъ съ Густавомъ-королемъ и всѣми его родными въ пріятельствѣ, любви и соединеньи на всякаго недруга, въ то время Польскому королю врядъ мыслить о себѣ какъ бы ему самому уберечься, а нетоли-что начинать неправду и войну. Если

государь получитъ благопріятное извѣстіе, то онъ пошлет къ роднымъ Екатерины любительныя письма, а къ Густав для договора большихъ пословъ; но если король извѣститъ чт дѣло по государевой волѣ сбыться не можетъ, все же госу дарь останется съ королемъ въ дружбѣ попрежнему и мирны договоръ будетъ держать цѣло и ненарушимо.

Слишкомъ мѣсяцъ изготовлялся отвѣтъ со стороны Швед скаго правительства. Въ своей грамотѣ (отъ 24 марта) к Михаилу Өеодоровичу Густавъ извѣщалъ что онъ присла ныя съ Англеромъ царскую и боярскую грамоты выраз умѣлъ и велѣлъ своимъ думнымъ людямъ дать отъ ег имени царскимъ ближнимъ боярамъ письменный отвѣтъ. Ег министры подробнѣе развили тѣ мысли и условія какія им были выставлены въ ихъ письмѣ посланномъ съ Елисеем Павловымъ. „Первое условіе, писали они, при которомъ согла сятся на бракъ невѣста и ея родные, которымъ она наказана то чтобъ ея княжеской милости, княжнѣ Екатеринѣ было доз волено остаться въ своемъ крещеньи и христіанской вѣрѣ и держаться той церковной службы въ которой она воспитана имѣть при себѣ особую церковь лютерской вѣры и все чт къ нашей христіанской евангелической вѣрѣ принадлежитъ, подобно тому какъ она до сихъ поръ у своихъ имѣла; второе, чтобъ ея княжниной милости имѣть и держать у себя своихъ думныхъ дворянъ, слугъ и боярынь ея вѣры, какихъ бы земель они ни были, и у нея не отнимать этой поволь ности, какъ такія королевы и царицы вольность имѣютъ въ Цесарской, Шведской, Испанской, Французской, Англійской, Дацкой и Польской земляхъ; третье, чтобъ она была устроена особыми городами, землей и уѣздами на всю свою жизнь хотя бы, по Божьему произволенію, она пережила своего супруга“. Только при обѣщаніи государемъ этихъ условій, утверждали министры, король надѣется на счастливый исходъ сватовства и обѣщается хлопотать у родственниковъ княжны, и то лишь чтобы доказать дружбу къ государю, такъ какъ княжна ему не наказана; а что она теперь живетъ въ Швеціи, то единственно по любви ея и ея матери къ нему, королю, и его супругѣ, королевѣ Маріи Элеонорѣ. Подъ письмомъ подписалось болѣе двѣнадцати датскихъ сановниковъ, между ними графъ Абраамъ Виссенборгскій, канцлеръ Аксенстеръ и другіе. *

* Главный Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Дѣла Шведскія, св. 31, 1622 года, № 2: *„Отправленіе въ Швецію*

Принципы выраженные московскими и шведскими сановниками были такъ различны что соглашеніе здѣсь не могло произойти. У такого цѣльнаго въ своихъ воззрѣніяхъ народа какъ Московскій, въ глазахъ котораго къ тому же царь и его супруга имѣютъ священное значеніе, царица не могла быть иновѣркою, и Михаилъ Θеодоровичъ, истощивъ средства добыть себѣ жену изъ иноземныхъ принцессъ которая бы приняла православіе, женился на русской боярышнѣ Евдокіи Лукьяновнѣ Стрѣшневой, отличавшейся своею красотой и отецъ которой принадлежалъ къ партіи сильнаго тогда боярина Θ. Ив. Шереметева *.

VI. Дѣло Вальдемара Датскаго и Ирины Михайловны. **

Семейная жизнь Михаила Θеодоровича со Стрѣшневой текла мирно и радостно. Изъ одиннадцати человѣкъ дѣтей осталось у нихъ въ живыхъ и подростало четверо: сынъ Алексѣй, здоровый мальчикъ, и три дочери, красавицы собою Роковой ударъ счастью нанесло сватовство ихъ старшей дочери Ирины за иноземнаго принца.

переводчика Елисея Павлова съ грамотой къ королю Густаву Адольфу о причиняемыхъ отъ его королевскихъ подданныхъ Россіянамъ обидахъ и о перебѣжчикахъ", св. 32, 1623 года, № 2: „*Отправленіе въ гонцахъ переводчика Андрея Англера въ Швецію съ грамотой отъ царя Михаила Θеодоровича къ Шведскому королю Густаву Адольфу, извѣщающею о желаніи государя вступить въ супружество съ родственницею его княжною Екатериной. Тутъ же данный ему, гонцу, отъ шведскихъ министровъ отвѣтъ и его Статейный списокъ*".

* Объ отношеніи Стрѣшневой къ Шереметеву и объ условіяхъ ея выбора въ царицы см. у Барсукова, *Родъ Шереметевыхъ*, II—III, и въ нашей статьѣ: *Московскіе бояре въ XVI и XVII вѣкѣ. Моск. Вѣд.* 1884, №№ 33 и 34.

** Офиціальные документы этого дѣла находятся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, среди Датскихъ Историческихъ, Греческихъ и Приказныхъ дѣлъ 1640—1646 годовъ, въ библіотекѣ Архива № 145 и въ Московской Синодальной Библіотекѣ №№ 279—281, и состоятъ изъ тысячъ двадцати листовъ. Архивные матеріалы по мѣстамъ до того спутаны что даже такой знатокъ Архива, какъ Соловьевъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ былъ введенъ въ очень грубое заблужденіе. Такъ, факты изъ второй поѣздки Марсе-

Къ половинѣ 1640 года у нихъ созрѣло намѣреніе поискат жениха въ Даніи, въ семьѣ извѣстнаго уже Михаилу корол Христіана IV. Не женатымъ и не помолвленнымъ въ т

лиса въ Данію онъ отнесъ (*Исторія Россіи*, М. 1859, 320—321) к первой. Это потому что средняя часть показанія Марселиса въ П(сольскомъ приказѣ о его второмъ путешествіи лежитъ въ актах тносящихся къ его первой миссіи, и Соловьевъ, не видавъ остал ныхъ листовъ, начала и конца, которые находятся въ другомъ мѣсті листовъ черезъ тысячу отъ средины, отнесъ найденные им листы къ актамъ перваго путешествія. Извлеченіе Соловьева сдѣлан собственно изъ Датскихъ дѣлъ Архива, изъ Греческихъ дѣлъ он сдѣлано профессоромъ священникомъ Николаевскимъ („Изъ исторі сношеній Россіи съ Востокомъ въ половинѣ XVII столѣтія" въ *Хри стіанскомъ Чтеніи* 1882, I—II, 245—249), изъ синодальныхъ руко писей—въ *Описаніи рукописей Московской Синодальной Библіоте ки*, II, 370—382, Горскаго, и въ *Исторіи Русской Церкви*, митропо лита Макарія, XI, 105—114. Списки съ синодальныхъ рукописей, с значительными варіантами, сокращеніями и дополненіями, весьм распространены. Между извѣстными экземплярами (Царскаго, Ун дольскаго, Казанской Духовной Академіи и др.) одно изъ первых мѣстъ долженъ занять неизвѣстный доселѣ экземпляръ принадлежа щій Е. В. Барсову. Въ немъ есть полный отчетъ о преніяхъ 4 іюл 1645 года, о которыхъ Соколовъ (*Отношеніе протестантизма к Россіи*, М. 1880, прим. стр. 24) утверждаетъ, будто о нихъ не сохра нилось актовъ; такой же отчетъ, замѣтимъ кстати, имѣется и в синодальныхъ рукописахъ № 279, л. 470—552 и № 280, л. 1 - 87, ко торыя не однократно цитуетъ и самъ Соколовъ. По экземпляру при надлежащему Казанской Духовной Академіи составлена имѣющая зна ченіе статья: „Матеріалы для исторіи русско-церковной полемики про тивъ лютеранства въ первой половинѣ XVII столѣтія, *Православны Собесѣдникъ* 1861, II. Кромѣ офиціальныхъ матеріаловъ, важны два со временныя событію сочиненія: одно иностранное, другое русско(Первое принадлежитъ перу вѣроятно одного изъ спутниковъ Вальде мара: *Nachricht von Woldemar Christian Güldenlöwe Grafen von Schles swig-Holstein, Sohn des dänischen Konigs Christian des Vierten, von de Christina Munk, Reise nach Russland, zur Vermählung mit des Zare Michael Fedrowitsch Tochter Irene*, въ *Magazin für die neue Histori* Büsching'a X, 213—276 (переводъ на русскомъ языкѣ въ *Чтен. Импе раторскаго Моск. Общества Исторіи и Древностей Россійских* 1867, IV). Русское сочиненіе написано въ Москвѣ, въ первые мѣсяць по отъѣздѣ Вальдемара изъ Россіи и находится въ собраніи рукопи сей Е. В. Барсова, № 59, л. 3—42. Заглавіе его: *Повѣсть и писа ніе извѣстно, о еже случися быти въ нашей Рустѣй земли: в нынѣшнихъ настоящихъ лѣтѣхъ, осмыя тысящи во второмъ ст*

пору оказался третій сынъ короля, отъ второй его жены *, графини Христины Мункъ, Вальдемаръ. По отобраніи необходимыхъ свѣдѣній въ Москвѣ отъ „Датскаго короля прикащика" Петра Марселиса, въ декабрѣ отправили въ Данію гонца, переводчика иностранца Ивана Ѳомина съ дипломатическимъ порученіемъ касавшимся Голштинскаго герцога, который не исполнялъ условій договора относительно торговли съ Персіей. Но главною цѣлью посольства было желаніе царя Михаила собрать тайнымъ образомъ на мѣстѣ всѣ нужныя свѣдѣнія о королевской семьѣ и въ особенности о королевичѣ Вальдемарѣ: его лѣтахъ, наружности, умѣ, образованіи, характерѣ, физической крѣпости, а также и о томъ не сговоренъ ли гдѣ жениться. Послу было настрого наказано стараться всѣми средствами не только лично видѣть королевича, но персону его написать подлинно въ листъ или на доску, безъ приписи, прямо, для этого подкупить писца и, если окажется нужнымъ, помѣшкать недѣлю или двѣ, притворившись больнымъ, и не скупиться на подарки; а чтобы не догадались, заказать написать персоны самого короля Христіана и его другихъ сыновей. Порученіе Ѳоминъ исполнилъ точно. Возвратясь въ Москву, онъ представилъ портреты и донесъ государю что королевичъ Вальдемаръ двадцати лѣтъ, волосомъ русъ, ростомъ не малъ, собою тонокъ, глаза сѣрые, хорошъ лицомъ здоровъ и разуменъ, знаетъ по-латыни, французски, итальянски, верхне-нѣмецки, знакомъ съ воинскимъ дѣломъ.

Какъ ни секретно велъ свои дѣла Ѳоминъ, Датскій дворъ угадалъ его мысли. Когда посолъ былъ еще въ Копенгагенѣ, королевскій секретарь, спросивъ его зачѣмъ ему понадобились портреты, прибавилъ: „если государю вашему короле-

---

въ пятой десяторицѣ, во второмъ и третьемъ лѣтѣ; есть же убо и слезамъ достойно. Въ общемъ оглавленіи статей сборника, сдѣланномъ значительно позднѣе, заглавіе измѣнено: *Повѣсть, о внезапной кончинѣ государя Михаила Ѳеодоровича, случившейся по безуспѣшному дѣлу супружества княжны Ирины Михайловны съ Валдемаромъ королевичемъ.* Оба эти сочиненія важны главнымъ образомъ потому что изъ нихъ весьма ясно видимъ какъ отразилось событіе въ сознаніи Датчанъ и Русскихъ, какъ они понимали его. Имѣя въ виду со временемъ составить большое сочиненіе о дѣлѣ Вальдемара и издать главнѣйшіе, относящіеся сюда документы, мы ограничимся здѣсь передачей существеннаго.

* „Отъ жены съ лѣвой руки", какъ выразился Марселисъ въ Посольскомъ приказѣ.

вичъ Вальдемаръ надобенъ для воинскаго дѣла, король о
пуститъ его къ царскому величеству.“ Датскимъ вельможам
хотѣлось удалить Вальдемара чтобы не имѣть въ немъ с
искателя на вице-королевскій санъ, на который онъ по св
имъ правамъ могъ мѣтить. Самъ Христіанъ былъ далеко
прочь опредѣлить его къ мѣсту въ Москвѣ, породнивъ с
Михаиломъ Ѳедоровичемъ. Съ этою цѣлію онъ снарядилъ в
Россію посольство во главѣ котораго поставилъ Вальдем
ра, вторымъ посломъ былъ Григорій Краббе. Вмѣстѣ съ ч
сто торговою миссіей для датскихъ купцовъ Вальдемаръ п
лучилъ отъ отца тайный наказъ на случай еслибы въ Мо
квѣ стали сватать его за Ирину Михайловну; наказъ бы
за подписью короля и королевскою печатью, и будто бы
былъ извѣстенъ даже Краббе. Вальдемару приказывало
принять предложеніе если царь, между прочимъ, обезпечит
ему свободу вѣроисповѣданія, и просить для окончанія дѣ
прислать къ королю московскихъ пословъ.

Такъ какъ Вальдемаръ былъ объявленъ „посломъ, графом
Шлезвигъ-Голштинскимъ“, а не королевичемъ, то его п
всюду принимали какъ только посла. Переговоры о торго
лѣ шли довольно оживленно. Датское правительство прос
ло повольной торговли для своихъ купцовъ по всему Мо
ковскому государству, монополіи по торговлѣ въ Россіи к
жами и юфтью, позволенія построить прядильню для кана
наго дѣла, имѣть въ Москвѣ агентовъ и прикащиковъ, стр
ить по городамъ дворы и кирки, обѣщая со своей сторон
увеличеніе пошлинъ и т. д. Отклоняя просьбы о монополі
но дозволяя съ нѣкоторыми ограниченіями торговлю, боя
составили уже грамоту на вѣчное докончаніе. Пунктъ о ки
кахъ, религіозной свободѣ и мѣстѣ жительства купцовъ им
опредѣленъ особенно точно. „А что они, послы, было нап
сано въ грамотѣ, говорили и били челомъ царскаго велич
ства боярамъ и думнымъ дьякамъ, чтобы великій государ
нашъ, его царское величество, государя ихъ Крестьянус
короля Датскаго, его королевскаго величества подданных
торговыхъ людей пожаловалъ въ которыхъ городахъ им
торговать и въ тѣхъ бы городахъ поволить имъ дворы ст
вить гдѣ имъ товары свои класть и торговать бъ имъ н
Москвѣ, Новгородѣ и у Архангельскаго города, и гдѣ тор
уставятъ и тутъ бы кирки и дворы ставить. И великій гос
дарь нашъ, его царское величество, для государя его Кресть
нуса короля братскія дружбы и любви, подданныхъ его то

говыхъ людей пожаловалъ, поволилъ въ Новгородѣ всѣмъ одинъ дворъ купить или поставить, во Псковѣ одинъ же дворъ всѣмъ, у Архангельскаго города одинъ же дворъ всѣмъ купить или поставить, а на Москвѣ государя ихъ у королевскаго прикащика у Давыда Николаева дворъ купленъ, по тому жь Давыду, по царскаго величества указу, для тѣхъ же государя его подданныхъ торговыхъ людей подлѣ того его двора поволено купить другое торговое мѣсто, а киркамъ на Москвѣ и ни въ какомъ городѣ Московскаго государства не быть. А которые великаго государя нашего, его царскаго величества, подданные торговые люди учнутъ ѣздить для торговаго промыслу въ Датскую землю и въ которыхъ городахъ Датскаго королевства тѣ великаго государя нашего, его царскаго величества, подданные торговые люди учнутъ торговать, и во тѣхъ городахъ по тому жь государю его Крестьянусу, королю Датскому, его королевскому величеству, поволить имъ дворы купить или ставить".

При составленіи бѣловой договорной грамоты возникли пререканія, уже случавшіяся и прежде: чье имя, царское или королевское, писать прежде. Требованіе Вальдемара чтобы въ датской грамотѣ королевское имя было написано раньше царскаго, боярами не могло быть исполнено, и переговоры не могли кончиться ничѣмъ. О бракѣ наши не заговаривали. Государя повидимому тревожило сомнѣніе относительно законности происхожденія Вальдемара и дѣйствительнаго почета ему среди Датчанъ. Сопровождавшимъ и бывшимъ при Вальдемарѣ приставамъ было наказано слѣдить возможно внимательнѣе, какъ относятся къ нему Датчане. Пристава доносили что Краббе и другіе почитаютъ его государскимъ обычаемъ. Вальдемаръ показалъ тайный наказъ Марселису. Этотъ прочелъ, но довести о томъ до свѣдѣнія правительства и намекнуть ему о сватовствѣ почему-то не осмѣлился. Быть-можетъ ему не было еще извѣстно съ какимъ собственно намѣреніемъ правительство производило о Вальдемарѣ свои справки. Такъ послы и отъѣхали, ничего не сдѣлавъ здѣсь.

Спустя полгода (12 апрѣля 1642 года) въ Москвѣ рѣшили отправить въ Данію пословъ: окольничаго Степана Матвѣевича Проѣстева и дьяка Ивана Патрикѣева докончить договоръ и начать сватовство. Въ существенныхъ своихъ частяхъ тайный имъ наказъ о сватовствѣ былъ почти букваль-

нымъ повторевіемъ прежняго наказа князю Львову, толь вмѣсто „высокорожденной королевской племянницы“ пово ду стояло „королевичъ Волдемаръ Христіанусовичъ“, вм сто имени жениха-государя—имя невѣсты-царевны. Не бы допущено измѣневій не только въ пунктѣ о перекрещиван и о Датчанахъ, но даже въ пунктѣ объ отводѣ брачной че отдѣльныхъ владѣній: какъ и прежде, было обѣщано прос что государь будетъ держать ее въ чести, нужды ей не б детъ. Значительныя поправки, сообразно съ обстоятельств ми, сдѣлали лишь въ такихъ маловажныхъ частяхъ какъ в просъ о портретѣ. „Ежели спросятъ, было наказано послам есть ли съ ними персоны царевны, то отвѣчать: „у наши великихъ государей Россійскихъ того не бываетъ чтобъ пе соны ихъ государскихъ дочерей, для остереганья ихъ гос дарскаго здоровья, въ чужія государства возить, да и в Московскомъ государствѣ очей государыни царевны, кром самыхъ ближнихъ бояръ, другіе бояре и всякихъ чиновъ лю не видаютъ.“

Проѣстева и Патрикѣева король принялъ весьма недруж любно, на представленіи не хотѣлъ было даже спросить о г сударевомъ здоровьѣ, и исполнилъ обычай лишь благодар ихъ настоянію. Помѣщеніе титула опять помѣшало совер шить докончанье. Не успѣвъ въ одномъ, послы принялис за исполненіе второй миссіи. Но такъ какъ они, сообразн наказу, не могли обѣщать королевичу опредѣленныхъ земел въ Московскомъ государствѣ и требовали что онъ должен креститься въ православную вѣру, то не имѣли удачи и в этомъ. Несчастіе продолжало преслѣдовать ихъ. Въ Посоль скомъ приказѣ подвергли ихъ суду, обвинивъ въ нерадѣні и неумѣньи исполнять царской воли: въ раздачѣ соболей и денегъ не сообразовались де съ пользой государя, а сорил всѣмъ этимъ ради своей чести, переговоры вели слишком коротко и часто отвѣчали не впопадъ или совсѣмъ мол чали и поспѣшили уѣхать послѣ перваго же отказа, не свес шись напередъ съ государемъ.

Поправить дѣло надѣялись чрезъ датскаго коммиссара Пе тра Марселиса. Его позвали (4 декабря 1642 года) въ Посоль скій приказъ. Припомнивъ прежнія службы его, Петра, и отца его Гаврилы и полученныя ими за то царскія мило сти и повольность въ торговлѣ, бояре поручили ему новую службу государю—ѣхать въ Данію сватомъ, обѣщая ему

новыя награды. Марселисъ тотчасъ согласился *, такъ какъ онъ понималъ какія, въ случаѣ удачи, могутъ быть отъ того выгоды какъ для него, такъ и для всей протестантской колоніи, лишь потребовалъ чтобъ ему позволено было ничего не говорить Вальдемару относительно перекрещиванья, то-есть не предлагать ему принять православіе. Въ Приказѣ находили это невозможнымъ и уговаривали его порадѣть и о вѣрѣ. Тогда Марселисъ сообщилъ что Вальдемаръ въ бытность свою въ Москвѣ казалъ ему королевскій наказъ въ которомъ отецъ настрого запрещалъ сыну отказываться отъ лютеранства, „и онъ, королевичъ, мимо отца своего наказу и въ то время того учинить и къ греческой вѣрѣ приступить не хотѣлъ, и нынѣ ему, Петру, чтобы королевичу ѣхать креститься въ православную вѣру греческаго закона, о томъ говорить королю и королевичу никоторыми мѣрами не смѣть, а только про то имъ говорить, и ему быть въ опалѣ“. Бояре смолчали, но чрезъ нѣсколько дней Марселисъ получилъ назначеніе отправиться въ Данію. Объ этой службѣ объявилъ ему бояринъ Ѳ. И. Шереметевъ. Пользуясь благопріятнымъ случаемъ, онъ запросилъ соболей на 2.600 руб. для раздачи въ Даніи, привилегію для себя на желѣзный промыселъ на 20 лѣтъ, покровительство оставшейся въ Москвѣ его женѣ. Просьбы его удовлетворили съ избыткомъ: къ соболямъ на 2.600 р. прибавили ему 500 р. деньгами въ качествѣ награды за службу (съ Проѣстевымъ и Патрикѣевымъ соболей было послано на 2.000 р.). Наказъ былъ составленъ

---

* Такъ въ офиціальныхъ архивныхъ документахъ (Дѣла Датскія, св. 13, № 8: *Отправленіе въ Данію датскаго комисара Петра Марселиса*); по рукописи же „Повѣсть о внезапной кончинѣ государя Михаила Ѳеодоровича“, Марселисъ самъ вызвался и добивался того. Упомянувъ объ опалѣ на Проѣстева и Патрикѣева и о царскомъ уныніи что имъ не удалось заручить Вальдемара, авторъ продолжаетъ (л. 8): „о сицевыхъ нѣкіи же злодѣй лстивый врагъ такіи же поганинъ Нѣмчинъ здѣшніи житель Петрушка Марселевъ, имѣя на себѣ воинскій чинъ, царю служа, видя царя и царицу печальныхъ о таковой вещи и пзъяся царю и царицѣ, яко да идетъ тамо въ Датцкую землю къ королю Христіянусу и сыну его къ королевичю Валдемару, яко да увѣщаетъ и подъиметъ того нечестиваго, яко быти ему въ Руськую землю къ нимъ, государемъ. Царь же и царица повелѣста ему ити и творити глаголемая, и даста ему честь велію зѣло и потребнаго доволно.“

какъ ему желалось. О прежнихъ послахъ онъ долженъ бь доложить королю что они поступали неправильно и не диво, на вопросъ о чести и о земляхъ для королевича от чали не по наказу, а о вѣрѣ и о крещеніи не на вопр ближнихъ королевскихъ людей. Королевича де государь с нетъ держать въ большомъ пріятельствѣ и въ государсl чести, какъ государскаго сына и зятя, и одарить его всѣ города, села и денежная казна будетъ у Вальдемара мног получитъ онъ большіе города Суздаль и Ярославль съ у дами, волостями и всякими доходами, и иные города и с и волости какіе ему годны; „въ его вѣрѣ неволи не буде а въ православную христіанскую вѣру греческаго закона к щеніе всѣмъ людемъ даръ Божій: кого въ то Богъ при детъ, тотъ то и приметъ, а воля Божія свыше всѣхъ че вѣческихъ мыслей и дѣлъ". Ближнимъ и дворовымъ люда королевича будетъ оказана государская милость по ихъ стоинству, неволить ихъ ни въ чемъ не будутъ, и заяв шихъ желаніе возвратиться всегда отпустятъ безъ задерж Каждое условіе онъ долженъ былъ, конечно, предложить прежде чѣмъ о томъ спросятъ его.

Марселису теперь легко было склонить на свою сторо Датское правительство. Прибывъ въ Копенгагенъ 14 мар 1643 года, 20 марта онъ былъ представленъ королю и ту же прямо изложилъ московскія условія. Чуть не съ ка дымъ днемъ нуждаясь все болѣе и болѣе въ посторо ней помощи противъ Швеціи, которая явно готовил открыть противъ Даніи свои враждебныя дѣйствія, Хр стіанъ охотно согласился отпустить своего сына. Ва демара, который за свою бытность въ Москвѣ имѣлъ дос точный случай убѣдиться въ неуступчивости Русскихъ, ѣха сюда, правда, теперь не тянуло, но отказаться онъ не смѣ боясь тѣмъ оскорбить отца. Серіозныхъ препятствій браку не находили. Оставалось заручиться отъ царя ли меннымъ обѣщаніемъ.

Марселисъ получилъ (8 апрѣля) королевскую грамоту, к торую онъ долженъ былъ доставить въ Москву. Заявивъ своей готовности держать съ государемъ дружбу и прекр тить споръ о титулѣ столько лѣтъ мѣшавшій учинить письменному укрѣпленію, Христіанъ писалъ что онъ д взаимнаго союза готовъ способствовать сватанью царск дочери за его сына, только бы ему напередъ получить о государя отвѣтную грамоту за царскою печатью и подпись

съ утвержденіемъ необходимыхъ статей. Между ними первое мѣсто занимаетъ условіе насчетъ свободы вѣроисповѣданія: королевичу, его двору и слугамъ въ вѣрѣ и законѣ неволи быть не должно и будетъ отведено ему мѣсто для поставленія кирки. Второе условіе касалось положенія королевича въ государствѣ и царской семьѣ, чтобъ онъ кромѣ царя и царевича никого не имѣлъ выше себя; остальныя три условія опредѣляли содержаніе его и его двора: обѣщанные города Суздаль и Ярославль съ ихъ уѣздами должны остаться за нимъ и его потомствомъ навсегда, было бы честнѣе и славнѣе еслибы прибавлено было къ тому денежное приданое; такъ какъ доходы съ городовъ неизвѣстны, то царь назначилъ бы еще опредѣленную сумму денегъ, изъ которой часть королевичъ тратилъ бы на содержаніе своего двора, другую оставлялъ для себя; управлять своимъ дворомъ, одѣвать его и принимать къ себѣ на службу и отпускать назадъ за границу королевичъ будетъ по своему усмотрѣнію.

Въ Москвѣ встрѣтили Марселиса какъ датскаго посланника, въ поденномъ корму приравнявъ его къ пріѣзжавшему прежде Голмеру, и удостоили торжественнаго представленія царю. Пока Марселисъ выхлапатывалъ чтобъ ему вознаградили убытки (1.100 р.) понесенные имъ въ Даніи, въ Приказѣ готовили отвѣтную, за большою государевою печатью, грамоту въ которой на всѣ статьи предъявленныя королемъ давалось царское согласіе * съ обѣщаніемъ прибавить денежнаго приданаго триста тысячъ рублей и предложеніемъ чтобы королевичъ взялъ съ собою изъ Даніи триста человѣкъ и всѣ земли принадлежащія ему подъ датскою короной оставались въ вѣчномъ насдѣдственномъ владѣніи обоихъ супруговъ. Собственно о вѣрѣ отвѣтъ гласилъ: „королевичу графу Валь-

* Что, конечно, хранилось отъ остальныхъ Москвитянъ подъ величайшимъ секретомъ. Повидимому, объ условіяхъ о вѣрѣ точно не зналъ даже патріархъ Іосифъ. Когда пріѣхалъ Вальдемаръ въ Москву, посланный къ нему отъ патріарха Францбековъ говорилъ королевичу что Марселису не было наказано ни говорить, ни рѣшать вопроса о вѣрѣ. Авторъ *Повѣсти о внезапной кончинѣ Михаила Ѳеодоровича* не принадлежавшій къ правительственнымъ лицамъ и писавшій не на оффиціальныхъ документахъ, а на основаніи носившихся въ городѣ слуховъ, утверждаетъ (л. 9), будто Марселисъ убѣдилъ королевича ѣхать сюда „только женитися, а не креститися по нашему русскому обычаю“, то-есть въ дѣйствіяхъ Марселиса онъ видитъ хитрость, какъ бы прямый обманъ.

демару и его всему двору и слугамъ въ вѣрѣ и въ зак
неволи никакой не будетъ, а о томъ чтобы поволено бы
мѣсто гдѣ кирку поставить, договоръ будетъ съ посл
королевскаго величества, которые пріѣдутъ съ его корол
скимъ сыномъ къ нашему царскому величеству къ Моск
гдѣ киркѣ быть. А у предковъ нашихъ, у великихъ госуда
царей и великихъ князей Россійскихъ, и нынѣ у насъ, ве
каго государя, многихъ окрестныхъ государствъ иноземц
разныхъ вѣръ люди которые у насъ, великаго государя, в
подданствѣ, и мы, великій государь, и у тѣхъ въ ихъ вѣра
и въ законѣ воли не отнимаемъ, и кирки по ихъ вѣра
есть, и моленье свое совершаютъ по своимъ вѣрамъ и
закону."

Интересно сопоставить этотъ отвѣтъ о киркахъ съ тѣ
чтò за двадцать лѣтъ ранѣе писали бояре Шведскому пр
вительству. Тогда утверждалось что иновѣрныхъ храмовъ
насъ нѣтъ и не бывало, а между тѣмъ тогда кирка стояла
самой Москвѣ; теперь съ такою же силой увѣряли въ проти
положномъ, и между тѣмъ теперь не было въ Москвѣ ни одн
кирки, такъ какъ онѣ были весной и лѣтомъ этого года в
разрушены по распоряженію самого правительства. Здѣ
мы совершенно неожиданно встрѣчаемся съ рѣшеніемъ те
наго въ исторической наукѣ вопроса, почему именно пр
вительство вдругъ опять сочло нужнымъ возстановить д
лютеранъ свободу общественнаго богослуженія, только ч
предъ тѣмъ отнятую у всѣхъ протестантовъ. Сватовство
Вальдемара при посредствѣ Марселиса, какъ оказываетс
въ судьбѣ московскихъ кирокъ имѣло весьма важное знач
ніе. Объяснимся.

Послѣ смутнаго времени, принесшаго такъ много бѣдстві
отъ иноземцевъ, Русское правительство преимущественно оз
бочивалось тѣмъ чтобъ отдалить иностранцевъ отъ непосре
ственнаго общенія съ православными, обособить ихъ. Какъ б
игнорируя то, допущенные въ Москву протестанты съ евре
скою юркостью захватывали въ лучшихъ мѣстахъ столиц
русскіе дома, перебивая ихъ у русскихъ покупателей и св
ими средствами наживы наносили нашимъ большой матер
альный ущербъ; иные изъ нихъ, нанимая себѣ квартиры
своихъ и у Москвичей, продавали всякіе товары, оптомъ и в
розницу, безпошлинно. Вмѣстѣ съ тѣмъ они увеличили числ
кирокъ. Такъ какъ кирка о которой мы упомянули под
1622 годомъ сгорѣла (1626 года), то прихожане построи

себѣ новую церковь деревянную, въ Большомъ или Земляномъ городѣ (Скородомѣ), у Фроловскихъ (нынѣ Мясницкихъ) воротъ, на мѣстѣ купленномъ общиной у вдовы Іоахима Люмзена и втораго ея мужа Іоста Кивета; церковными старостами при этомъ построеніи были извѣстные намъ Елисей и Андрей Англеры. Не всѣ однако члены общины остались ея прихожанами. Часть ихъ отдѣлилась (1626 года) составивъ изъ себя отдѣльную общину и выстроивъ себѣ въ Бѣломъ (Царь) городѣ новую церковь, которая однако простояла всего до 1632 года, когда, вслѣдствіе ссоры и драки происшедшей въ ней между Нѣмками, ее по приказу патріарха велѣно было срыть и перенести въ Скородомъ. Но лютеране какъ-то снова построили ее себѣ въ Бѣломъ городѣ; тамъ еще въ 1629 году основалась реформатская община, состоявшая по преимуществу изъ Англичанъ и Голландцевъ. Первоначально она довольствовалась небольшою деревянною капеллой, затѣмъ, рядомъ съ нею, приступили было къ постройкѣ большой каменной кирки, но довести ее до конца не успѣли, какъ разразилась надъ церквами правительственная гроза.* На Шведскомъ дворѣ завелась особая домашняя

* Ссылаясь на русскій переводъ Олеарія у котораго находятся эти данныя о киркахъ, преосвященный Макарій (*Исторія Русской Церкви*, С.-Петербургъ 1882, XI, 283) помѣщаетъ лютеранскую и кальвинскую кирки и реформатскую часовню въ Московскомъ Кремлѣ. Это ошибочно. Въ подлинникѣ (*Reise-Beschreibung*, Hamburg, 1.696, 166) стоитъ: „in der Stadt Musscau im Crayss Zaargorod“ и на картѣ Москвы приложенной къ нѣмецкому изданію Олеарія (между 72—73 стр.) различаются слѣдующія части города: „A. Das Schlos Kremelena. B. Kitaygorod. C. Zaargorod vel Bielgorod. D. Skarodum. E. Streletska Slowoda.“ Слѣдовательно Царь-городъ Олеарій съ Кремлемъ не отождествлялъ и мѣсто кирокъ указалъ вѣрно, въ третьей части города. Несмотря на увѣренія многихъ нѣмецкихъ и русскихъ историковъ московскихъ протестантскихъ церквей, въ Кремлѣ, какъ православно-русской святынѣ, кирокъ никогда не существовало (См. Fechner'a *Chronik*, 1876, I, 164—165 и др., также въ нашей статьѣ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1883, IX, 77). Другую рѣзкую ошибку дѣлаетъ Соколовъ (*Отн. Прот. къ Россіи*. М. 1880, 15), одно и то же событіе изъ жизни реформатской капеллы и церкви раздѣляя на два, изъ которыхъ одно относитъ даже къ XVI столѣтію. Въ XVI столѣтіи реформатской церкви въ Москвѣ не было; разрушеніе же случилось одинъ разъ (а не два) и только въ 1643 году, какъ это прямо и означаетъ Олеарій, когда въ изданіи своего сочиненія 1647 года говоритъ „за три года предъ тѣмъ“ (vor 3 Jahren).

церковь, такъ-сказать посольская. Замѣчательно что и
теранская и реформатская община производили церкові
постройки въ Бѣломъ городѣ тайно, безъ разрѣшенія п
вительства. Послѣднее обстоятельство, а особенно то
вновь построенныя кирки стояли близь православныхъ х
мовъ, крайне соблазняло нравственно-религіозное чувс
православныхъ. Московскіе и иногородные купцы не р
жаловались правительству на незаконные убытки нано
мые имъ иноземцами; въ 1638 году челобитная была пок
та нѣсколькими сотнями купеческихъ подписей; въ нач
сороковыхъ годовъ жалобы повторились. Съ купцами и
земцы легко совладѣвали, почти все ограничивалось п
стымъ опросомъ и формальнымъ имъ выговоромъ отъ п
вительства. Тогда мѣстные интересы взяла подъ свою
щиту часть московскаго духовенства которая сумѣла пос
вить вопросы на нравственно-религіозную почву. Прич
одиннадцати московскихъ церквей, въ томъ числѣ церк
Николая Чудотворца (нынѣ въ Армянскомъ переулкѣ)
церкви Козьмы и Даміана (на Маросейкѣ) подали (2 мар
1643 года) царю челобитную, жалуясь что „въ ихъ при
дахъ Нѣмцы на своихъ дворахъ вблизи церквей постави
ропаты, и Русскихъ людей Нѣмцы у себя во дворахъ де
жатъ, и всякое оскверненіе Русскимъ людямъ отъ тѣхъ Н
мецъ бываетъ, а тѣ Нѣмцы, не дождався государева ука
покупаютъ дворы въ ихъ приходахъ вновь, и вдовыя Нѣ
ки держатъ у себя въ домахъ всякія корчмы и блудни
и многіе прихожане которые у нихъ въ приходахъ живу
хотятъ свои дворы продавать Нѣмцамъ, потому что
Нѣмцы покупаютъ дворы и дворовыя мѣста дорогою цѣно
предъ Русскими людьми вдвое и больше, и отъ тѣхъ Нѣ
цевъ приходы ихъ пустѣютъ“. Слѣдствіемъ челобитной бы
ло то что царскимъ указомъ велѣно „на Москвѣ въ Кита
и въ Бѣломъ городѣ, и за городомъ въ слободахъ дворо
и дворовыхъ мѣстъ Нѣмцамъ и Нѣмкамъ вдовамъ у ру
скихъ людей не покупать и купчихъ и закладныхъ на
время въ Земскомъ приказѣ не записывать; а ропаты кот
рые у Нѣмцевъ поставлены на дворахъ близь русскихъ це
квей сломать“. Изъ приказа Большаго дворца прислана был
(4 марта) о томъ память въ Земскій приказъ чтобъ испо
нена была царская воля; тѣмъ Русскимъ которые и посл
того осмѣлились бы запродавать свои дома и дворовыя мѣст
угрожалось царскою опалой.

Понимая всю невозможность, при настоящемъ настроеніи правительства, остановить исполненіе указа, иноземцы, повидимому застигнутые врасплохъ, употребили усилія чтобъ удержать по крайней мѣрѣ старую кирку, стоявшую на окраинѣ города, за Фроловскими воротами у Земляного вала. Пользуясь примѣромъ бывшимъ при Годуновѣ, они дѣйствовали чрезъ придворныхъ докторовъ. Докторъ Бѣлау, недавно прибывшій въ Россію и милостиво принятый (9 апрѣля) царемъ, чрезъ ближняго боярина Ѳ. И. Шереметева вѣдавшаго Аптекарскій приказъ, обратился со своими двумя сослуживцами къ царю съ челобитной (4 мая). Тѣ иноземцы, докладывалось въ ней, которые въ Бѣломъ городѣ построили себѣ церковь и на которыхъ жаловалось духовенство, новопріѣзжіе; у нихъ же, докторовъ, въ Бѣломъ городѣ богомолья никогда не было; сходились они вмѣстѣ со служилыми иноземцами, переводчиками и торговыми людьми за Фроловскими воротами, близь Земляного города, гдѣ они молились и молятся Богу и проповѣдують Евангеліе и въ своихъ службахъ всегда отъ чистаго сердца молятъ Бога за государево многолѣтное здоровье и за счастливое воздержаніе скипетра великаго Россійскаго государства; о томъ дворѣ челобитчиковъ и близь его русскихъ храмовъ нѣтъ, кругомъ все огороды; и имъ, докторамъ, далѣе того мѣста ѣздить изъ города невозможно, для того что всякій часъ имъ нужно быть готовымъ для обереганія царскаго здоровья. Въ виду этого доктора просили дозволить имъ вмѣстѣ съ другими прежними иноземцами продолжать сходиться на этомъ мѣстѣ по старому, какъ то велѣно было при отцѣ государевомъ, Филаретѣ Никитичѣ. Москва разросталась; указываемое докторами мѣсто казалось правительству близкимъ, и кирка была сломана, такъ что у московскихъ лютеранъ не осталось ни одной церкви.

Какъ разъ въ это несчастное для кирокъ время пріѣзжаетъ (во второй половинѣ мая) въ Москву Марселисъ съ королевскою граматой, гдѣ такъ настоятельно говорится о свободѣ вѣры и мѣстѣ для кирки Вальдемару и его придворнымъ. Въ первыхъ числахъ іюня грамота была переведена въ Посольскомъ приказѣ; Марселисъ также передалъ, какъ онъ увѣрялъ въ Даніи относительно свободы вѣры. Правительству не трудно было теперь догадаться что если оно желаетъ завлечь Вальдемара въ Москву, то необходимо поддер-

жать за границей славу о своемъ покровительствѣ лютер скому вѣроисповѣданію; вопросъ о московскихъ киркахъ его глазахъ неожиданно самъ собою соединился съ воп сомъ о сватовствѣ. Едва ли обошлось здѣсь безъ косв наго участія Марселиса. Кромѣ того что интересы лютер ства и иноземцевъ ему были близки и самъ онъ отличал большими захватами, такъ что за нѣсколько лѣтъ пре тѣмъ (1638 года) купцы прямо указывали на неправильно занятія имъ дома на Поганомъ (нынѣ Чистомъ) прудѣ, че битной духовенства и распоряженіемъ по ея поводу о былъ задѣтъ лично: домъ въ которомъ онъ тогда жилъ ст ялъ близь церкви Козьмы и Даміана, причтъ которой жа вался на иноземцевъ. Видную роль тогда игралъ другой и земецъ, Андрей Келлерманъ, тоже занимавшійся торговле не разъ исполнявшій различныя порученія правительства иностраннымъ дворамъ; его сынъ, Андрей, ѣздилъ въ Да вмѣстѣ съ Иваномъ Ѳоминымъ, развѣдывавшимъ о Вальде рѣ, и захватилъ съ собою одну нѣмецкую брошюру о вой Швеціи съ Австріей, которую отецъ принесъ въ Посольс приказъ; ее перевели и прочли государю. Съ Марселисомъ К лерманъ конечно былъ знакомъ хорошо и весьма возмо что кое-что узналъ отъ него. Келлерманъ нашелъ что тепе весьма удобно снова поднять вопросъ о возобновленіи въ М квѣ лютеранской кирки и вмѣстѣ съ ротмистромъ Андрее фонъ-Менгденомъ подалъ челобитную въ которой, извѣщая ч они нашли удобное мѣсто для кирки за Земляным городо между Фроловскими и Покровскими воротами, на пахотно полѣ, они просили отвести имъ этотъ участокъ изъ бо ской или слободской земли, „гдѣ бы имъ впредь прочно б ло избу съ комнатой поставить и съѣзжаться для богомо и евангельскаго чтенія, Бога молить по ихъ вѣрѣ". О п исканіи мѣста они ссылались на царское повелѣніе. Ко вышелъ такой указъ неизвѣстно; въ ранних документахъ сательно кирокъ не упоминается о немъ. 8 іюня, въ день чте въ Посольскомъ приказѣ русскаго перевода грамоты при зенной Марселисомъ, велѣно было мѣсто означенное въ че битной осмотрѣть, измѣрить и узнать кто владѣетъ имъ о всемъ доложить государю. То былъ огородъ Никиты З зина, между Фроловскими и Покровскими воротами, за ломъ, въ 20 саженяхъ отъ городскаго рва (приблизител тамъ гдѣ теперь Красныя Ворота). Возраженій не слы лось. 19 іюня Марселисъ тайно представлялъ госуда

подробности своего посольства, а 20 числа былъ ему докладъ о мѣстѣ для кирки; мѣсто государь велѣлъ отдать.

Отвезти отвѣтъ въ Данію опять возложили на Марселиса. Государь снова позвалъ его къ себѣ (8 іюля) тайно и убѣждалъ его вѣрно послужить ему. Прежде Марселисъ докладывалъ государю что Датскій дворъ разсчитываетъ отправить Вальдемара не чрезъ шведскія владѣнія, а чрезъ Польшу; царь выражалъ что онъ не надѣется и на Польскаго короля и думаетъ не лучше ли королевичу взять путь чрезъ Архангельскъ. На другой день отвѣтная грамота была готова, чрезъ три дни (13 іюля) изъ Земскаго приказа вышла данная, по которой „старымъ служилымъ иноземцамъ разныхъ чиновъ, Посольскаго приказа переводчикамъ, и золотаго и серебрянаго дѣлъ мастерамъ, и старымъ московскимъ торговымъ Нѣмцамъ на томъ мѣстѣ для ихъ богомолія поставить избу съ комнатой и дворъ для своего пріѣзда огородить отъ Землянаго города, ото рва въ двадцати саженяхъ". Участокъ отведенъ былъ по тридцати саженъ вдоль и поперекъ. *

Хотя царская грамота и не была окончательною и въ ней отмѣчено что окончаніе будетъ совершено между боярами и большими королевскими послами когда послѣдніе пріѣдутъ въ Москву и что царь ту докончальную грамоту навсегда искрѣпитъ своимъ крестнымъ цѣлованіемъ; однако Христіанъ, повидимому не подозрѣвая здѣсь скрытой цѣли, теперь отпустилъ (въ концѣ октября 1643 года) Вальдемара съ громадною свитой, послами Олавомъ Пасбиргомъ и Стрено Билленомъ и Марселисомъ, котораго король за его службу произвелъ (16 сентября) въ потомственные дворяне. Собственно при королевичѣ ѣхало 269, при послахъ 60 человѣкъ. ** Изъ нихъ видная роль выпала потомъ на долю королевичева пастора Фильгобера.

---

* Матеріалы собственно о Марселисѣ въ Датскихъ дѣлахъ Архива, св. 13 и 14, о жалобахъ купцовъ въ Англійскихъ дѣлахъ 1638 года, о церквахъ въ дѣлахъ Протестантскихъ 1643 и портфелѣ Миллера, № 199; *Акт. Историч.* III, №№ 92, 225; *Собр. гос. гр. и догов.* III, № 116, IV, № 207. Olearii *Reise-Beschreibung*. Hamburg, 1696.

** Интересенъ составъ ѣхавшихъ Датчанъ, какъ о томъ Марселисъ отписалъ въ Москву изъ Глюкштадта.

„По переводу съ росписи, какову прислалъ Петръ Марселисъ, съ королевичемъ розныхъ чиновъ людей:

„Его княжскіе милости думы дворовый маршалокъ Адамъ Индрикъ

Опасаясь козней со стороны Швеціи, Вальдемаръ ѣха чрезъ Польшу, такъ какъ король Владиславъ IV иска дружбы Даніи. Марселисъ постоянно извѣщалъ царя, пр соединяя къ своимъ извѣщеніямъ различныя просьбы. Ещ изъ Копенгагена писалъ (17 октября) онъ „что Христіа король сына своего королевича Вальдемара Христьяна, граф Шлезвигскаго-Голштинскаго, отпускаетъ, а съ нимъ шле къ государю своихъ великихъ пословъ, а что ему, Петр государева жалованья, о томъ государь укажетъ". Царь п хвалялъ его за службу и назначилъ награду. Предъ самымъ о правленіемъ Вальдемара Марселисъ доносилъ что королевич послалъ впередъ себя въ Ригу свою конюшню, 80 лошаде и 100 человѣкъ, „а я, тутъ же отмѣтилъ онъ, долженъ был вашего царскаго величества честь остерегать и многими н рочными подарками дарить, для чего принужденъ былъ ден ги займовать." Съ пути онъ просилъ за своего брата чтоб ему были прощены всѣ долги въ Россіи, за жену и проче

Пенсъ, его княжскіе милости думы и болшой казначей Петр Марселисъ, его княжскіе милости болшой чашникъ ротмистръ Арма Каасъ, комнатной дворянинъ Ацъ Фризе, ловчей Якубъ Бюдде, а с ними людей к҃ѳ человѣкъ. Да его жь королевичевыхъ дворянъ і҃ ч ловѣкъ, а съ ними людей г҃і человѣкъ; д҃ человѣкъ дохтуръ, д҃ чел вѣкъ попъ, секретарь да писарь, комнатной писарь съ подъячим подъячей денежнаго приходу, в҃ человѣка становщиковъ, Соломон Ремулъ, людей съ ними ѕ҃ человѣкъ. Королевичевыхъ комнатных слугъ в҃ человѣка, шляхтичевъ, жилцовъ и съ людьми всѣхъ і҃ ч ловѣкъ; поваренной подъячей, оптекарь, лѣкарь, наплечной мастер ближней слуга, людей съ ними и҃ человѣкъ; трубачевъ в҃і, а съ ни людей г҃ человѣка; литаврьщикъ, розсыщиковъ к҃ человѣкъ, дроба товъ к҃д человѣка, поваръ, оберегатель серебряныхъ судовъ, чашник у поставца, а съ ними людей г҃і человѣкъ; бронной мастеръ у шпа приспѣшникъ, музикантовъ г҃і человѣкъ, пѣшеходецъ, истопник конюшей, дворовый маршалокъ, конюшей маршалокъ, в человѣк золотого дѣла мастеровъ, огненные потѣхи мастеръ, токарь, а с ними да болшого казначея людей к҃г человѣка; самопальной мастер сѣдельникъ, хлѣбникъ, людей съ ними и҃ человѣкъ; огородникъ, пов ренныхъ слугъ в человѣка, псовой охотникъ; стрѣлокъ псовы охоты малой, конюховъ и возницъ д҃ человѣкъ. Всего с҃ѯѳ человѣк

„Да королевскихъ пословъ в҃ человѣка, а съ ними людей к҃ чел вѣкъ, маршалокъ, а съ нимъ людей ѯ҃ человѣкъ, ѕ человѣкъ дв рянъ, а людей съ ними в҃і человѣкъ, попъ, запищикъ, лѣкарь, пов ренной подъячей, у приходу подъячей. Всего ѯ҃ человѣкъ.

Жена его дѣйствительно представила копенгагенскій вексель ея мужа на 2.500 рублей съ переводомъ долга на государеву казну. Все было выплачено. Шуринъ Марселиса, Вильгельмъ Иванъ Бернзли („Валимъ Ивановъ Бянзли“), ѣздившій вмѣстѣ съ Марселисомъ и теперь посланный имъ въ Москву на пути изъ Кенигсберга, сообщилъ въ Посольскомъ приказѣ пріятныя вѣсти: королевичъ ѣдетъ благополучно, во всю дорогу радостенъ и веселъ и желаетъ поскорѣе видѣть государя и царевича; почти на всѣхъ остановкахъ, послѣ кушанья, пьетъ чаши за ихъ государское здоровье и за здоровье царевны Ирины Михайловны; „учился у него, Вилима, русскому языку и по-русски многую рѣчь перенялъ и помнитъ, и гораздо переимчивъ; а какъ пріѣдетъ къ государю къ Москвѣ и онъ выучится русскому языку вскорѣ, потому что онъ навыченъ и гораздъ многимъ языкамъ и которыя слова по-русски выучилъ и тѣ говоритъ гораздо чисто.“ На балахъ въ Вильнѣ, данныхъ въ честь его королемъ Владиславомъ, Вальдемаръ дѣйствительно показалъ себя предъ польскими придворными знатокомъ французскаго и италіянскаго языковъ.

Отъ Вильны Марселисъ поѣхалъ впередъ прямо въ Москву, Вальдемаръ медленно двигался ко Пскову. Въ Посольскомъ приказѣ Марселиса подробно разспрашивали (въ концѣ декабря) почему онъ долго мѣшкалъ въ Даніи, и онъ сообщилъ прелюбопытныя вещи*. Шведы и Голландцы распускали по Датской землѣ слухи, а иные изъ Москвы писали туда въ письмахъ и печатали въ различныхъ вѣдомостяхъ что государь велѣлъ сломать тѣ хоромы въ которыхъ иноземцы сходились и съѣзжались для богомолья; первые всю вину разрушенія сваливали на бояръ и дѣлали это съ цѣлію устрашить короля и королевича, такъ чтобы Вальдемаръ, услыша подобные слухи, не поѣхалъ въ Москву. Слухи дѣйствительно достигли короля, и онъ спрашивалъ Марселиса: „Для какихъ причинъ тѣ хоромы у иноземцевъ сломали? Прежде у царя Ивана Васильевича (Грознаго) въ докончальной грамотѣ съ его отцомъ, королемъ Фридрихомъ (Вторымъ), было написано чтобы Датчанамъ въ Иванъ-городѣ и вездѣ

* 17 среднихъ листовъ (всѣхъ ok. 50) этого показанія Марселиса Соловьевъ и отнесъ къ фактамъ первой поѣздки Марселиса въ Данію (см. выше, примѣчаніе въ началѣ этой главы.)

кирки держать и Богу служить вольно по своей вѣрѣ Шведамъ и до сихъ порѣ позволено держать свою служ(
въ самомъ городѣ, на ихъ дворѣ, и въ докончальной грам
тѣ между царскимъ величествомъ и Шведскимъ королемъ ч
укрѣплено и утверждено **. Какъ смотрѣть на это когда о
положено при началѣ такого важнаго дѣла?" Марселисъ о
вѣчалъ: „Какъ онъ началъ жить въ Москвѣ, лѣтъ съ трии
цать, сколько ни запомнитъ, всѣмъ иноземцамъ было воль
держать свою вѣру. Нынѣ же тѣхъ хоромъ не стало отто
что нѣкоторые русскіе попы били челомъ великому госуд
рю, будто бы иноземцы Русскихъ людей прельщаютъ въ сво
вѣру, и иныя нѣкоторыя неправыя дѣла умыслили и въ ч
лобитную свою написали; по ихъ челобитью государь и в
лѣлъ сломать тѣ хоромы и вмѣсто того поставить ихъ и
иные за городомъ, гдѣ имъ, иноземцамъ, съѣзжаться для м
ленья. Только царское величество пожалуетъ, велитъ сы
кать въ правду что русскіе попы били ему челомъ ложно,
они, иноземцы, надѣются что тогда государь пожалуетъ, св
ва велитъ имъ для моленья по своей вѣрѣ хоромы въ город
поставить попрежнему."

Едва ли, впрочемъ, такъ именно говорилъ Марселисъ к
ролю Христіану: уже слишкомъ наивно - добродушным
выставлялось здѣсь правительство и рѣчь похожа не стольк

---

* Этого не было. По своему торговому договору (1562 года) с
Фридрихомъ, Грозный обѣщалъ очистить для датскихъ купцовъ то
говые дворы въ Иванъ-городѣ и Новгородѣ, но безъ права имѣть та
имъ свои кирки. Въ грамотѣ говорилось: Фридрихъ обязывается оч
стить для русскихъ купцовъ государевъ дворъ въ Готландѣ и да
другой въ Копенгагенѣ, „а великому государю въ своей вотчинѣ в
Великомъ Новѣгородѣ и Иванѣ-городѣ старые дворы очистити, а т
дворы купцомъ и гостемъ ставить самимъ, а церкви русской и р
патѣ (то-есть лютеранской киркѣ) по обѣ стороны (то-есть ни в
Даніи, ни въ Россіи) не быть." Въ этомъ отношеніи Грозный зн
чительно сократилъ имъ вольности, данныя прежде Василіемъ II
который во всемъ приравнялъ (1517 годъ) ихъ къ Ганзейцамъ, до
воливъ имѣть имъ въ этихъ двухъ (а не „вездѣ") городахъ по кост
лу и священнику. Моск. Гл. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Датскія дѣл
1516—1517, св. I; 1641, св. II.

** Домашняя церковь на Шведскомъ дворѣ несомнѣнно существ
вала; но ни правительственнаго разрѣшенія, ни тѣмъ болѣе догов
ра о ея построеніи въ Московскомъ и Стокгольмскомъ архивахъ нѣт
и нѣтъ никакихъ основаній допускать чтобъ онъ когда-нибудь был

на дипломатическій разговоръ сколько на косвенную правительству просьбу. Чтò бы Марселисъ ни исполнялъ, онъ, какъ мы уже видѣли, никогда не забывалъ себя и своихъ. Очевидно онъ не былъ доволенъ тѣмъ результатомъ какого добились московскіе протестанты послѣ просьбы Келлермана; ему хотѣлось побудить правительство возвратить иноземцамъ все утраченное ими. Понимая свое выгодное положеніе какъ посла, онъ могъ разсчитывать своимъ отчетомъ произвести теперь на правительство, такъ-сказать, дипломатическое давленіе; лучшимъ средствомъ къ тому ему казалось то чтобы свалить всю вину на духовенство, обѣлить своихъ и дать почувствовать правительству какъ важно ему въ данный моментъ поддержать за собою славу о покровительствѣ иновѣрцамъ.

Шведы и Голландцы разглашали еще что Марселисъ взялся не за свое дѣло и ему не довести его до конца: еслибы царю было надобно, онъ тогда послалъ бы своихъ большихъ бояръ; что королевичу въ Москвѣ сначала будетъ честь великая, а когда замѣтятъ что отъ вѣры отстать не захочетъ, почитать его перестанутъ и т. д. Свое полномочіе и себя Марселисъ защищалъ ссылкой на царскій ему наказъ; а о чести королевичу замѣтилъ: „царскаго величества слово крѣпко и неподвижно, а тѣ люди тѣ слова вмѣщаютъ и говорятъ, ненавидя то великое дѣло, оно зачато съ добрымъ разсужденіемъ, изволеніемъ Божіимъ, добромъ и кончится." Датскій резидентъ въ Стокгольмѣ Петръ Вибь извѣщалъ короля, его совѣтниковъ и Марселиса, какъ Шведы враждебно смотрятъ на родственный союзъ короля съ царемъ: они „страшатся что отъ того будутъ многіе умыслы на ихъ Шведское королевство", признаки чего уже видятъ въ томъ что шведскаго агента Петра Крузбіорна въ Москвѣ почитаютъ мало, и они питаютъ надежду что дѣло не устроится и случится то же чтò прежде съ Магнусомъ, котораго выгнали, или съ принцемъ Иваномъ, котораго окормили. Эти клеветы Марселису было опровергнуть легко: что Иванъ померъ своею смертью, онъ свидѣтелемъ выставилъ даже одного изъ близкихъ къ Ивану лицъ, его спутника въ Россію, секретаря Вита.

Кромѣ борьбы со Шведами, которые, прикидываясь радѣтелями датскихъ интересовъ, такъ неискусно старались предотвратить возможный, вслѣдствіе брака Вальдемара, союзъ между Россіей и Даніей, съ которою у нихъ готовилась жестокая война, Марселису понадобилось употребить всю

находчивость и противъ партіи образовавшейся при само Датскомъ дворѣ въ пользу брака Вальдемара съ дочер Чешскаго короля, несчастнаго Фридриха Пфальцкаго. Э утверждали: въ Москвѣ люди дикіе, слова не сдержатъ, кор левича будутъ держать въ холопствѣ; московскіе бояре, разчетахъ породниться съ государемъ, не желаютъ чтобы ца выдавалъ дочерей своихъ за дѣтей чужихъ государей. На э Марселисъ возражалъ: еслибъ у царя земля и люди были д кіе, то онъ такъ долго не жилъ бы тамъ и не искалъ бы жи впередъ; было бы добро еслибъ уставилось такое же, какъ Москвѣ, строенье въ землѣ тѣхъ людей которые говоря подобныя рѣчи; въ холопствѣ держать Вальдемара не ст нутъ, никто не докажетъ чтобы царь не сдержалъ свои обѣщаній; препятствовать государю никто не можетъ: о самодержецъ, все дѣлаетъ по своему изволенію, и знаю про то великое дѣло его ближніе большіе бояре.

Только когда Марселисъ разрушилъ направленные пр тивъ него ковы, королевскіе думные люди, по его словам объявили ему о согласіи Христіана отпустить Вальдемара пословъ, о чемъ онъ тотчасъ тогда и отписалъ государ Между тѣмъ, къ нему не разъ приходилъ Вальдемаръ. Ма селисъ расхваливалъ ему какъ государь будетъ держать е въ присвоеніи и всей чести. Свою готовность ѣхать въ Мо кву королевичъ выразилъ ему скоро, въ надеждѣ ужиться государемъ, и сообщилъ что отецъ передалъ ему подроб объ условіяхъ на которыхъ долженъ состояться бракъ, и сп сокъ съ грамоты привезенной Марселисомъ; онъ надѣет на милость Божію и государя, вѣритъ царскому слову и Ма селису. При этомъ Марселисъ увѣрялъ въ приказѣ: „кор левичъ говорилъ ему, Петру, чтобъ ему быть у него безо ступно, для чего де отецъ его учинилъ его, Петра, думным такъ какъ онъ русскіе обычаи и чины всѣ знаетъ и царск величество ему вѣритъ и онъ же можетъ учинить на о стороны всякое добро.“

На вопросъ бояръ, почему король отпустилъ сына чре Польшу и Литву, Марселисъ отвѣчалъ: Шведы мутили хотѣли помѣшать дѣлу и шведскій резидентъ въ Моск увѣрялъ иноземцевъ: какъ только королевичъ поѣде чрезъ Лифляндскую землю, и тамъ его задержатъ, Польск Литовскій же король Владиславъ писалъ Христіану что онъ отпустилъ своего сына чрезъ его владѣнія, гдѣ ему о жетъ все добро. Затѣмъ Марселисъ передалъ о блестящ

поѣздкѣ чрезъ Польшу и о своихъ бесѣдахъ съ Владиславомъ, который поручилъ ему нѣсколько своихъ просьбъ къ государю.

По русскимъ городамъ встрѣчали Вальдемара съ такою же торжественностью какъ нѣкогда королевича Ивана, и опять безъ офиціальнаго объявленія его женихомъ царевны. „Вѣдомо намъ учинилось, говорилось въ царскомъ наказѣ (13 ноября 1643 года) псковскому воеводѣ князю Черкаскому о встрѣчѣ Вальдемара, что ѣдетъ къ намъ, великому государю, брата нашего великаго государя Христіануса, короля Датскаго, сынъ королевичъ Волдемаръ Христіанусовичъ, графъ Шлезвигскій-Голштингскій, а съ нимъ великіе послы о великомъ нашемъ дѣлѣ, а съ королевичемъ разныхъ чиновъ и посольскихъ, и дворянскихъ, и всякихъ людей съ триста человѣкъ, да тысяча лошадей. И мы указали противъ Датскаго королевича Волдемара Христіанусовича ѣхать на встрѣчу и принять его на рубежѣ боярину нашему князю Юрію Андреевичу Ситцкому и дьяку нашему Никифору Шипулину, а съ ними указали быть на рубежѣ московскимъ дворянамъ 20 человѣкамъ, жильцамъ 30 человѣкамъ, псковскимъ и окрестныхъ городовъ помѣщикамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, лучшимъ людямъ, коннымъ и нарядныхъ 300 человѣкъ и во Псковъ съѣзжаться.“ Псковъ и Новгородъ были первыми русскими городами гдѣ устроены были большія встрѣчи, конечно далеко уступавшія въ торжественности и пышности Москвѣ.

На представленіи (28 января 1644 года) Вальдемара государю послы сочли нужнымъ прямо заявить что Христіанъ послалъ королевича для вступленія въ бракъ съ царевной Ириной Михаиловной, наказавъ ему почитать государя какъ отца, и просить царя укрѣпить договоръ о сватовствѣ крестнымъ цѣлованіемъ и держать королевича какъ сына и зятя. Отъ имени государя думный дьякъ увѣрялъ въ желаніи государя имѣть королевича въ ближайшемъ присвоеніи, но о крестномъ цѣлованіи дьякъ умолчалъ. Въ знакъ вѣрности своихъ словъ послы подвели королевича къ царю, который обнялъ его и посадилъ рядомъ съ собою по правую сторону, а по лѣвую сидѣлъ царевичъ. Послѣ обѣда отецъ и сынъ богато одарили его; выраженіе любезностей продолжалось и въ послѣдующіе дни.

Чрезъ шесть дней послѣ аудіенціи, 3 февраля, датскіе послы держали съ нашими боярами совѣтъ о вѣчномъ докон-

чанія, предлагая утвердить тѣ статьи которыя были ра смотрѣны въ первый пріѣздъ въ Москву Вальдемара и в выя касавшіяся брака, согласно условію съ Марселисом Наши бояре, князь Никита Ивановичъ Одоевскій, кня Юрій Андреевичъ Сицкій, окольничій Василій Иванович Стрѣшневъ, удержались отъ отвѣта. На утро посѣтилъ Вал демара самъ государь и пробылъ у него съ часъ. Видя сихъ поръ полное къ себѣ радушіе и между тѣмъ получи увѣдомленіе что Шведы открыли противъ Даніи свои враж дебныя дѣйствія и вторглись въ его Голштинію, Вальдемар счелъ теперь весьма удобнымъ приступить къ исполнені своей затаенной цѣли. Разказавъ о нападеніи Шведовъ н его владѣнія и выставляя себя радѣтелемъ пользы Росс онъ направилъ было рѣчь на то какъ слѣдуетъ царю беречьс Швеціи. Вчинать ссору со Швеціей изъ-за Даніи Михаил не было ни желанія, ни интереса, и онъ сухо замѣтилъ ем „Правды въ Шведахъ мало и вѣрить имъ нечего, тольк досюда ко мнѣ отъ нихъ задору не бывало, и у меня с Шведскимъ королемъ заключенъ вѣчный миръ.“ Королевич припоминалъ царю различныя неправды Россіи отъ Шведов но отношеніе царя къ его словамъ должно было убѣдить ег какъ напрасна была его надежда поссорить Россію со Шве ціей и тѣмъ связать руки послѣдней.

Вскорѣ онъ испыталъ другую неудачу. По царскому на казу, патріархъ Іосифъ заслалъ (8 февраля) къ нему преж няго въ Швеціи резидента Дмитрія Францбекова, обрати шагося въ православіе, съ предложеніемъ: „Великій святител со всѣмъ освященнымъ соборомъ сильно обрадовался что васъ, великаго государскаго сына, Богъ принесъ къ велико му государю нашему для сочетанія законнымъ бракомъ с царевной Ириною Михайловной: и вамъ бы, государском сыну, съ великимъ государемъ нашимъ, съ царицей и их благородными дѣтьми и съ нами, богомольцами своими, вѣ рой соединиться.“ Не ожидая этихъ рѣчей, королевичъ отка залъ наотрѣзъ, заявивъ что пусть государь или изволит дѣло дѣлать по статьямъ Марселисова договора, или же при кажетъ съ честью отпустить его назадъ. Буде же Марселис тайно обѣщалъ за него царю что онъ перемѣнитъ вѣру, т это безъ его вѣдома, и онъ обманулъ. Францбековъ замѣтил что Марселисъ не былъ уполномоченъ касаться вопроса о вѣрѣ, что уѣзжать королевичу изъ Русской земли назадъ к себѣ не честно, что лучше ему поразмыслить и поговорить

о вѣрѣ изъ книгъ съ духовными людьми. Раздраженный Вальдемаръ отвѣчалъ: „Я самъ грамотенъ лучше всякаго попа, Библію прочелъ пять разъ и всю ее помню; а если царю и патріарху угодно поговорить со мною изъ книгъ, я говорить и слушать готовъ“.

Вопросъ о вѣрѣ и объ отпускѣ королевича послѣ того отодвигаетъ собою вопросъ о бракѣ, возбудивъ длинный рядъ устныхъ и письменныхъ объясненій и пререканій между гостями и хозяевами.

13 февраля королевичъ былъ позванъ въ царскія палаты. Здѣсь между имъ и царемъ Михаиломъ происходила слѣдующая сцена, какъ мастерски передаетъ ее Соловьевъ.

„Послы королевскіе, обратился къ Вальдемару Михаилъ Ѳеодоровичъ, у насъ въ посольствѣ говорили что король велѣлъ тебѣ быть въ моей государской волѣ и послушаньѣ и дѣлать то что̀ мнѣ угодно, чтобы ты принялъ православную вѣру“. Королевичъ отвѣчалъ: „Я радъ быть въ твоей государской волѣ и послушаньѣ, кровь свою пролить за тебя готовъ, но вѣры своей перемѣнить не могу, потому что боюсь преступить клятвы отца моего, а въ нашихъ государствахъ ведется что мужъ держитъ вѣру свою, а жена другую, и если вашему царскому величеству по договору сдѣлать не угодно, то отпустите меня назадъ къ отцу моему“. Царь: „Любя тебя, королевича, для ближняго присвоенія, я воздалъ тебѣ достойную великую честь какой прежде никогда не бывало: такъ тебѣ надобно нашу пріятную любовь знать, что̀ мнѣ угодно исполнять, со мною вѣрой соединиться и за такое превеликое дѣло будетъ надъ тобою милость Божія, моя государская пріятная любовь и ото всѣхъ людей честь. Не соединясь со мною вѣрой, въ присвоеніи быть и законнымъ бракомъ съ моею дочерью сочетаться тебѣ нельзя, потому что у насъ мужъ съ женой въ разной вѣрѣ быть не можетъ; Петръ Марселисъ въ Московскомъ государствѣ живетъ долго и знаетъ подлинно что не только въ нашихъ государскихъ чинахъ, но и въ простыхъ людяхъ того не повелось. Отпустить же тебя назадъ непригоже и не честно; во всѣхъ окрестныхъ государствахъ будетъ стыдно что ты отъ насъ уѣхалъ не соверша добраго дѣла. Ты бы подумалъ и мое прошеніе исполнилъ; да и почему ты не хочешь быть въ православной вѣрѣ греческаго закона? Знаешь ли что Господь нашъ Іисусъ Христосъ всѣмъ православнымъ христіанамъ собою образъ спасенія показалъ и погрузился въ три погруженія?“ Коро-

левичъ: „И у насъ въ лютерской вѣрѣ погруженіе было а перестали погружать тому лѣтъ съ тридцать; я погруже не хулю; только теперь мнѣ креститься въ другой разъ какъ нельзя, потому что боюсь клятвы отъ отца своего; и при царѣ Иванѣ Васильевичѣ было же что его племян ца была за королевичемъ Магнусомъ". Царь: „Царь Ив Васильевичъ сдѣлалъ это не жалуя и не любя своей плем вицы, а я хочу быть съ тобою въ одной вѣрѣ, любя т какъ роднаго сына".

Ближайшимъ слѣдствіемъ бесѣды была грамота присланн государю королевичемъ спустя три дня послѣ этого. Въ в Вальдемаръ прямо и рѣшительно упрекалъ царя въ забве обѣщанія касательно свободы его вѣроисповѣданія и въ силіи его совѣсти. „Въ грамотѣ вашего величества, за ваш печатью присланной, не первая ли статья говоритъ о воль сти и вѣрѣ? Мы никакъ не можетъ вѣрить чтобы ваше царс величество, государь повсюду славный и извѣстный, рѣшил по совѣту злыхъ людей что-нибудь сдѣлать вопреки ваше обѣщанію и договору, что̀ приведетъ не только нашего от но и всѣхъ государей въ великое размышленіе, и вашему ц скому величеству недобрая заочная рѣчь отъ того будет. На это былъ отвѣтъ: „И теперь мы вамъ тоже объявляе что вамъ въ вѣрѣ никакой неволи нѣтъ, а говоримъ и пр симъ чтобы вамъ съ нами быть въ одной христіанской пр вославной вѣрѣ, въ разныхъ же вѣрахъ вашему законно браку съ нашею дочерью быть никакъ нельзя; а въ нашем отвѣтномъ письмѣ, которое послано съ Петромъ Марсел сомъ къ отцу вашему, нигдѣ не написано чтобы вамъ съ н шею дочерью вѣнчаться, оставаясь въ своей вѣрѣ; нигдѣ н написано также чтобы намъ васъ къ соединенію въ вѣрѣ н призывать. Мы, великій государь, хотимъ начатое дѣло д лать такъ какъ угодно Богу и нашему царскому величеств васъ къ тому всякими мѣрами приводить, и молимъ съ пр шеніемъ чтобы вамъ поискать своего душевнаго спасенія тѣлеснаго здравія, съ нами вѣрою соединиться. Мы совѣ злоподвижныхъ людей не слушаемъ; а его королевскому в личеству, другимъ христіанскимъ государямъ и вамъ мим дѣла и правды размышлять непригоже; про наше царское в личество недобрыхъ заочныхъ рѣчей быть не въ чемъ, ссорѣ бы вамъ ничьей не вѣрить".

Напрасно Вальдемаръ въ новомъ письмѣ укорялъ царя в казуистикѣ толкованія своихъ прежнихъ обѣщаній и пр

силъ отпуска въ свою землю, и обращался къ содѣйствію Ѳ. И. Шереметева. Не только не было отпуска, но еще была около его двора усилена стража. Тѣхъ Датчанъ, которые наняли было себѣ квартиры у Нѣмцевъ и Нѣмокъ въ Бѣломъ городѣ и въ другихъ мѣстахъ, велѣно водворить на королевичевъ дворъ; послѣдній указъ впрочемъ не былъ выполненъ, и мѣсяца чрезъ два его понадобилось возобновить опять.

Ничего не зная о настоящемъ положеніи дѣла, Христіанъ прислалъ (21 марта) съ Гольмеромъ длинную грамоту, въ которой убѣждалъ Михаила Ѳеодоровича вооружиться противъ Швеціи. Наше правительство осталось глухо къ этимъ убѣжденіямъ. Послы выражали неудовольствіе почему имъ бояре ничего не отвѣчають на предложенные 3 февраля пункты. Отвѣтъ имъ наконецъ былъ данъ (29 марта устно, 1 апрѣля письменно) какъ на ихъ запросы, такъ вмѣстѣ и на королевичевы письма, выставляя что всему мѣшаетъ упорство Вальдемара, котораго они же, послы, отдали, по приказу Христіана, государю на всю его государскую волю, а его воля и желаніе всѣхъ бояръ и думныхъ людей чтобы королевичъ прежде брака принялъ православную вѣру. „А того, урезонивали бояре, царскаго величества въ вѣрющей грамотѣ и въ отвѣтномъ письмѣ въ статьяхъ, каково съ Петромъ Марселисомъ къ королевскому величеству послано, и въ государскомъ наказѣ, каковъ ему, Петру, данъ, также и королевскаго величества въ отвѣтномъ письмѣ, каково прислано къ великому государю нашему съ Петромъ Марселисомъ, нигдѣ не написано чтобы королевичу Валдемару Христіанусовичу съ его государскою дщерью, съ благородною и христолюбивою царевной и великою княжной Ириной Михайловной бракъ принять будучи въ своей вѣрѣ, съ царскимъ величествомъ вѣрой не соединяся и не принявъ истинной нашей православной христіанской вѣры греческаго закона. И до сихъ поръ королевичу въ вѣрѣ никакой неволи не чинено и впредь въ томъ неволи не будетъ; а просилъ великій государь нашъ и нынѣ проситъ его чтобъ онъ его государскую волю исполнилъ, съ нимъ вѣрой соединился, и былъ съ нимъ въ одной православной вѣрѣ по любви. На томъ бы и вамъ, посламъ, стать и дѣло совершить, какъ вы, послы, бывши у царскаго величества, по приказу государя своего, говорили и своимъ рѣчамъ письмо за своими руками дали и королевича отдали во всемъ на государскую волю и дѣлать угодное

государю; вамъ бы королевича на то навести чтобъ онъ ликаго государя нашего волю исполнилъ, съ нимъ вѣ соединился. Но королевичъ еще вѣры не принялъ, и добро чатое дѣло по сіе время продлилось не отъ великаго г даря, а за его, королевичевымъ, упорствомъ, потому что конному браку въ разныхъ вѣрахъ ни которыми мѣрами б не возможно и въ нашей истинной христіанской вѣрѣ, чт мужу съ женой держать разныя вѣры, никогда не быва впредь не будетъ. А какъ королевичъ Волдемаръ Христіан вичъ царское хотѣніе исполнитъ, вѣру православную прим и то превеликое дѣло будетъ Богу угодно и государю и вс людямъ Россійскаго государства радостно и учнетъ госуд нашъ королевича имѣть въ ближнемъ присвоеньи, какъ с своего любительнаго сына и зятя; также и царскаго величес мы, подданные, и всѣ люди ему, королевичу, учнемъ так честь воздавать, какъ самому государю и его сыну Алек Михайловичу; а съ отцомъ его, съ государемъ вашимъ, у ц утвердится ихъ государская братская дружба и свойствен любовь свыше прежняго на вѣки неподвижно; и тѣ всѣ д о которыхъ съ вами наказано отъ короля, царь нашъ вел дѣлать какъ имъ обоимъ великимъ государямъ будетъ го и честно".

„Съ тѣхъ статей которыя отъ царскаго величества посломъ Петромъ Марселисомъ присланы и въ Копенга поданы 20 марта 1643 году, съ нами списокъ есть, отвѣча (4 апрѣля 1644) послы. Въ нихъ писано явственными слова что королевичу графу Вольдемару держать свою вѣру бе всякой досады, супротивности и помѣшки, и нынѣ ва царскаго величества почтеннымъ господамъ, о томъ мож разумно разсудить: не противно ль то писанію и явственны словамъ чтобъ онъ принялъ вѣру греческую или соедини А его княжескую милость мы его царскому величеству отдали, только по его царскаго величества особенному пр шенію мы его въ верхъ проводили чтобъ ему сидѣть у е царскаго величества. И можно всякому разумному, котор тому дѣлу не спорщикъ, наши слова разсудить что мы го рили на посольствѣ, и имъ иначе разсудить или сказа нельзя что тѣ слова всѣ, которыя мы говорили, говоре по той мѣрѣ: буде крестное цѣлованіе впередъ совершит и тогда его царскому величеству принять его королевска величества любительнаго сына за своего сына и зятя. Нал варивать намъ князя чтобъ онъ свою вѣру перемѣнилъ и

не можемъ и не хотимъ, потому что то дѣло супротивно нашей вѣрѣ, королевскому наказу и нашей совѣсти; и его царскому величеству то хорошо извѣстно, какъ его княжеская милость говорилъ что онъ хочетъ наслѣдовать царство Божіе и умереть честнымъ государемъ какъ есть, и той статьи, чтобъ снова креститься, никогда не захочетъ и греческой вѣры не пріиметъ; и потому зачѣмъ мы сюда пріѣхали нынѣ установить невозможно". Въ заключеніе они просили себѣ и королевичу отпуска; просьбу повторили и въ послѣдующіе (14 и 17 апрѣля) дни, прибавивъ что задерживать пословъ нигдѣ не водится.

Царь однако не терялъ надежды подѣйствовать на королевича силой убѣжденій и побуждалъ къ тому патріарха. 21 апрѣля пришелъ къ королевичу посланный отъ Іосифа и сказалъ: „Государь королевичъ Вольдемаръ Христіанусовичъ! послалъ меня къ тебѣ государевъ отецъ и богомолецъ, святѣйшій Іосифъ, патріархъ Московскій и всея Россіи, велѣлъ о твоемъ здравіи спросить, какъ тебя Христосъ милостію Своею сохраняетъ, и извѣстить тебя: слухъ до него дошелъ что ты, государь королевичъ, у царскаго величества отпрашивался къ себѣ, а любительнаго великаго дѣла, для чего пріѣхалъ, съ царскимъ величествомъ не хочешь совершить. Такъ святѣйшій патріархъ Іосифъ о томъ къ твоему величеству совѣтное, за своею печатію, письмо прислалъ чтобы тебѣ пожаловать вычесть и любительно отвѣтъ учинить". Въ своемъ посланіи патріархъ убѣждалъ королевича принять православіе. „И тебѣ бы, государь королевичъ, присвоитися Святой соборной и апостольской церкви греческаго православія и принять Святое Крещеніе во Святую и Единосущную Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, въ три погруженія, и благочестиваго и великаго государя нашего Михаила Ѳеодоровича послушать и волю его по Бозѣ сотворить, а о томъ сомнѣнья не держать: если и крещенъ, но несовершенно, государь, вашей вѣры крещеніе, требуетъ истиннаго исполненія, такимъ образомъ и будетъ едино крещеніе во Святую соборную и апостольскую церковь, а не второе, потому что у насъ втораго крещенія нѣтъ". Письмо патріарха отличалось сдержанностью и кротостью тона и прямотой. „Изначала знаемъ васъ, писалъ онъ, что вы именуетесь христіанами, но не во всемъ вѣру Христову прямо держите и во многихъ статьяхъ раздѣляетесь отъ насъ". Сначала была одна православная церковь, затѣмъ Римляне отступили отъ ея въ ученіи объ исхож-

денiи Святаго Духа, признавъ исхожденiе Его и отъ Сы вмѣсто кваснаго хлѣба въ Евхаристiи стали употребля опрѣсноки и во многихъ другихъ тайнахъ нарушили; ка нецъ явился „нѣкто учитель въ нѣмецкихъ странахъ Марти Люторъ и Кальвинъ и иные учители", и они отступили да и отъ Римлянъ, еще болѣе извративъ Крещенiе, Евхарист и пр., и отставивъ чинъ и уставъ церковный. И это „недавн ученiе, слабое и легкое, держатъ нѣмецкiя страны". Ка видно изъ посланiя, авторъ его, глубоко убѣжденный въ пр вотѣ своихъ догматическихъ и историческихъ положенiй, в сказывалъ ихъ какъ истины несомнѣнныя и не требующ особенныхъ доказательствъ, почему и внѣшнiй объемъ п сланiя былъ невеликъ. Вальдемаръ не замедлилъ отв томъ, * въ которомъ, оправдываясь что его твердость нель называть упрямствомъ и что въ дѣлахъ вѣры надобно бол слушаться Бога нежели людей, старался доказать вѣрнос своего ученiя и точнѣе опредѣлить его сущность. „Намъ Кальвина дѣла нѣтъ, потому что онъ училъ что во Свято Причастiи истиннаго тѣла и истинной крови Господни нѣт а до Михайла Сервета и много меньше намъ дѣла, пото

* О времени патрiаршаго посланiя, его объемѣ и отношенiи къ не Вальдемара у насъ говоритъ Соколовъ (стр. 102). По его слова „патрiархъ 29 апрѣля отправилъ королевичу свитокъ или послан съ убѣжденiемъ креститься въ православную вѣру и съ изъявленiе вкратцѣ ея отличительныхъ догматовъ и обрядовъ. Королеви осмотрѣлъ свитокъ, вымѣрилъ его длину, подивился, поострилъ на 48 саженями его длины... и велѣлъ своему пастору Фильгоберу н писать отвѣтъ". Авторъ, конечно, имѣетъ въ виду слѣдующее мѣс изъ разказа спутника Вальдемарова (*Поѣздка въ Россiю Вальдемар Христiана Гильденлеве*, перев. съ нѣмецкаго въ *Чт. Им. О. И. Д. Россiйскихъ*, 1867, IV, 18): „*23 мая* опять пришелъ канцле Львовъ поговорить отъ царскаго имени съ графомъ и тотчасъ приходѣ вручилъ ему отъ имени его царскаго величества *друг* письмо патрiарха, чуть не въ 48 саженъ." Здѣсь Соколовъ отнесъ к первому посланiю то что прямо относится ко второму, присланно 23 мая, которое въ сравненiи съ первымъ отличается значительно полнотой: въ Синодальной рукописи № 279 первое посланiе занимает 3—12 листы, второе 86—179 л.; 86 листовъ подлинника втораго п сланiя (первыхъ листовъ нѣтъ), въ формѣ длинныхъ столбцо хранится въ Моск. Гл. Архивѣ М. Ин. Дѣлъ, Датскiя дѣла, св. 1 Къ тому же, слова спутника Вальдемарова нельзя относить к словамъ и дѣйствiямъ самого Вальдемара, какъ то дѣлаетъ Соколов

что онъ училъ что Христосъ Господь не истинный Богъ, и по правдѣ того Сервета въ градѣ Веневѣ въ 1553 году сожгли публично. А что о Люторѣ, и тотъ для великихъ причинъ началъ римскаго папу божественнымъ словомъ уличать, потому что онъ былъ мужъ по Святой Библіи и въ книгахъ греческихъ писателей гораздо извыченъ, и узналъ что папа со своимъ стриженымъ соборомъ училъ противно Божію слову и древнихъ вселенскихъ соборовъ. И хотя сей Богомъ спасенный мужъ прямо сдѣлалъ что онъ тому безбожному папѣ встрѣчу говорилъ, только мы не вновь крещены, и не хотимъ того чтобы насъ кто люторскими называлъ, потому что во Христа мы крещены, Христово мы ученіе имѣемъ и христіанами мы слыть хотимъ. Въ Крещеніи о погруженіи въ воду, такъ какъ ваши всѣмъ тѣломъ влагаютъ, о томъ намъ подлиннаго повелѣнія не имѣемъ". Около мысли о Крещеніи и вращается большая половина доказательствъ, съ цѣлію обосновать что Крещеніе слѣдуетъ производить чрезъ обливаніе, или окропленіе, а не чрезъ троекратное погруженіе. На каждой страницѣ видно желаніе автора блеснуть своею ученостью, цитатами, діалектикой; подъ конецъ Вальдемаръ иронически проситъ патріарха взять на себя грѣхъ Ирины Михайловны что она вступитъ въ бракъ съ иновѣрцемъ.

Отославъ свой наскоро составленный и довольно легкомысленный отвѣтъ, которому однако придавалъ весьма важное значеніе, Вальдемаръ полагалъ что болѣе о религіи съ нимъ говорить не рѣшатся. Но его отвѣтъ не произвелъ желаемаго дѣйствія. Патріархъ изготовлялъ подробное опроверженіе его; царь не терялъ прежней надежды; бояре крѣпко слѣдили за Вальдемаромъ и его свитой. Государю было подано (2 мая) кн. А. М. Львовымъ секретное письмо какого-то Нѣмца: „Пріѣхалъ королевичъ къ тебѣ на обманъ, ему хочется обмануть тебя и не креститься; онъ самъ говорилъ: „„какъ возьму за себя царскую дочь, тогда и въ мою „станетъ вѣровать вѣру, неволей, крѣпко заберу ее въ свои „руки и стану чаще ѣздить гулять, тѣшиться; хочется так„же мнѣ и то сдѣлать чтобы изъ Московскаго государства „уѣхать тайкомъ, мнѣ не креститься, пріѣхалъ сюда по моло„дому своему разуму, на Москвѣ мнѣ не жить, какъ они меня „ни утѣшай"". Въ тотъ же день стрѣльцы, бывшіе на караулѣ у Фроловскихъ Воротъ въ Кремлѣ, жаловались на кощунство двоихъ Нѣмцевъ изъ Вальдемаровой свиты надъ образомъ

стоявшимъ надъ воротами. Вальдемаръ и послы возобнов свои просьбы—или вершить дѣло, или съ честью отпуст ихъ; Вальдемаръ прибавлялъ: если не уважатъ его прось онъ поѣдетъ на своихъ; послы указывали срокъ отпуск услыхали (8 мая) въ отвѣтъ что указывать имъ сроки пригоже, дойдетъ время, можетъ государь отпустить пос и однихъ, безъ Вальдемара, который отданъ государю полную волю, и если какой учинится имъ вредъ, пѣня на себя. Притворившись что они поняли это въ томъ смы будто государь хочетъ отпустить ихъ, послы просили от ска себѣ поскорѣе.

У злополучнаго жениха мелькнула мысль что пожалу въ самомъ дѣлѣ отправятъ пословъ безъ него, и онъ рѣш ся привести въ исполненіе свое намѣреніе о тайномъ б ствѣ. 9 мая, въ третьемъ часу ночи, королевичъ въ соп вожденіи человѣкъ 15, не сказавшись посламъ и остал свитѣ, вышелъ изъ своего дворца и направился къ Тв скимъ воротамъ. Повстрѣчавшись съ карауломъ и получ отказъ о пропускѣ, Датчане вступили со стрѣльцами въ копашную и многихъ переранили шпагами. Раздѣлавш благополучно здѣсь, они, въ увеличившемся числѣ человѣ до 30, пѣшіе и конные, добрались до Тверскихъ воро Тутъ ждала ихъ полная неудача. Караулъ былъ больше, крикъ его собралось такое множество стрѣльцовъ что въ ввязавшейся дракѣ Датчане оказались побѣжденными, са королевичъ былъ сильно побитъ, и они вынуждены были жать, оставивъ въ плѣну одного изъ товарищей. Плѣнна повели стрѣльцы въ Кремль, но лишь поравнялись съ со ромъ Николы Голстунскаго, Датчане подоспѣвшіе изъ ролевичева дворца напали на нихъ снова, шпагами зако ли одного изъ нихъ, шестерыхъ ранили и въ концѣ конц отняли у нихъ добычу.

На утро было наряжено слѣдствіе. Князь Сицкій и д ный дьякъ Львовъ просили королевича чтобы разыскалъ изъ его людей произвелъ такое буйство и убійцу казнить смертію, такъ чтобъ и другимъ, смотря на то, было не вадно царскихъ людей напрасно побивать; царскіе же лю буде королевичевы люди и впередъ будутъ такъ дѣлать, т пѣть больше не станутъ. Оправдываясь что все это сдѣ лось безъ его вѣдома, королевичъ обѣщалъ разыскать и казать. Между тѣмъ, чрезъ Марселиса и служившаго преж

въ Даніи перекрещенца князя Шлякова-Четскаго, въ Приказѣ скоро было все разознано кто и съ какою цѣлію произвелъ безпорядокъ. По доношенію Шлякова, королевичъ хотѣлъ уѣхать верхомъ и всего втроемъ, съ конюхомъ, который захватилъ съ собою дорогихъ вещей цѣной на три бочки золота, и фурьеромъ, отецъ котораго прежде жилъ во Псковѣ торговымъ человѣкомъ, и „послы о томъ сильно кручинятся что королевичъ хотѣлъ такъ учинить, ради бы они и безъ него съ Москвы поѣхать". Тогда королевичъ болѣе не запирался и объявилъ князю Сицкому что хотѣлъ ѣхать за Тверскіе ворота и убилъ стрѣльца самъ. Оскорбленный такимъ поведеніемъ Вальдемара, Михаилъ Ѳеодоровичъ чрезъ думнаго дьяка Григорія Львова послалъ ему строгій выговоръ: ему слѣдовало ждать отвѣта патріарха который теперь готовитъ его, людей своихъ учинившихъ буйство строго наказать, а убійцу казнить смертію, и если онъ, укрывая своихъ, все беретъ на себя, то „и простому человѣку дѣлать такъ не годится и слышать про то стыдно". Для „отвѣта" позвали (19 мая) на государевъ дворъ и пословъ, предъ бояръ: князя Н. И. Одоевскаго, князя Сицкаго съ товарищами. Изложивъ исторію всего пребыванія пословъ въ Москвѣ и послѣдняго событія, бояре говорили: „такого дурна царское величество отъ королевича не ожидалъ; принявъ его по письму своего брата короля Христіана, почиталъ его какъ своего государскаго сына, во всемъ далъ ему повольность по его хотѣнію и нынѣ держитъ его въ такой великой чести какой прежде ни одному королевскому сыну не бывало. Видя такую государя нашего съ отцомъ своимъ королемъ Христіаномъ дружбу и любовь, а къ себѣ пріятельство и ласку, королевичу Волдемару Христіанусовичу дѣлать бы все по приказу отца своего и волѣ государя; онъ же, какъ бы не хотя дружбы и любви между государемъ и королемъ, учинилъ такое дурное дѣло на какое не рѣшился бы и простой человѣкъ. А разъ сдѣлалъ плохое дѣло, ему бы сказать государю прямо и принести о томъ повинную; между тѣмъ онъ сначала запирался, потомъ сказалъ что все учинено съ его вѣдома и стрѣльца заколол самъ, и повинной не принесъ. Мало того: въ своихъ бесѣдахъ онъ произноситъ многія ссорныя слова. За государскую ласку и любовь такъ дѣлать ему, государскому сыну, не годится. Когда по царскому указу съ Петромъ Марселисомъ вамъ, посламъ, передали объ его худомъ дѣлѣ, вы сказали

что королевичъ поступилъ не хорошо и у васъ мысли о тайномъ отъѣздѣ съ Москвы не было; и наказывали передать какъ бы съ угрозами, царскому величеству: если васъ не отпустятъ, то васъ на Москвѣ вѣкъ будутъ помнить, и что̀ надъ вами учинится, король крови вашей не покинетъ и отомститъ; все это вы дѣлали не къ чести вашего короля и въ намѣреніи поссорить его съ нашимъ государемъ. Слыша о всемъ этомъ, царь сомнѣвается что королевичъ и вы, пріѣхавъ къ своему королю, станете дѣлать добро и не будете сѣять ссоры. Вамъ посламъ, была всякая честь, довольство въ кормахъ и полная воля, ничего плохаго не оказано; безъ отпуска отъѣзжать посламъ нигдѣ не водится, продленье по винѣ королевича что онъ царскаго прошенья не исполнилъ. Съ отцомъ его государь нашъ желаетъ быть въ дружбѣ, любви и ссылкѣ по прежнему, и для того посылаетъ къ нему своихъ пословъ, а вамъ велѣлъ объявить чтобы королевичу Волдемару и вамъ съ нами, боярами и думными людьми, укрѣпиться письмомъ, за своими руками, печатями и крестнымъ цѣлованіемъ, на томъ что то дѣло съ обѣихъ сторонъ положить на судъ Божій, между государями быть на вѣки неподвижно во всемъ такъ, какъ было прежде, и нынѣшнее дѣло оставить и впредь не всчинать, обоимъ государствамъ плохаго между собою не мыслить и не дѣлать. Какъ только королевичъ и вы съ нами о томъ укрѣпитесь, государь тотчасъ же отпуститъ васъ, не задержавъ. И отъ чего не укрѣпиться вамъ? Вы сами, бывши на первомъ отвѣтѣ, предлагали намъ статьи о вѣчномъ докончаньѣ. И буде отъ вашего государя наказано вамъ дѣлать вѣчное докончанье, какъ оно было между царемъ Иваномъ Васильевичемъ и Фридрихомъ королемъ, и государь нашъ то вѣчное докончанье дѣлати велѣлъ.“

Уступчивѣе, миролюбивѣе этого при настоящихъ обстоятельствахъ трудно было бы и ожидать чего-нибудь отъ Московскаго правительства. Еслибы послы хоть сколько-нибудь понали это и дѣйствительно желали, безъ дальнѣйшаго оскорбленія чести обоихъ государствъ, вскорѣ выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое были поставлены и Датчане, и наши, то они могли бы по крайней мѣрѣ сослаться съ королемъ относительно возможности улаженія на условіяхъ прежняго договора. Убѣжденные въ томъ что имъ ни въ какомъ случаѣ притѣсненія и безчестья со стороны правительства не будетъ и выдерживая все тотъ же высокомѣрный и

требовательный тонъ, они отрицались отъ приписываемыхъ имъ словъ Марселису и отказывались ото всякихъ уступокъ. „Что прежде они подали письмо о братствѣ и дружбѣ, говорили они, то они опять объявляютъ что мимо главнаго дѣла, законнаго брака, имъ устроять не наказано, и какъ то дѣло встало, то имъ помимо государя своего наказу дѣлать ничего не смѣть, хотя бы десять лѣтъ здѣсь жить. Они не могутъ даже закрѣпить чтобы нынѣшняго дѣла обоюдно оставить, впредь не вчинать и не мыслить и не дѣлать ничего дурнаго; они просятъ только поскорѣе себѣ отпуска и означить имъ путь, по которому пойдутъ, чтобъ имъ послать напередъ себя гонца и свои вещи.“ Обо всемъ было тотчасъ же доложено государю, онъ велѣлъ сказать посламъ что рѣчи ихъ бояре ему доносили и отвѣтъ на нихъ имъ будетъ инымъ временемъ, а пока отпускаетъ ихъ на подворье. Требуемаго отвѣта посламъ пришлось ждать очень долго — слишкомъ годъ.

Тѣмъ временемъ было изготовлено патріархомъ опроверженіе на возраженіе королевича; можно предполагать что опроверженіе было составлено при содѣйствіи ключаря Успенскаго собора Ивана Насѣдки и случившихся тогда въ Москвѣ греческихъ архимандритовъ Анѳима и Парѳенія. У думнаго дьяка Григорія Львова, который принесъ (23 мая) королевичу опроверженіе, * Вальдемаръ сначала не бралъ его, но когда дьякъ отказывался взять его назадъ и упомянулъ о великой чести оказанной у насъ графу, то онъ принялъ его. Такъ какъ возраженіе Вальдемара распадалось на 21 отдѣлъ или главу, то въ посланіи патріарха давались опроверженія каждаго изъ существенныхъ положеній Вальдемара. Патріархъ опять находилъ необходимымъ для королевича предъ бракомъ креститься въ православную вѣру Приводимое Вальдемаромъ изреченіе Ап. Павла: *святится мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ*, патріархъ изъяснялъ въ томъ смыслѣ что оно относится къ живущимъ въ супружествѣ и

---

* Авторъ *Отношеній протестантизма къ Россіи* (102) опять перепутываетъ факты, разказывая будто это посланіе было прислано ранѣе попытки Вальдемара къ бѣгству: попытка была 9 мая, а посланіе доставлено 23 мая, и Михаилъ Ѳеодоровичъ, по поводу бѣгства, прямо укорялъ Вальдемара зачѣмъ онъ дожидался патріаршаго отвѣта.

дозволяетъ лишь не расторгать супружескаго союза, а не вступать въ бракъ разновѣрнымъ. „А что вы пишете намъ, смиренному патріарху, что у васъ христіанская вѣра вся полна, и какъ вамъ та предана отъ святыхъ пророкъ и апостолъ написано въ вашихъ вѣрныхъ статьяхъ; и въ томъ къ вамъ нашъ отвѣтъ: не совершенна ваша вѣра, но превратна въ Крещеніи, приношеніи Святаго Причастія, постахъ, служеніи церковномъ, поставленіи епископовъ, поповъ и прочее. Истинно исповѣдуете, когда пишете намъ объ утвержденіи Апостольскаго символа на седми соборахъ и что Духъ Святый исходитъ отъ единаго Отца, а не отъ Сына. Когда же хвалитесь что взяли вѣру и ученіе лучше насъ, отъ Сіона и Іерусалима, то затѣмъ сами же себя изобличаете сознаваясь что вамъ досталась несовершенная вѣра и что держались ея пока не взялись вы за Святую Библію при королѣ Карлѣ V и изъ нея опять не научились старинной пророческой и апостольской вѣрѣ: вы слѣдовательно приняли вѣру не отъ Св. апостоловъ и не отъ Іерусалима, а отъ Рима, и пребывали въ ней до Лютера, который самъ себя назвалъ вашимъ учителемъ и сталъ у васъ законоположникомъ, возносясь надо всѣмъ Божественнымъ Писаніемъ и Десятословіе толкуя по своему разуму, не по Божественному Писанію, и всѣ учите его законъ больше словъ Христовыхъ“. Раскрывъ высоту православія въ сравненіи съ протестантствомъ, патріархъ заключаетъ: „весьма удивляюсь, государь, тебѣ, не знаю какая боязнь возмущаетъ умъ твой что и по сіе время не хочешь быть сообщникомъ въ царствіи Христовомъ благочестивому царю Константину и князю Владиміру, который, когда восхотѣлъ взять въ жену сестру греческихъ царей, скоро крестился. Послушай, государь, нашего смиренія, о Христѣ молю тебя и все говорю къ твоей пользѣ: пріими Святое Крещеніе въ три погруженія, и такъ просвѣтися душою и тѣломъ, и самъ уразумѣеши истину и будеши сынъ свѣта“.

Продолжать полемику королевичъ поручилъ своему пастору Фильгоберу, которому немаловажную помощь оказалъ одинъ изъ московскихъ пасторовъ, приславъ на королевичевъ дворъ большой сундукъ съ книгами. Съ нашей стороны полемику повели благовѣщенскій протопопъ Никита, протопопъ церкви во имя Черниговскихъ мучениковъ Михаилъ, ключарь Успенскаго собора Иванъ Насѣдка, строитель костромской Геннадіевой пустыни Исаакій, греческіе архимандриты

Анеимъ и Пареенiй, князь Дмитрiй Албертосъ Далматскiй и другiе. Въ ихъ спорахъ были подробнѣе развиты мысли высказанныя въ перепискѣ между Вальдемаромъ и патрiархомъ. Соглашенiя опять не послѣдовало. Отецъ Вальдемара Христiанъ обратился къ Польскому королю, этотъ къ Молдавскому воеводѣ Василiю, который въ свою очередь къ Константинопольскому патрiарху Пареенiю съ просьбой разсудить, признавать ли лютеранское и кальвинское крещенiе или нѣтъ. На соборѣ созванномъ патрiархомъ рѣшили что лютеранъ надобно перекрещивать. Кiевскiй митрополитъ Петръ Могила, по ходатайству Польскаго короля, просилъ патрiарха послать къ Московскому государю славившагося тогда въ Грецiи своею ученостiю Мелетiя Сирига съ мнѣнiемъ объ излишности крестить второй разъ Вальдемара. Ходатайство не было уважено. Объ этомъ царь получилъ (25 марта 1645 года) три письма, одно изъ нихъ отъ Мелетiя, который приписалъ что соборъ еще не конченъ: думаютъ собрать архiереевъ бóльшее число. Извѣстiе это еще сильнѣе поддерживало энергiю московскихъ ревнителей.

Вмѣшался въ дѣло польскiй посолъ Стемпковскiй. За обѣдомъ у графа онъ сказалъ ему: „Я не уѣду отсюда пока не добьюсь для графа чего-нибудь хорошаго, чтобы либо сыграли свадьбу, либо отпустили его вмѣстѣ со мною или вскорѣ послѣ меня“. Графъ принялъ это съ благодарностью. Посолъ игралъ нѣсколько двуличную роль: предъ Русскими онъ выставлялъ себя ихъ доброжелателемъ, въ сношенiяхъ съ королевичемъ онъ сообщалъ ему всѣ тайны какiя ему удавалось узнавать при Дворѣ; самъ принадлежа къ католической вѣрѣ, онъ прислалъ въ Посольскiй приказъ трактатъ въ пользу лютеранскихъ положенiй о крещенiи. Разчитывая на услуги посла, Вальдемаръ написалъ ему (13 мая 1645 года) длинное и необычайно рѣзкое письмо по адресу московскихъ ревнителей и самого государя, наказавъ послу перевести письмо возможно точнѣе, и какъ только придетъ къ нему думный дьякъ, прочитать ему, все высказать и не скупиться на усердiе. „Графъ, говорилось въ письмѣ, никакъ не намѣренъ уступать Русскимъ больше чѣмъ объявилъ имъ за годъ до того: посты съ ними держать, дѣтей крестить посредствомъ погруженiя, иногда даже носить русское платье въ честь царскаго величества, а иногда, если ему захочется, и свое, и дѣлать все прiятное царю безъ оскорбленiя совѣсти

и нарушенія вѣры и договора. Больше же онъ не уступитъ ни въ чемъ и не посмотритъ на царскія угрозы. Захочетъ царь сослать его въ Сибирь—воля его; захочетъ убить его—пусть дѣлаетъ и это: онъ положилъ лучше умереть съ чистою совѣстью чѣмъ жить въ почетѣ съ преступною" и т. д. Ни о ссылкѣ, ни о казни королевича, конечно, никогда у нашего правительства не было и мысли, и Михаилъ Ѳеодоровичъ разгадалъ весь напускной тонъ письма. Чрезъ своего врача служившаго тайнымъ посредникомъ между посломъ и королевичемъ посолъ сообщилъ Вальдемару что государь самымъ настоятельнымъ образомъ проситъ его еще разъ побесѣдовать серіозно о вѣрѣ. Королевичъ отнѣкивался, настаивая на отпускѣ, и 25 іюня чрезъ Марселиса извѣстилъ правительство что онъ крайне боленъ: что̀ ни съѣстъ, все назадъ; если не подать скорой помощи, можетъ и помереть. Домашній образъ жизни его былъ хорошо извѣстенъ у насъ не только при Дворѣ, но и въ народѣ. Авторъ *Повѣсти о внезапной кончинѣ Михаила Ѳеодоровича* утверждаетъ (л. 12) что королевичъ со своими людьми, живя на отведенномъ дворѣ, „бѣсновался" по своему обычаю чуть не каждый день, играла тамъ постоянно музыка, а объ „иномъ срамъ и писати", но царь съ царицей не возбраняли ему, надѣясь ублажить его и принять потомъ какъ сына. Потому не особенно-то повѣрили у насъ извѣстію Марселиса и навели справки. 25 числа, по словамъ постельнаго сторожа Мины, королевичъ кушалъ въ саду вмѣстѣ со своими ближними людьми и всѣ пили, ѣли и веселились попрежнему; послѣ ужина королевичъ долго гулялъ тамъ, а маршалокъ, позвавъ къ себѣ другихъ дворянъ, угощалъ ихъ виномъ, романеей и другими питьями до втораго часу ночи, всѣ были пьяны, играли въ цымбалы, докторъ на королевичевъ дворъ не приходилъ. Когда хитрость не удалась, Вальдемаръ согласился присутствовать при диспутѣ его пастора съ протопопами Михаиломъ и Иваномъ Насѣдкой и строителемъ Исаакіемъ. Не признавая лютеранскаго крещенія, наши старались доказать пастору что лютеранская вѣра много хуже католической. „Хотя Римляне и еретики и прокляты отъ Святыхъ Отецъ, но и у нихъ лучше вашего: у нихъ есть поставленіе отъ папы кардиналовъ, архіепископовъ, епископовъ, а у васъ, люторы, и того худаго ничего нѣтъ, не именуется: какъ же вамъ другихъ людей святить и крестить когда вы сами не

отъ кого не освящены? Прежніе браки, на которые вы ссылаетесь, не примѣръ. Великій князь Иванъ Васильевичъ выдалъ свою дочь за Польскаго короля ради мира, и она во всю свою жизнь оставалась въ греческой вѣрѣ; Грозный царь выдалъ племянницу за Магнуса вслѣдствіе опалы что отецъ ея ни въ чемъ ему добра не хотѣлъ; а что Борисъ призвалъ въ Москву Голштинскаго князя не говоря ему о вѣрѣ и крещеніи, то онъ же послалъ для договору о томъ во всѣ города за всѣми властями, митрополитами, архіепископами и епископами, но они не успѣли еще съѣхаться къ Москвѣ, какъ Яганъ преставился“.

Это засѣданіе было послѣднимъ. Оно было 4 іюля 1645 года, а чрезъ нѣсколько дней не стало (12 іюля) въ живыхъ царя Михаила Өеодоровича. Мягкая душа Михаила не могла вынести тѣхъ безпокойствъ и мученій которыя выпали ему на долю во время пребыванія въ Москвѣ Вальдемара. Сынъ его Алексѣй, занявъ престолъ, тотчасъ велѣлъ извѣстить королевича чтобъ онъ былъ спокоенъ за свою безопасность и сдѣлалъ еще попытку склонить его на бракъ при условіи перекрещиванья. Получивъ отрицательный отвѣтъ, новый царь, посовѣтовавшись съ высшимъ духовенствомъ и боярами, рѣшилъ отпустить гостя домой. Когда онъ сообщилъ объ этомъ своей матери, та, и безъ того больная отъ горя, теперь окончательно слегла въ постель, и чрезъ пять недѣль отошла (18 августа) въ вѣчность за своимъ супругомъ.

Наканунѣ ея смерти была (17 августа) прощальная аудіенція Вальдемару, гдѣ было объявлено ему что государь, положивъ дѣло о бракѣ на судъ Божій, отпускаетъ теперь его съ честью и въ надеждѣ что дружба между Христіаномъ и Московскимъ государемъ продолжится какъ была она прежде. Съ королевичемъ представлялось семнадцать человѣкъ. Всѣ они были милостиво одарены, даже „дворовой проповѣдникъ“ Фильгоберъ получилъ 80 рублей. Кромѣ 20 сороковъ дорогихъ соболей поднесенныхъ на аудіенціи, Вальдемаръ незадолго предъ тѣмъ получилъ въ даръ 3.615 рублей и 7.000 на содержаніе и дорожные расходы его свиты; дозволено было взять съ собою и всѣ прежніе подарки. Въ 2 часа пополудни 20 августа по Москвѣ, въ направленіи къ Тверскимъ воротамъ, медленно двинулся громадный обозъ иноземцевъ, подводъ въ четыреста, въ сопровожденіи бояръ и тысячи полторы стрѣльцовъ.

„Точно по смерть самодержца и самодержицы онъ, окаян ный королевичъ, приходилъ къ намъ, разсуждаетъ автор *Повѣсти о внезапной кончинѣ Михаила Θеодоровича*. И он живъ и здравъ остался и никакой тщеты не сотворилос ему, только намъ, православнымъ христіанамъ, не благо яви лось. Приходилъ не съ войной и не для взятія города, н землю истощилъ не менѣе иной рати; могъ бы царь и вс люди поднять много войска и стоять противъ сулоста товъ, что онъ, окаянный, живши истощилъ и изгубилъ в своихъ обиходахъ. Принимая отъ царя, царицы и отъ про чихъ людей подарки и честь, во благочестіи не сталъ, цар ской воли не сотворилъ, нашимъ Крещеніемъ не крестился онъ, злодѣй, невѣрія своего ради, умомъ своимъ отемнѣлъ И такъ пошелъ въ свое отечество съ великимъ богатствомъ набравшись здѣсь царской милости, взявъ съ собою множе ство серебра, золота и всякихъ драгоцѣнныхъ вещей. Вѣ рою и нечестивъ онъ, но счастіемъ одаренъ былъ. Если кто скажетъ: не онъ виноватъ, но мы, потому что мы сами звали его, такому нашъ отвѣтъ: всякій разумный мужъ не хочетъ себѣ худа, но добра; такъ и блаженныя памяти царь и царица не худа себѣ хотѣли, но добра что повелѣли при звать къ себѣ такого нечестиваго врага. Они хотѣли сотво рить сугубое добро: вопервыхъ, невѣрнаго отъ тьмы приве сти на свѣтъ и освятить Святымъ Крещеніемъ, вовторыхъ сочетать законнымъ бракомъ со своею царскою дщерью и сопричесть ко своему царскому достоинству. Но если ко рень золъ и горекъ, то и отрасль горька, и не можетъ своей горести превратить въ сладость и останется въ своемъ есте ствѣ: такъ и сей окаянный не возмогъ въ свѣтѣ быть, но въ своей темнотѣ восхотѣлъ остаться, еще же сказать, но все за грѣхи наши благое случается и не исполняется наше хотѣніе“.

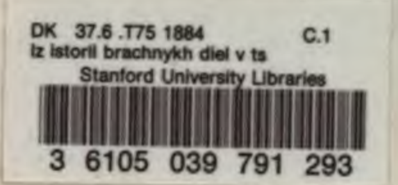
Впрочемъ, въ томъ что королевичъ не крестился и не же нился на царевнѣ, авторъ находилъ и утѣшительное. „Еслибы нечестивый Валдемаръ ото всего своего сердца захотѣлъ креститься по нашему русскому обычаю и сочетаться съ царскою дочерью законнымъ бракомъ, то мы бы всѣ радова лись и были бы благодарны царской радости, царь и царица жили бъ безъ печали и все бы было мирно и безъ кручины Но тьма не терпитъ свѣта и бѣжитъ отъ него. Нельзя быть травѣ въ чистой пшеницѣ, заглушитъ ее, или мутной водѣ

войти въ чистую, возмутить ее; такъ нельзя нечестію войти въ благочестіе, велика будетъ бѣда и крамола всѣмъ православнымъ христіанамъ. Не безъ причины всевидящій Богъ не допустилъ Вальдемара до Крещенія. Отъ него, когда бы онъ крестился и женился законнымъ бракомъ съ царскою дочерью, велика была бы бѣда и крамола всему православному христіанству и всему великому государству смута и раздоръ. Лишь бы отошелъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, какъ этотъ, желая больше добра себѣ нежели Алексѣю Михайловичу и Россіи, захотѣлъ бы захватить съ своими погаными Нѣмцами больше власти, и произвелъ бы великую у насъ смуту. По крещеніи сей невѣрный врагъ Божій и человѣческій не отсталъ бы отъ своего яда и держалъ бы его внутри себя тайно, до времени пока можно было бъ ему обратиться къ своему невѣрію. Потому надобно благодарить всемилостиваго Бога что этотъ невѣрный, не войдя въ благочестіе, не владѣетъ теперь нами, а владѣетъ Алексѣй Михайловичъ, который любъ намъ, какъ царская отрасль и царь православный.“

Такія откровенно печальныя и критическія повѣсти, какъ данная, были у насъ тогда не въ обычаѣ. Это понималъ самъ авторъ. Чтобъ оправдать себя почему онъ взялся разказать исторію приведшую къ гибели двухъ самодержавныхъ лицъ, онъ ссылается на Библію, Степенную книгу и на Повѣсть о смутномъ времени, гдѣ много разказывается печальнаго; главное же, онъ тѣмъ хотѣлъ на дѣлѣ показать какъ опасно намъ дружиться съ иноземцами, тѣмъ болѣе вступать съ ними въ бракъ. „Нѣтъ и не должно быть общенія вѣрному съ невѣрнымъ“, вотъ къ какому выводу пришелъ благочестивый Москвитянинъ, а съ нимъ, конечно, и громадное большинство его современниковъ. Вопросъ о бракахъ съ протестантами замолкъ почти на три четверти столѣтія. Дѣло Вальдемара произвело слишкомъ тяжелое впечатлѣніе чтобы можно было поднимать вопросъ снова; широкая полемическая литература, возникшая во время длинныхъ споровъ, долго служила источникомъ нашихъ знаній о протестантствѣ.

Но всему свое. Когда протестантизмъ мало-по-малу утрачивалъ свою завлекающую живучесть и для борьбы съ нимъ и католицизмомъ выростало на Востокѣ другое, кромѣ религіи, орудіе,—образованіе: Московскій соборъ 1667 года, въ присутствіи восточныхъ іерарховъ, отмѣнилъ прежнюю временную

мѣру, постановленіе Московскаго собора 1620 года о перекрещиваньи иновѣрцевъ обращающихся въ православіе, крестникъ Ирины Михайловны, великій Петръ, разсѣкъ гордіевъ узелъ связывавшій вопросъ о бракахъ православныхъ съ иновѣрцами. Допустивъ бракъ для лицъ царскаго рода и для подданныхъ съ лицами католическаго и протестантскаго міра, самъ онъ однако, какъ царь, то-есть какъ, вмѣстѣ съ своею супругой, живое, по мнѣнію народному, олицетвореніе и высшій носитель священныхъ народныхъ началъ, былъ женатъ на иновѣркѣ обращенной въ православіе. Его завѣтъ крѣпко хранится до сихъ поръ.

DK 37.6 .T75 1884 C.1
Iz istorii brachnykh diel v ts
Stanford University Libraries
3 6105 039 791 293

DATE DUE
